

Вступление. Отечественная война 1812 года

Французский медик Франсуа Мерсье вспоминал в преддверии Бородинского сражения:

«Серьезные лишения, испытываемые нашими ранеными, а также наступившая снова чрезмерная жара в связи с заразой, распространяемой тысячами трупов, валявшимися не только вокруг Смоленска, но и в самом городе и даже в домах, явились источниками эпидемических заболеваний, которые еще сильнее, чем страдания от ран, скопили в самое короткое время огромное количество наших солдат».

Что мы знаем об Отечественной войне 1812 года? Образ этой войны в массовом сознании находится где-то на полпути от сцен из романа Льва Толстого «Война и мир» к кинофильму «Гусарская баллада» режиссера Эльдара Рязанова: салонные разговоры, балы, красавцы-офицеры, соревнующиеся в благородстве, гениальные полководцы, красочные батальные сцены в стиле фильмов Сергея Бондарчука, панорамная съемка поля у села Бородино. Это представление абсолютно романтическое, олитературенное.

Меж тем баталии были отнюдь не литературными: только перечисление всех офицеров, погибших в Бородинском сражении, заняло бы несколько десятков страниц текста, что уж говорить о солдатах! А ведь кроме Бородина были еще и Витебск, Смоленск, Вязьма, Малоярославец, и во всех этих битвах гибли тысячи людей, и смерть их была совсем не красиво-театральной, а, как и положено смерти на войне, страшной, некрасивой.

Вместо балов, праздников, вина и красивых женщин, с которыми часто ассоциируется повседневная жизнь русской и французской армий, войсковой быт был наполнен болезнями, голодом, стонами раненых и умирающих, бесконечной борьбой за выживание.

Красивая жизнь закончилась практически в первые же дни Отечественной войны: молодые офицеры, в особенности те, чей военный опыт был еще совсем невелик, тут же растеряли свои коляски, денщиков, поваров и, не имея денег на пропитание, вынуждены были сами искать и устраивать себе ночлег, питание, лошадей; для рядового состава же не хватало даже самых необходимых продуктов.

Один из участников похода, русский офицер Николай Муравьев, брат будущего декабриста, уже в начале Отечественной войны пишет:

«Мы обносились платьем и обувью и не имели достаточно денег, чтобы заново обшиться. Завелись вши. Лошади наши истощали от непрерывной езды и от недостатка в корме. Михайла (младший брат. — Прим. ред.) начал слабеть в силах и здоровье, но удержался до Бородинского сражения, где он, как сам говорил мне, "к счастью был ранен, не будучи в состоянии выдержать усталости и нужды". У меня снова открылась цинготная болезнь, но не на деснах, а на ногах. Ноги мои зудели, и я их расчесывал, отчего показались язвы, с коими я, однако, отслужил всю кампанию»

Ему вторит в своих мемуарах и полковой врач Роос:

Н. Самокиш. Подвиг солдат Н.Н. Раевского под Салтановкой 11 июля 1812 года

«Во всех отношениях мы перебивались кое-как; уже мало было хлеба, а мука, молоко, вино и водка сделались большой редкостью. Вследствие жары и скверной воды мы забирались в ледники и захватывали с собой куски льда, которые переходили из рук в руки... Для лошадей лишь очень редко находилось сено и овес, а когда это и случалось, лошади не могли размолоть овес зубами, пригупленными вследствие питания травой и зерновым кормом».

В. В. Верещагин. Наполеон на Бородинских высотах. 1817 г.

За небольшой отрезок времени, чуть меньше полугода, миллионы людей потеряли свои дома и кого-то из близких и родных, были вынуждены уехать с давно обжитых мест. Каждый день Отечественной войны, даже если не происходило никаких стычек и боев, уносил сотни жизней как солдат, так и простых жителей, разорял целые уезды, уничтожал прекраснейшие города и поместья. И французы, и русские вспоминают, что иногда на несколько километров вокруг дорог, по которым двигались армии, не оставалось ни одного человека.

Но даже под свистом ядер и гранат на поле Бородинского сражения люди продолжали шутить, разговаривать, писать письма. Сохранились дневники и записки, которые вели многие из русских и французских офицеров от капрала до генерала. Кто-то из них писал о стратегических и тактических перемещениях армии, другие фиксировали интересные картины из жизни местных жителей, третьи записывали стихи, четвертые рассказывали о своих подвигах. Так или иначе, в этих записях предстают люди со своими проблемами, обидами, надеждой, верой, со своими живыми голосами.

Вот выдержка из воспоминаний артиллерийского подпоручика Н.Е. Митаревского:

«В одном месте со мной, в Петербурге... был юнкер; мать его, вдова небогатого военного чиновника... часто заезжала его навещать. Все мы знали эту почтенную и ласковую даму. Часто привозила она сыну лакомства, которыми он делился с нами.... Матери хотелось оставить его на службе в Петербурге, о чем она и просила; но ей сказали, что сын ее очень молод. Таким образом, сын ее поступил в действующую бригаду и в Бородинском сражении, в ту минуту, когда он наводил орудие, ему сорвало ядром череп... Когда я узнал об этом, то подумал, как часто судьба или предопределение странно, несправедливо распоряжается людьми. У моих родителей, кроме меня, было еще три сына; лишись они меня, им было бы чем утешиться, а тут мать лишается единственного утешения!»

За прошедшие 200 лет многие участники Отечественной войны 1812 года превратились в национальных героев, защитников, рыцарей чести, они стали частью великого и славного прошлого, памятниками себе и тем странам, что защищали. Другие же, как с русской, так и с французской стороны, теперь уже почти забыты, могилы их часто потеряны, портреты не сохранились, а от истории их жизни остались только сухие факты. Однако за каждым из этих знаменитых или забытых людей стоит собственная история, которая полна отнюдь не только героических событий, но и простых человеческих радостей и горестей. Мы постараемся донести до читателей голоса и судьбы этих людей.

Война 1812 года была одной из самых кровопролитных за всю историю наполеоновских кампаний. Еще до Бородинского сражения французский император видел, что из более чем 350 тысяч солдат Великой армии до Бородина добралась в лучшем случае половина, да и эти войска были измучены длительными переходами, нехваткой продовольствия и провианта, постоянными стычками с противником. Но что заставило эту громадную массу людей со всех концов Европы сдвинуться с места и отправиться в поход в далекую Россию? Только лишь воля Наполеона привела их в самый центр России или что-то управляло и самим «повелителем Европы»? И какова роль рядовых офицеров и солдат в том, как завершилась эта война? Что такое Отечественная война с политической, экономической, социальной точек зрения?

В данной книге собраны статьи, посвященные самым важным и интересным вопросам, связанным с историей войны. Вы сможете прочитать хронику каждого дня войны, как если бы получали донесения с поля военных действий, и узнать больше об отдельных людях, в той или иной степени повлиявших на ход событий в каждый период войны.

В. В. Верещагин. Апофеоз войны

День 1
9 (21) июня
1812 года

Международные отношения накануне войны

Война 1812 года была закономерным итогом развития международных отношений в Европе в начале XIX века. Наполеоновская Франция пыталась закрепить свое господствующее положение на европейском континенте и далеко за его пределами, что вызывало негодование у других держав. С целью остановить распространение французской экспансии были созданы несколько антифранцузских коалиций, потерпевших неудачу. Расширение влияния наполеоновской Франции на Восток и продолжение континентальной блокады неминуемо привели к столкновению с Россией.

Хроника дня: Наполеон выдвигается к Неману

Наполеон, находясь в Вилковишках, отдал приказ всем корпусам выдвигаться к Неману. Войска Наполеона были разделены на три группы. На правом фланге действовала группа короля Жерома Бонапарта. В нее входили 5, 7, 8-й пехотные и 4-й кавалерийские корпуса. Общая численность группы войск правого фланга составляла около 78 тысяч человек.

Центр составляли 4-й и 6-й пехотные и 3-й кавалерийский корпуса. Этой группой командовал пасынок Наполеона принц Евгений Богарне. Общая численность этой группы была около 80 тысяч человек.

На левом фланге находились 1, 2, 3-й пехотные и 1-й и 2-й кавалерийские корпуса, общей численностью в 220 тысяч человек. Этой группой командовал сам Наполеон. Фланги прикрывали корпуса Шварценберга и 10-й корпус Макдональда.

Тильзитский мир и предыстория русско-французского союза

С 1805 года Россия состояла в Третьей антифранцузской коалиции. Битва под Аустерлицем оказалась разгромной для русско-австрийской армии. Австрия заключила мирный договор с Францией и вышла из коалиции, а война России и Франции была продолжена на территории Пруссии, где в 1807 году Россия потерпела тяжелое поражение под Фридландом, в результате которого было подписано Тильзитское соглашение.

Соглашение вызвало бурную реакцию общественности. Вся Европа говорила о том, что российский император «предал и продал» короля и королеву прусских. Недовольно было и русское дворянство. Даже мать императора Мария Федоровна, немка по происхождению, предупреждала сына о том, что этот союз кладет неизгладимое пятно на репутацию Александра, за что его попрекнут потомки.

Проблемы российско-французской дипломатии

Одним из первых условий союза с Наполеоном было участие в континентальной блокаде, которая должна была закрыть для Англии и английских товаров все «гавани твердой земли». Россия обязывалась не вести никаких торговых отношений с Англией и автоматически объявлялась противником Англии. Эти меры нанесли суровый урон экономике Российской империи: рубль обесценился на три четверти, снизились объем и интенсивность товарооборота, существенно возросли цены на импортные товары, в то время как цены на российские товары, вывозимые из страны, значительно упали.

Союз России и Франции, заключенный в Тильзите и подтвержденный во время эрфуртского свидания императоров (15 (27) сентября – 2 (14) октября 1808 года), не мог существовать долгое время не только по экономическим, но и по политическим соображениям. Ведь у Наполеона были неотложные планы на Испанию и Австрию, на которых он не собирался останавливаться. Столкновение с Россией, после польских разделов укоренившейся в Центральной Европе, было неизбежно.

«Приближался решительный перелом, долженствовавший или утвердить всемирную монархию, которую Наполеон хотел основать на твердой земле, или разорвать цепи, удерживавшие под игом его почти все народы европейские».

Д.П. Бутурлин, военный историк и участник событий 1812 года

Выполняя свои обязательства, в 1809 году русская армия приняла участие в войне с Австрией на стороне Франции (был послан 20-тысячный обсервационный корпус на Волынь), поспособствовав, таким образом, окончательной ликвидации еще одного из сильнейших европейских игроков. Однако Наполеона куда больше волновал другой вопрос: победа над Англией и, как следствие, европейская гегемония, которую могла ему обеспечить только континентальная блокада. Россия же никак не могла полноценно в ней участвовать: русские купцы продолжали совершать операции либо тайно и под чужими флагами, либо через нейтральные страны, например, Швецию, что было пресечено в ходе эрфуртских переговоров.

Брак как стратегия

В октябре 1809 года Франция и Австрия подписали мирный договор, завершив тем самым существование Пятой антифранцузской коалиции. Это подарило Наполеону небывалое могущество, однако ему было необходимо закрепить этот успех. Выход он нашел в заключении брака с одним из королевских домов Европы.

Наиболее удачным для Наполеона мог стать союз с одной из сестер императора Александра или Марией-Луизой Австрийской. В дипломатических кругах тогда говорили, что он будет вскоре воевать с той державой, которая не даст ему своей принцессы. В Российской империи предложение Наполеона было воспринято холодно, и он заключил брак с австрийской эрцгерцогиней.

Политика «присоединения»

После ликвидации всех основных политических игроков Центральной Европы Наполеон возвратился к своей системе завоеваний без войны, которая именовалась присоединением. Его политика «движущейся границы» набрала небывалые обороты: за несколько лет были присоединены Голландия, Вализерланд, герцогство Лауэнбургское, город Любек на Балтийском море и территория Северного моря с городами Бремен и Гамбург. Среди этих присоединенных земель оказалось и дружественное России герцогство Ольденбургское (Екатерина, сестра Александра, отказав Наполеону, вышла замуж за сына и наследника герцога Ольденбургского). Безусловно, многие царедворцы трактовали захват княжества как месть за отказ Екатерины Павловны.

Эскалация конфликта

В декабре 1810 года в России был установлен новый таможенный тариф, согласно которому повышались пошлины на ввозимые предметы роскоши и на вина — как раз те товары, которые ввозились из Франции. Возможно, именно в ответ на подобное «неуважение» Наполеон направил французские войска в герцогство Варшавское и Пруссию, а также все внимательнее и придирчивее начал следить за соблюдением континентальной блокады. В ответ на расквартировку войск так близко к границам своей империи Александр потребовал от Франции в знак мира отвести войска за Вислу, что не было выполнено и привело к окончательному разрыву двух дворов. После этого война была уже неизбежна с точки зрения всех международных игроков. Началось формирование Великой армии.

«Если император Наполеон начнет войну, то возможно и даже вероятно, что он нас побьет, но это ему не даст мира... Я воспользуюсь его уроками. Это уроки мастера. Мы предоставим нашему климату, нашей зиме вести за нас войну. Французские солдаты храбры, но менее выносливы, чем наши: они легче падают духом. Чудеса происходят только там, где находится сам император, но он не может находиться повсюду. Кроме того, он по необходимости будет спешить возвратиться в свое государство. Я первым не обнажу меча, но я вложу его в ножны последним. Я скорее удалюсь на Камчатку, чем уступлю провинции или подпишу в моей завоеванной столице мир, который был бы только перемирием».

Александр I во время беседы с послом Франции Коленкур

Вернувшись из Петербурга в Париж, Коленкур убеждал императора установить мир с Россией и избежать войны. Наполеон отвечал: «Да одна хорошая битва покончит с этой прекрасной решимостью вашего друга Александра и со всеми его фортификациями, сделанными из песка».

Арман Луи де Коленкур (1773–1827), маркиз, герцог Винченский, дивизионный генерал. В 1807–1811 годах Коленкур — посол в Санкт-Петербурге.

В 1810 году, когда отношения между Россией и Францией начали обостряться, Коленкур старался их уладить, но безуспешно. В результате он подал в отставку и по собственному желанию был переведен в испанскую армию.

В 1812 году Коленкур сопровождал Наполеона в Россию, пытаясь убедить императора в бесперспективности его похода, а после разгрома Великой армии вел переговоры о перемирии в 1813 году. Во время 100 дней Наполеона был назначен министром иностранных дел, стал гением Франции. С июля 1815 года Коленкур проживал как частное лицо в Париже и не принимал больше никакого участия в политической жизни, однако оставил один из самых известных мемуаров о походе Наполеона в Россию.

А. Розн. Встреча Наполеона I и Александра I на Немане 25 июня 1807 года

Наполеоновские планы

Зимой 1812 года Наполеон в частном разговоре с Коленкурром отказывался признавать, что планирует войну с Россией: «Я оккупирую север Германии лишь для того, чтобы придать силу запретительной системе, чтобы действительно подвергнуть Англию карантину в Европе. Для этого нужно, чтобы я был силен повсюду. Мой брат Александр упрям и видит в этих мерах план нападения. Он ошибается. Лористон непрерывно объясняет ему это, но у страха глаза велики, и в Петербурге видят только марширующие дивизии, армии в боевой готовности, вооруженных поляков». Однако Коленкура это заявление императора не убедило. Все шаги и действия Наполеона свидетельствовали о подготовке Великой армии к войне.

Хроника дня: Нота с объявлением войны

Французский посол в России Жак Лористон вручил председателю Комитета министров графу Николаю Ивановичу Салтыкову ноту с объявлением войны. Левая группировка войск Великой армии подошла к Неману и расположилась на линии Гумбиньен — Кальвария. В это время Наполеон получил сведения о начавшемся движении Багратиона к северу от Полесья. Это было истолковано как начало наступления русских войск. Поэтому Наполеон приказал задержать движение к Неману войск центра и правого крыла.

Новые союзники

Наполеону было необходимо заручиться новыми союзниками. По его замыслу требовалось перевернуть идею «коалиций» наоборот: место общего врага должна была занять теперь Россия, против которой необходимо было направить всю Европу со всеми вассальными государствами. Брак Наполеона с эрцгерцогиней Марией-Луизой, казалось бы, обеспечил ему поддержку со стороны Австрии. Переговоры Франции с Венским кабинетом проходили непросто, но в итоге им удалось заключить военный союз, согласно которому Австрия отдавала в распоряжение Наполеона 30-тысячный военный корпус.

Подобный же договор был заключен и с Пруссией, предоставлявшей французам 20 тысяч солдат, а также все необходимое продовольствие во время прохождения французской армии через прусские земли. Помимо этого, он обязал глав государств, входящих в Рейнский союз (саксонского, баварского, вестфальского королей), дать войска для Великой армии.

Всего в распоряжении императора к началу войны находилось около 1120 тысяч военных. Для войны с Россией Наполеону удалось собрать под своими знаменами огромную армию — порядка 600 тысяч человек (непосредственно во вторжении участвовало свыше 400 тысяч). Она состояла из 13 пехотных и четырех резервных кавалерийских корпусов. Ударная сила оставалась за французскими частями, но, помимо них, в состав Великой армии входили войска Австрии и Пруссии, германских государств, итальянские, польские, испанские, голландские части. Однако прежде чем перейти к военным действиям, Наполеон развернул масштабную подготовку к войне — на дипломатическом и разведывательном фронтах.

Поражение в дипломатической схватке

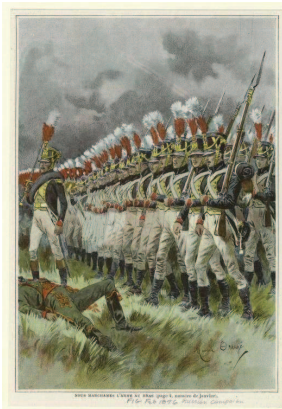
Наполеону необходимо было связать России руки на Юге и на Севере. Эта задача казалась ему не такой уж и сложной: на Юге нужно было только заставить турок энергичнее вести военные операции. На Севере надо было втянуть в войну Швецию, прельщая ее возвращением недавно потерянной Финляндии.

Наполеон предлагал шведам заключить союз, по которому они бы получили Померанию, а взамен должны были объявить войну англичанам и выставить против России армию от 30 до 40 тысяч человек. Однако Шведский кабинет принял

Армия Наполеона

другое решение и заключил союз не с Францией, а с Россией в апреле 1812 года. Этот договор присоединял Норвегию к Швеции, а также оговаривал высадку 25–30-тысячного шведского корпуса на территорию Северной Германии, чтобы осуществить диверсию в тылу главной французской армии. Почти одновременно с этими событиями, в мае 1812 года, М.И. Кутузов, главнокомандующий Молдавской армией, подписал мирный договор с Турцией в Бухаресте, тем самым закончив войну на Юге. Таким образом, в этой дипломатической схватке с Россией Наполеон потерпел поражение.

Французы атакуют

Миссия Нарбонна

Тем временем в Париже переговоры русского посла Александра Борисовича Куракина с Наполеоном по поводу вывода французских войск из Пруссии зашли в тупик. Куракин был уверен в решении Наполеона воевать с Россией: «Все заставляет думать, что война уже давно решена в мыслях императора французов».

Однако Наполеон собирался максимально оттянуть начало войны. Именно для этого он отправил в Вильну на встречу с императором Александром I генерал-адъютанта графа Нарбонна, чтобы создать видимость переговоров и возможного мирного урегулирования конфликта. Александр в беседе с Нарбонном подтвердил все свои предшествующие требования, переданные с послом Куракиным, заметил, что ничто не способно заставить его «заговорить другим языком». Но при этом Александр подчеркнул свое нежелание вести военные действия против Франции.

Индийский поход

«Я не обнажу шпаги первым. Я не хочу, чтобы Европа возлагала на меня ответственность за кровь, которая прольется в эту войну... Я все еще готов договориться обо всем в целях сохранения мира, но нужно, чтобы это было сделано письменно и в той форме, которая установит, на чьей стороне добросовестность и справедливость».

Александр I

Помимо этой официальной миссии, трехдневное пребывание Нарбонна в Вильне имело и другую цель: собрать сведения о количестве и расположении русских войск, а также разузнать настроение местного польского общества и степень его симпатий к русскому правительству. К графу тайно приходили некоторые знатные поляки, французские эмигранты, имевшие тесные связи в высшем виленском обществе. Однако русская контрразведка следила за каждым шагом Нарбонна.

Вернувшись из России, Нарбонн сообщил Наполеону важные сведения о русской армии и Александре I: Россия ни в коем случае не начнет первой военные действия, не перейдет через Неман, у нее нет никакого союзного договора с Англией.

Однако по трем очень важным вопросам Нарбонну не удалось составить верное мнение. Во-первых, он полагал, что в случае войны сражение будет дано сразу же после вторжения Наполеона в Россию и оно будет приграничным. Во-вторых, по его сведениям, между Россией и Швецией не заключен союз, хотя Швеция, вероятнее всего, и против Наполеона. В-третьих, Нарбонн считал, что мир России с Турцией не удастся подписать еще очень долгое время.

Открытка «Страшен был враг, да милостив Бог!», 1812 год, Елизавета Бен

Антироссийская демонстрация в Дрездене

В мае 1812 года Наполеон со своей новой супругой и частью двора посетили Дрезден. В Европе господствовало официальное мнение, что император отправился туда на смотр войск, но все тайно подозревали, что он едет «на войну с Россией». В Дрезден прибыли также австрийский император Франц I и король Пруссии Фридрих Вильгельм III. Дрезденские торжества, этот огромный съезд вассальных монархов Франции, как считают историки, были грандиозной антирусской демонстрацией.

Из Дрездена Наполеон выехал к Великой армии, которая устремлялась к Неману. Его маршрут проходил через Познань, Торн, Данциг, Мариенбург, Кенигсберг, Инстербург, Гумбинен, Вильковышки. В Данциге находилась крупная база войскового снабжения. Именно в этом важном пункте последние два года велась активная подготовка: этой крепости Наполеон уделял особое внимание, так как она должна была снабжать его всем необходимым для войны с Россией. А 22 июня по приказу императора Наполеона началось движение от Вильковышек к реке Неман.

Луи де Нарбонн (1755–1813), граф, генерал-адъютант, видный аристократ, бывший военный министр при Людовике XVI. После свержения Людовика он был уволен со своей должности, объявлен вне закона. В эпоху консульства Бонапарта он проживал в Париже частным человеком.

Интересный случай сблизил Наполеона и Нарбонна: император наградил лакея Нарбонна за участие в Египетской кампании орденом Почетного легиона. После этого граф считал неприличным поручать лакейские обязанности новому кавалеру и предложил ему должность лесничего, которая бы не унижала его достоинство. Узнав об этом происшествии, Наполеон пожелал познакомиться с Нарбонном и вскоре назначил его своим адъютантом. В 1809 году он был произведен в дивизионные генералы, а затем был назначен генерал-адъютантом при императорской особе.

В мае 1812 года он был отправлен в Вильну для свидания с императором Александром I, помимо этого занимался разведывательной деятельностью. Нарбонн сопровождал императора во время его похода в Россию в 1812 году. Он умер в ноябре 1813 года в должности коменданта крепости Торгау, которую мужественно защищал во время осады ее союзными войсками.

Обманутые ожидания Бонапарта

При всех осуществляемых Наполеоном военных и дипломатических приготовлениях он не имел общего стратегического плана войны. Возможно, это было связано с тем, что до последнего момента Наполеон не был уверен в том, нужно ли идти на эту войну. Он все еще не исключал возможности того, что грозные приготовления напугают Александра, он будет вынужден пойти на уступки и тем будет достигнута моральная и политическая победа.

Следует также обратить внимание на то, что в воззвании к Великой армии от 22 июня 1812 года главнокомандующий писал: «Солдаты! Вторая польская война началась!» Эта война стартовала для Наполеона не как русская война — она была второй польской войной, повторением 1807 года. Все его распоряжения первых дней войны по дислокации военных сил показывают, что он ожидал вторжения русских войск в Великое герцогство Варшавское и рассчитывал на то, что решающие битвы произойдут в начальный период войны. Мысль о глубоком вторжении вглубь Российской империи первоначально исключалась Наполеоном.

По словам Меттерниха, весной 1812 года в Дрездене Наполеон говорил: «Я открою кампанию переправой через Неман; ее границами будут Минск и Смоленск. Здесь я сделаю ставку. Я укреплю эти два пункта и вернусь в Вильно, где будет главная ставка командования, и займусь организацией Литовского государства...»

Индийский поход

В случае успеха кампании 1812 года французский император рассматривал возможность похода в Британскую Индию через территорию Российской империи. Такую идею Бонапарт высказывал еще в 1797 году: возможность получить морской выход к «жемчужине британской короны» стала одной из причин военной экспедиции Наполеона в Египет и Сирию в 1798–1801 годах. После ее провала Бонапарт вел переговоры о походе в Индию с российским императором Павлом I, а после его смерти — с Александром I, но успехом они не увенчались.

Введенная Наполеоном в 1806 году континентальная блокада Великобритании давала свои плоды: Франции удалось закрыть европейские порты для английских товаров. Однако для окончательного ее успеха необходимо было лишить Лондон доступа к колониальным рынкам, крупнейшим из которых была Индия.

Тем не менее индийский поход, согласно теоретическим представлениям Наполеона, должен был состояться исключительно как совместное российско-французское предприятие, успех которого в равной степени зависел как от Парижа, так и от Петербурга. Для достижения этой цели Наполеону необходимо было вернуть Российскую империю в орбиту французских геополитических интересов.

День 3
11 (23) июня
1812 года

Переправа через Неман: вавилонское столпотворение

Во время переправы через Неман создавалось ощущение, что война идет не между Францией и Россией, а между Европой и восточными варварами. Россия воспринималась солдатами Великой армии как страна, наполненная чудесами, сокровищами и опасностями, как и положено сказочной стране за тридевять земель. Тем характернее их разочарование...

Хроника дня: Начало переправы через Неман

Около десяти часов вечера войска левого крыла Великой армии начали форсирование реки Неман. Организация переправы возлагалась на корпус Даву.

Нашествие «двунадесяти языков»

Поход Великой армии называют нашествием «двунадесяти языков», что, в общем, соответствует действительности. Из почти 400 тысяч солдат, перешедших Неман в июне 1812 года, только около 150 тысяч были французами.

Немецкий полковой врач фон Роос, один из участников похода Наполеона, в своих записках замечает, что в ходе переправки войск он наблюдал интереснейшее зрелище проходивших мимо него разноязычных полков.

Все это поистине напоминало переселение народов или вавилонское столпотворение. В составе армии Наполеона были швейцарцы, поляки, хорваты, саксонцы, вестфальцы, австрийцы, баварцы, пруссаки, далматинцы, испанцы, португальцы, бельгийцы и голландцы.

В. Мазуровский. Переход через Неман

Открытка. Переправа Наполеона через Неман

Многие из них оказались в составе Великой армии по принуждению, как, например, насильно собранные испанские и португальские батальоны, некоторые — в силу заключенных их государствами союзов с наполеоновской Францией (Италия, Австрия, Рейнский союз, Пруссия), третьи — по причине вхождения их земель в состав Французской империи в качестве провинций или нахождения в разного рода зависимости от Франции (поляки, хорваты, бельгийцы). Каждый из полков имел свои отличительные знаки, свою форму, свои традиции, для многих из солдат этот поход стал первым столь далеким путешествием. От всего этого мощного движения создавалось ощущение, что война идет не между Францией и Россией, а между Европой и восточными варварами.

Переход через Борисфен

Лейтенант Брандт в своих воспоминаниях рассказывает историю о том, как после сражения близ Салтановки, преследуя отступающих русских, французы корпуса Даву подошли к верховьям Днепра: «*Наши солдаты не хотели верить, что это знаменитый Борисфен (греческое название Днепра, распространенное в XVIII—XIX веках в Европе. — Прим. авт.); особенно незначительным был он в глазах тех, кто видел Тахо и Дунай. "Совсем как Россия; издали — что-то особенное, а вблизи — совсем ничего", — говорили они, ибо настроение их в ту пору было чрезвычайно приподнятое... Смесь переходили они реку, через которую лишь немногим из нас пришлось перейти обратно...*»

Однако далеко не все французы были так радостно настроены. Согласно воспоминаниям бригадного генерала ван Дедема де Гельдера, в день переправы среди генералов, составлявших свиту Наполеона, «царствовало зловещее молчание, чуть ли не уныние».

В ответ на попытку пошутить Огюст Коленкур (брат известного дипломата Армана де Коленкура), с которым Дедем был в дружеских отношениях, сделал ему знак и сказал тихо: «Здесь не смеются. Это великий день». «Он указал при этом на противоположный берег реки, как будто хотел присвокупить “Вот наша могила”», — вспоминает генерал.

Первая встреча с русскими

Первыми на русскую территорию переправились легкие стрелки авангарда 13-го полка, который высадился на правом берегу еще ночью 23–24 июля, пребывая в полной неизвестности, не обнаружится ли утром над его позициями целая армия.

Польский офицер Солтык, участвовавший в операции, рассказывает о первой встрече русских и французских войск:

«Только после того как на правый берег успело высадиться около сотни человек, послышался издали шум галопирующих лошадей. На расстоянии 100 приблизительно шагов от нашего слабого авангарда остановился сильный взвод русских гусар, которых мы узнали, несмотря на ночную тьму, по их белым султанам. Командующий взводом офицер сделал несколько шагов в нашу сторону и закричал по-французски:

— Кто идет?

— Франция, — ответили вполголоса наши солдаты.

— Что собираетесь вы здесь делать? — продолжал русский, обращаясь к нам все время на правильном французском языке.

— Увидите, черт возьми! — решительно ответили наши стрелки.

Офицер, вернувшись к своему взводу, скомандовал сделать залп, на который никто с нашей стороны не ответил, и неприятельские гусары ускакали прочь галопом».

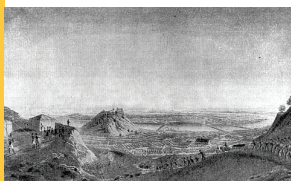
Огюст Жан-Габриэль де Коленкур (1777–1812), генерал Наполеоновской армии. Брат дипломата генерала Армана де Коленкура, участвовал в трех войнах против войск Российской империи: в 1799, 1805 и 1812 годах.

В 1792 году поступил на службу в королевский кирасирский полк, позже перешел на сторону Революции. Отличился во время походов в Италию и Австрию, в 1806 году был произведен в бригадные генералы; за чрезвычайно успешно проведенные операции в Испании (1808) ему было даровано баронское достоинство, а в 1809 году получил чин дивизионного генерала.

Во время войны 1812 года молодой генерал, как и его брат, находился в свите императора, принимал участие в нескольких удачных операциях во время летней кампании 1812 года, отличился в Бородинском сражении. Именно благодаря действиям генерала Коленкура французы смогли все же занять батарею Раевского, однако именно в ходе этого наступления молодой генерал был убит. Вот как описывает Арман де Коленкур свой последний разговор с братом: «Брат пожал мне руку и сказал: “Цело такое жаркое, что я, наверное, тебя больше не увижу. Мы добьемся торжества, или же я буду убит”».

Имя Огюста де Коленкура было выгравировано на Триумфальной арке в Париже, а его молодая вдова в память о нем никогда более не вышла замуж.

День 4
12 (24) июня
1812 года

Переход французской армии через Неман 24 июня

Военные планы Российской империи

О разработке плана войны с Наполеоном русское военное руководство стало задумываться уже в 1808 году, после свидания двух императоров в Эрфурте, спустя всего год после Тильзитского мира. Вопрос был лишь в том, будет эта война оборонительной или же наступательной. Были составлены различные военные планы, но политическая ситуация в Европе постоянно менялась, поэтому до конца оставалось неясным, где располагать войска.

Хроника дня: Наполеон прибыл в Ковно

Три роты 13-го полка легкой пехоты 1-й пехотной дивизии 1-го армейского корпуса на лодках переправились на правый берег Немана и направились в Ковно. Под прикрытием этого заслона саперные части начали наводить четыре потонных моста у деревни Понемунь.

В течение ночи 1-я пехотная дивизия генерала Морана полностью переправилась на правый берег реки. Ее встретил небольшой разъезд лейб-гвардии Казачьего полка, который отступил после непродолжительной перестрелки.

Кутру пехота 1-го и 2-го корпусов выстроилась в 16 линий батальонных колонн между деревнями Алексота и Есса. Слева располагались 1-й и 2-й кавалерийские корпуса. За ними у Мариамполя расположились гвардия и 3-й пехотный корпус.

Днем в Ковно прибыл Наполеон.

Вечером в Вильну примчался курьер от генерала Орлова-Денисова и сообщил Александру I о том, что Наполеон форсировал Неман. Александр I приказал 1-й Западной армии Барклая-де-Толли сосредотачиваться у города

I план: Барклай-де-Толли

Первым наиболее полный план военных действий Александру I предоставил Барклай-де-Толли в 1810 году в записке «О защите западных пределов России». Барклай-де-Толли высказывался за ведение оборонительной войны. По его плану оборонительная линия должна была пройти по Западной Двине и Днестру, где предполагалось организовать запасы продовольствия и возвести ряд оборонительных укреплений.

Барклай-де-Толли считал, что Наполеон может напасть на Россию по трем направлениям, и предлагал поэтому три варианта действий.

1. Если Наполеон двинется через Украину, то левый фланг русских войск должен будет отойти и закрепиться у Житомира, а войска правого фланга должны будут начать наступление через Пруссию и атаковать французов во фланг.
2. При наступлении Наполеона на Петербург войска правого фланга должны будут отойти и закрепиться на линии Фридрихштадт — Якобштадт, а войска левого крыла должны будут наступать на Варшаву, чтобы с фланга атаковать неприятеля.
3. Если же Наполеон пойдет на Москву, то русским войскам необходимо будет отойти к Днепру и одновременно атаковать неприятеля как с правого, так и с левого флангов.

В любом случае удача русской армии, по мнению Барклая-де-Толли, зависела от успешной обороны, сочетающейся с активными действиями на флангах неприятеля. Именно поэтому Барклай-де-Толли не предполагает отступления вглубь страны, а ограничивается удержанием обороны на границе.

В целом эти соображения получили одобрение, и военное ведомство, главой которого в то время и был Барклай-де-Толли, приступило к приведению в боевую готовность крепостей на Березине, Днестре и Западной Двине.

II план: превентивная война

Разработанный военным министром план был уже практически утвержден, когда в 1811 году от Пруссии поступило предложение о союзе, в корне изменившее все представления о войне с Францией. В Петербурге все больше и больше стали

задумываться о превентивной войне. Сторонники наступательных действий исходили из того, что необходимо не дать Наполеону использовать военный потенциал Центральной Европы, а начать борьбу с ним при помощи Пруссии, Польши и Швеции. Планы эти предусматривали развертывание русских войск непосредственно у границ империи и быстрое наступление к Одеру.

Все было уже практически готово к наступлению, войска немного продвинулись на запад, а командующие даже имели на руках предписание переходить границу, как только война будет объявлена, когда неожиданно и этот план пришлось пересматривать.

III план: возврат к оборонительной стратегии

Изменения политической обстановки заставили военное руководство вновь обратиться к оборонительному плану, предложенному Барклаем-де-Толли: стало понятно, что в ближайшее время не удастся заключить мир с Турцией, в войну с которой Россия была втянута с 1806 года. Более того, выяснилось, что ни Австрия, ни Пруссия, ни тем более Польша не примут участия в войне против Франции на стороне России.

Однако, пока не было ясно, как поведет себя Австрия и Пруссия, не удавалось определить точное расположение русских войск на западной границе. Кроме того, приходилось держать крупные силы на Балканах, так как мир с Турцией еще не был заключен. Наконец, открытым оставался самый главный вопрос: на каком направлении держать оборону.

Из трех возможных вариантов — петербургский, московский и киевский — самым важным считался первый. Именно поэтому особое внимание было уделено защите столицы, и много сил и времени было потрачено на укрепление Риги и крепостей на Двине. Укрепляли также Бобруйск и Могилев, так как считали, что если Наполеон не пойдет на Петербург, то пойдет на Киев. Московское же направление считалось менее важным, поэтому Смоленск и Борисов были укреплены значительно меньше. При этом сам Барклай считал, что отступление войск не должно проводиться далее Западной Двины и Днепра.

IV план: Багратион

Петр Иванович Багратион продолжал отстаивать план быстрого наступления на Одер. Начать войну следовало, по его плану, наступлением стотысячной армии на Варшаву и Прагу, одновременно с этим осадить Гданьск. Кроме того, Багратион предлагал задействовать в войне и Балтийский флот. Залог победы России Багратион видел в быстром захвате территорий, который вынудит Австрию и Пруссию сохранить нейтралитет. Багратион продолжал настаивать на необходимости наступательных действий, даже когда Наполеон уже был готов переправиться через Неман и численное превосходство неприятеля было уже очевидно. В ходе войны Багратион сетовал на бесконечное отступление русских войск, организованное Барклаем-де-Толли.

Естественная путаница планов

Александр I отверг все наступательные планы, но своих решений он не сообщал не только главнокомандующему, но и даже военному министру Барклаю-де-Толли. При этом он всерьез рассматривал отрывочные предложения, которые поступали от Карла Людвиговича Фуля, пруссака, находящегося на русской службе. Единой системы у Фуля не было, скорее это были различные записки и предположения, в основном касавшиеся количества сухарей, необходимых войскам, и того, сколько понадобится лошадей, чтобы все эти сухари к войскам доставить. Александр I, в конечном счете утвердивший план Барклая-де-Толли, отменять плана Фуля не стал. Это привело к тому, что уже в ходе войны было решено принять предложение Фуля держать оборону в укрепленном Дрисском лагере, что едва не привело Первую армию к полному разгрому.

Русская сторона до самого вторжения Наполеона не имела единого плана, а главное, долго не могла определить направление главного удара Наполеона. Войска на западной границе были разделены на три удаленные друг от друга армии, которые прикрывали все три пути, но были малочисленны и не могли по отдельности сдержать наступление французов.

Свенцины. Тем временем М.И. Платов получил приказ сосредоточить казачий корпус у города Гродно и действовать во фланг и тыл неприятелю.

Был отправлен курьер в Петербург с сообщением о начале войны. Министр полиции Александр Дмитриевич Балашов получил приказание отправиться к Наполеону с письмом Александра I, в котором русский император предлагал Наполеону вступить в переговоры при условии, что французские войска покинут русскую территорию.

Петр Михайлович Волконский (1776–1852) происходил из княжеского рода Волконских, родословная которых велась от Рюрика. Сразу после рождения был записан сержантом в лейб-гвардии Преображенский полк, откуда позднее был переведен унтер-офицером в лейб-гвардии Копыный полк. С 1797 года являлся адъютантом великого князя Александра Павловича. После вступления на престол императора Александра I был назначен товарищем начальника Военной походной канцелярии Е. И. В., которая на тот момент де-факто являлась главным руководящим органом российской армии. Принимал участие в войне 1805 года, занимая должность дежурного генерала и генерал-квартирмейстера в армиях сначала Федора Буксегвдена, а затем и Михаила Кутузова. Особенно отличился в сражении при Аустерлице, в ходе которого лично возглавлял контратаку Фанагорийского полка, отгнав войска французов, атаковавших бригаду Каменского. За это Петр Волконский был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени. После подписания Тильзитского мира и улучшения отношений между Санкт-Петербургом и Парижем находился во Франции, где изучал ее военное устройство и особенно работу Генерального штаба. Стоял у истоков формирования библиотеки Главного штаба, а в 1811 году переехал из собственной личной библиотеки более 500 книг по военному искусству и истории. Во время Отечественной войны 1812 года руководил Главным штабом и находился непосредственно при Александре I. Хотя российский Генштаб был учрежден еще в 1763 году по указу императрицы Екатерины II, именно Петр Волконский считается основателем в России штабной службы в современном понимании.

Первые манифесты войны

Война 1812 года была настоящим испытанием для русского народа. Несмотря на то что в обществе витали слухи о грядущей схватке с Наполеоном, морально подготовиться к войне было невозможно. Помимо военных мер, одной из важнейших задач правительства Александра I было возбудить в обществе патриотические чувства. Первые правительственные акты условно делятся на две группы: к первой можно отнести документы, в которых правительство пыталось оправдать в общественном мнении собственные военные мероприятия, а ко второй — акты, целью которых было привлечение общества к участию в войне с Наполеоном.

Хроника дня: Конец переправы через Неман

Десятый армейский корпус Великой армии переправился через Неман у Тильзита и двинулся к Россиенам. Войска Даву и Мюрата завяли Жижморы. Вечером переправа левого крыла Великой армии через Неман завершилась.

Близ местечка Попарцы происходит стычка разездов генерал-майора Тучкова 3-го и французских передовых отрядов, русские отступают, уничтожая по пути мосты через реку Вилью.

Наблюдательный пост 1-го Телгярского казачьего майора Тимирова 1-го полка, располагавшийся на правом берегу Немана, отступил после небольшой стычки к своему полку.

У деревни Барбаринки французский разведывательный отряд захватил в плен русских: прапорщика, двух унтер-офицеров и двух рядовых, возвращавшихся с провиантом к своему полку.

Документы начала войны

Первым манифестом, относящимся к войне, которая тогда еще только надвигалась, был Манифест о наборе рекрутов со всего государства с пятисот душ двух от 23 марта (4 апреля) 1812 года. Этот государственный акт предполагал набор двух рекрутов с каждых 500 душ во всех губерниях. Подобные мероприятия объяснялись беспокойным состоянием дел в Европе, которое «требует решительных и твердых мер, неусыпного бодрствования и сильного ОПОЛЧЕНИЯ, которое могло бы верным и надежным образом оградить Великую ИМПЕРИЮ НАШУ от всех могущих против нее быть неприязненных покушений». А потому «ныне настает необходимая надобность увеличить число войск НАШИХ новыми запасными войсками». Тон манифеста достаточно сдержанный и осторожный: в нем нет никаких подробностей об обострении отношений с Францией, он не должен был быть воспринят как намерение нарушить мир.

Известие о переправе французской армии через Неман дошло до императора в ночь с 12 (24) на 13 (25) июня 1812 года, когда тот находился на балу в загородном доме недалеко от Вильны. В ту же ночь он вызывает к себе государственного секретаря Александра Семеновича Шишкова и дает ему поручение написать приказ войскам и фельдмаршалу графу Салтыкову.

Так был составлен первый государственный акт, относящийся к началу войны 1812 года — Приказ по армиям от 13 (25) июня 1812 года: «из давнаго времени примечали мы неприязненные против России поступки французскаго Императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные... Французский император нападением на войски НАШИ при Ковне открыл первый войну».

Александр I подчеркивает в этом приказе свое нежелание и вынужденность вступать в военное столкновение с Наполеоном, однако призывает русскую армию вспомнить о долге и храбрости, ведь в ней «издревле течет громкая победами кровь Славян»: «Воины! Вы защищаете Веру, Отечество, свободу. Я с вами. На зачинающаго Бог».

В этот же день (13 июня 1812 года) император подписал еще один важный документ — Рескрипт на имя Председателя Государственного Совета и Комитета Министров Генерал-Фельдмаршала Графа Николая Ивановича Салтыкова: «Самое вероломное нападение было возмездием за строгое наблюдение союза. Я для сохранения мира истощил все средства, совместные с достоинством Престола и пользою МОЕГО народа. Все старания МОИ были безуспешны. Император Наполеон в уме

своим положил твердо разорить Россию. Предложения самые умеренные остались без ответа. Внезапное нападение открыло явным образом лживость подтверждаемых в недавнем еще времени миролюбивых обещаний. И потому не остается МНЕ иного, как поднять оружие и употребить все врученные МНЕ Провидением способы к отражению силы силою... Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в Царстве МОЕМ».

Немец, француз и русский: неопубликованные манифесты

Александр Семенович Шишков император также поручает составить проект манифеста о начале войны. Шишкову не удалось лично заняться созданием этого проекта ввиду его постоянных переездов с императором и недостатка времени. Однако он возложил работу по просмотру и анализу предложенных проектов. Всего их было три: один, немецкий, принадлежал перу генерала Фуля, второй, французский, был написан Нессельроде и Анстедом, третий, русский, принадлежал неизвестному автору.

Первые два проекта были практически сразу отвергнуты Шишковым. В них авторы заострили главное внимание на оправдании в глазах общества отступления русской армии, которым характеризовалось начало войны. Предпочтительность отступления обосновывалась опытом последних войн, положением русских границ, значительностью сил Наполеона и т.п. Таким образом, отступление русской армии провозглашалось частью заранее выработанного плана. Подобные мысли не были близки Шишкову: сам он считал это отступление ошибкой.

Третий, русский, проект в отличие от предыдущих двух, обращал главное внимание не на анализ планов и военных действий первых дней войны, а на ее причины. Объяснялось, что «Наполеон снова грозит общему спокойствию, поработив и разорив союзные с ним державы; он явно намерен восстановить Польшу, приближает войска к русской границе, захватил герцогство Ольденбургское, позволяет себе вмешиваться даже во внутреннюю жизнь России, требуя полного прекращения русской внешней торговли».

В манифесте также говорилось о «тяжких узак», которые император «добровольно» возложил на себя во имя сохранения мира. Особенным образом император обращался к полякам, увещывая их не верить Наполеону и подумать о рабстве, которое их ждет, если они поддадутся его уловкам. В конце манифеста подчеркивалась непричастность русского императора к развязыванию войны и вся ответственность возлагалась на плечи Наполеона. Этот проект сохранился в черновой рукописи, на ней надпись Шишкова: «Читал сей манифест и нахожу оный существом дела, мыслями, связью, слогом прекрасно написанным». Однако Александр I после некоторого колебания решил все же никакого торжественного манифеста о войне не опубликовывать. И все эти три проекта так и остались необнародованными.

«Предпочсть оборонительную войну наступательной»

В известиях о военных действиях из Главной квартиры обосновывались тактические приемы русской армии: «опыты прошедших браней и положение наших границ побуждают предпочсть оборонительную войну наступательной, по причинам великих средств, приготовленных неприятелем на берегах Вислы».

В приказе военного министра, главнокомандующего 1-й Западной армией, генерала М.Б. Барклая-де-Толли от 24 июня (6 июля) 1812 года описываются успехи русской армии, перспективы ее продвижения:

«Все отряды войск искусным и быстрым движением приняли направление свое к общему соединению. Уже нет нам никакого к тому препятствия. Вскоре соберетесь вы, храбрые воины, вместе и общими силами противопоставите врагу, дерзнувшему нарушить спокойствие наше; и ежели бы он, утомленный тщетным стремлением на нас и бесчисленными нуждами в сем новом напряжении сил его, решился избежать битвы с нами, мы сами тогда устремимся на поражение его, мы сами, с помощью правосудного Бога, отмстим ему за себя и за всех, от насиллий его потерпевших».

Эти первые манифесты и известия о военных действиях из Главной квартиры, публикуемые на страницах периодической печати, производили на общество ожидаемое впечатление: все силы и мысли должны были быть направлены на защиту России от нападения Наполеона и его армии. Но были и такие патриотически настроенные критики, которым казалось, что эти манифесты слишком сдержанны: например, в рескрипте Салтыкова находили «большую робость, потому что Наполеон в нем не был разруган».

Александр Семенович Шишков (1754–1841), русский писатель, военный и государственный деятель. Его сочинение «Рассуждение о любви к Отечеству» привлекло внимание императора Александра I, и 9 (21) апреля 1812 года он был назначен государственным секретарем, сменив на этом посту М.М. Сперанского.

Манифесты, написанные Шишковым, зачитывались по всей России. Фактически он блестяще сыграл роль своего рода главного идеолога Отечественной войны. Его манифесты поднимали дух русского народа, усиливали и укрепляли его патриотический дух, поддерживали в тяжелые дни поражений. Ему был пожалован орден Александра Невского «За примерную любовь к Отечеству».

Х.В. Фабер дю Фор. На берегу Немана (13 (25) июня 1812 года)

А. Альбрехт. Переход итальянского корпуса Евгения Богарне через Неман

День 6
14 (26) июня
1812 года

Мародерство Великой армии

Еще до начала войны Великая армия Наполеона, не вступая ни в какие боевые действия, оказалась в тяжелой ситуации, связанной с беспомощностью французского командования в решении чисто технических вопросов. Собрал такое количество войск (400 тысяч, шутка ли!) на одной территории, император не рассчитал количество фуража и провианта, что привело к голоду и болезням в армии, а также, что естественно, — к мародерству.

Хроника дня: Балашево
прибыл к Даву

Балашево прибыл к французским аванпостам у Росиев. По распоряжению Мюрата Балашево был доставлен к маршалу Даву.

Казачий корпус Платова прибыл в Гродно и начал эвакуировать в Минск припасы, оружие и амуницию.

А. Темников. Рядовой 5-го кирасирского полка Нуаро организовал побег маленького поросенка из русского плена

Союзники или разорители?

По воспоминаниям многих французов, первые рейды за провиантом и фуражом, а вместе с тем и за всем, что плохо лежит, начались еще на территории Пруссии и герцогства Варшавского. Офицерам приходилось убеждать солдат в том, что пруссаки и поляки — союзники Франции и что настоящая добыча будет ждать солдат в России. Эти воззвания, правда, особого действия не оказали, грабежи продолжались. Так, офицер гвардии Пион де Лош со свойственной ему, тайному роялисту, иронией вспоминает, что при приближении к городу Инстербургу в Восточной Пруссии (ныне город Черняховск в Калининградской области) он встретил «какой-то отряд, которому только что был произведен смотр» и который «входил в город врассыпную, забирая у жителей все необходимое для ночлега с таким видом, как будто это была неприятельская страна...».

Наиболее массовые операции по изъятию у местного населения всего необходимого начались перед переправой через Неман. В этот момент командиры Великой армии получили из штаба приказ запастись фуражом и провиантом на ближайшие три недели, более того, в тексте приказа ясно было обозначено, как это сделать. По окрестным землям были пущены специальные команды с офицерами во главе, безжалостно грабившие местных жителей. Часто между командами разных полков происходили стычки, дележ добычи, крестьян обирали по три-четыре раза, разоряли поместья, вместе со съестными припасами вывозили и многие другие ценные вещи. Для обеспечения фуражом кавалерийские команды срезали еще зеленую рожь с полей.

В какой-то момент перед офицерами, возглавлявшими заготовительные команды, стал вопрос о том, как доставить в полки все собранное. Пострадали опять-таки окрестные хозяйства: открывались сараи, вывозились телеги, в которые впрягали выючный скот. Один из участников этой миссии, полковой врач, пруссак фон Роос замечает в своих мемуарах: «Этот приказ, столь быстро выполненный, до такой степени начисто обобрал жителей той местности, что они, наверное, со всей силой почувствовали войну еще до ее начала».

Одним из первых результатов Второй польской войны, которая провозглашалась как война за свободу, независимость и благоденствие Речи Посполитой, еще до начала боевых действий стало разорение многих польских городов, деревень и поместий ее защитниками и покровителями.

Однако, как напишет генерал Дедем в своих воспоминаниях о войне 1812 года, «энтузиазм поляков и их желание вернуть самостоятельность были столь велики, что многие из них все же встречали французов как желанных гостей».

Завоеватель в унынии

Более всего от проблем с коммуникацией страдала конница. Чаше всего именитых генералов (неаполитанскому королю маршалу Мюрату, вице-королю Итальянскому Е. Богарне), которые, как показала практика, плохо были знакомы с управлением конными войсками на марше, располагали их на ночлег в не подходящих для этого местах, плохо обеспеченных водой и фуражом. Фактически после каждой такой стоянки французская армия недосчитывалась нескольких сотен лошадей, недостаток которых возмещался то за счет артиллерийского обоза, то за счет местных хозяйств.

Серьезные трудности встретили конницу Великой армии на территории России. Так, по сообщению французского офицера капитана Куанье, 29 июня в районе Ковно на войска Даву и Мюрата обрушился страшный ураган с градом и снегом, заставший войска на марше: «В кавалерийском лагере около нас земля покрылась трупами не перенесших холода лошадей: в эту ужасную ночь их пало более десяти тысяч». Кроме лошадей, погибло и множество солдат, замерзших по дороге к лагерю, многие сотни отбились от своих частей.

Вообще вступление на территорию Российской империи привело наполеоновские войска в уныние. Все мемуаристы того времени постоянно вспоминают казаков, которые, словно бесы из табакерки, то посевы сожгут, то амбары, то деревни разграбят. Ни фуража, ни провианта, бездорожье и резко изменяющаяся погода (от страшной изнурительной жары до лютого по французским меркам холода), брошенные селения, в которых оставались только евреи, — все это день ото дня делало продвижение армии все тяжелее. Между тем верховное командование продолжало гнать войска вперед, стараясь настигнуть отступающих русских и все более растягивая собственные коммуникации.

Луи-Александр Бертье (Berthier) (1753–1815) уже в 1789 году был начальником штаба Национальной гвардии Версаля, до этого пройдя путь от подпоручика до подполковника и поучаствовав в американской Войне за независимость. В 1795 году он получает чин дивизионного генерала и назначение в штаб Альпийской армии, а затем — в штаб Итальянской армии под командованием Наполеона.

За свои заслуги Бертье становится командующим Итальянской армией и в этом статусе провозглашает в оккупированном Риме республику в 1798 году. После этого генерал почти бессменно возглавляет штаб при императоре. Особой заслугой Бертье считается невероятный по масштабу марш-бросок во время австрийской кампании 1805 года. После восхождения Наполеона на престол Бертье получил и чин маршала империи, и достоинство герцога, а затем принца, и место главы I когорты Почетного легиона.

Во время русской кампании 1812 года Бертье возглавлял штаб Великой армии, и с его ошибками часто связывают проблемы со снабжением, хотя Бертье был среди тех, кто попытался отговорить Наполеона от похода вглубь России. Перед Бородинским сражением Бертье повздорил с Наполеоном о стратегии французов, за что после начала отступления был оставлен при разгромленной Великой армии в России.

После отречения Наполеона Бертье переходит на сторону роялистов, даже после возвращения Бонапарта с Эльбы не возвращается к бывшему императору. Погибает Бертье при смутных обстоятельствах во время 100 дней Наполеона, выпав из окна своего замка. Впоследствии Наполеон очень будет жалеть, что начальником его штаба при Ватерлоо был не Бертье. Имя Луи-Александра Бертье выбито на Триумфальной арке в Париже.

День 7
15 (27) июня
1812 года

Память места: Гродно

2-я Западная армия распалась под Гродно и оказалась отрезанной от основной 1-й армии наступавшими французскими корпусами

Хроника дня:

Корпуса Жерома Бонапарта и Ю.А. Понятовского выдвинулись к Гродно.

Януарий Иванович
Суходольский

Надежда Андреевна Дурова

Гродненская губерния в 1812 году: шпионы, казаки и партизаны

В 1795 году Гродно вошел в состав Российской империи. В сентябре 1801 года была учреждена Гродненская губерния в составе восьми уездов. Подготовка к войне с Францией на территории губернии началась еще в 1809 году, когда было дано тайное распоряжение об эвакуации в Псков всех секретных документов, которые «могут дать понятие о земле». Накануне наполеоновского вторжения на обширной территории Гродненской губернии были сосредоточены крупные военные силы.

В этой области, которая когда-то принадлежала Речи Посполитой, активно работали французские шпионы. Они распространяли прокламации о вольности, которые имели «сильнейшее влияние на большую часть жителей сего края, в коем огонь кроется под пеплом». Французская шпионская сеть раскинулась по всей Белоруссии. Отдельный интерес для Наполеона представляли сведения о дорогах Гродно — Москва, Гродно — Вильно, Гродно — Петербург.

С началом военных действий в направлении Гродно продвигалось правое крыло французских войск в составе трех пехотных и одного кавалерийского корпуса под командованием брата Наполеона, вестфальского короля Жерома Бонапарта. Багратион начал отступление за пределы Гродненской губернии, двигаясь через Гродно на дорогу Гродно — Волковыск. По его пятам шла 75-тысячная армия.

В самом Гродно был размещен корпус генерала Платова. Платов приказал гродненскому полицмейстеру уничтожить мост через Неман, но остановить французов им не удалось. В городе приступили к спешной эвакуации. 17 (29) июня казачьи части генерала Платова оставили Гродно. Оставшиеся жители, тем не менее, отказывались поставлять французам продовольствие и фураж, вступали в открытые схватки с неприятелем.

Французы в городе: балы, налоги и жандармы

18 (30) июня в Гродно вступил сам Жером Бонапарт, который должен был действовать против армии Багратиона с тыла. Он разместился во дворце вице-губернатора Максимовича (старый корпус облисполкома на ул. Ожешко). Как вспоминал польский улан Петр Лаговский, «любимой забавой этого короля было купаться, роскошно отдыхать и танцевать». Танцы и вино занимали почти все время Жерома Бонапарта в Гродно. Пробыв в городе пять суток, он упустил возможность навязать Багратиону сражение. Его брат, император Наполеон, был очень недоволен и раздражен подобными выходками Жерома.

Захватив Гродненскую губернию, французы учредили здесь свое правительство. В Гродно была организована административная комиссия, а в уездах — продрепфектуры, которые должны были доставлять армии Наполеона продовольствие. Было

также учреждено **Временное Литовское правление**. Губерния облагалась большим количеством налогов: подоходный (в размере 1/7 части получаемого дохода), на напитки, скот, мясо, масло, табак и прочее.

22 июля (3 августа) июля в Гродно был учрежден магазин на 500 тысяч порций хлеба, говядины, водки и зелени. Для этого с каждого дома было собрано 40 гарнцев ржи, столько же овса, два гарнца гороху, 80 фунтов сена и столько же соломы. В городе был создан госпиталь для французских солдат на 1,2 тысячи мест, который обеспечивался мебелью, бельем, дровами и хлебом жителями города и уезда в качестве «добровольного пожертвования». Кроме того, за время оккупации был разграблен иезуитский костел, а Софийский православный собор был превращен в склад сена и овса.

Жители вынуждены были нести целый ряд повинностей. Уже в первый месяц войны в губернии было набрано 2,5 тысячи рекрутов-пехотинцев с одеждой, бельем и продовольствием. За счет населения содержалась «народная» гвардия и милиция (238 человек), а также шесть батальонов стрелцов внутренней стражи.

Жером Бонапарт (1784–1860) — король Вестфалии (1807–1813), младший брат Наполеона. В 1801 году отправился подавлять восстание на Сан-Доминго (ныне Гаити). В 1802 году, не сумев доставить депеши во Францию из-за противодействия английского флота, укрылся в Нью-Йорке, где женился на Элизабет Паттерсон, дочери купца из Балтимора. Этот брак не был одобрен старшим братом, и Жерому пришлось вернуться во Францию. После прусской кампании Наполеон делает младшего брата королем Вестфалии, женив его на Катерине Вюртембергской.

В 1812 году Жером командовал 8-м армейским корпусом и одновременно всей правофланговой группировкой наполеоновской армии. В Гродно он получил прозвище Король Ерёма за то, что постоянно предавался развлечениям. 6 июля Жером был отстранен от командования, самовольно покинул армию и вернулся в свое королевство.

После вторичного отречения Наполеона и уничтожения королевства Вестфалии Жером Бонапарт поселяется в Вюртемберге у своего тестя и получает титул князя Монфортского. После прихода к власти его племянника Луи Наполеона он вновь получает возможность вернуться во Францию, где становится маршалом империи.

Любопытный факт: американский внук Жерома Чарльз Жозеф Бонапарт-Паттерсон стал впоследствии основателем ФБР.

Французским оккупантам оказывали сопротивление. В лесах появились вооруженные партизанские отряды, которые нападали на вражеских солдат, фуражиров, уничтожали склады с продовольствием, наносили удары по коммуникациям противника. На территории губернии действовал партизанский отряд бывшего лесничего Ивана Порядовского.

Партизаны поддерживали связь с подразделениями русской армии и снабжали их сведениями о противнике. 8 (20) августа отряд перехватил курьеров, спешивших из Магдебурга в Гродно с важными документами. Эти документы были доставлены русским генералам Дохтурову и Войнову. Иван Порядовский был представлен к награждению орденом, имел ряд благодарностей от генералов Дохтурова, Тучкова, Лихачева и Войнова.

Для умирения населения французы сформировали специальные жандармские команды. На территории Гродненской губернии насчитывалось 856 жандармов. С августа по декабрь жандармы провели 40 крупных карательных экспедиций.

8 (20) декабря 1812 года Гродно был очищен от неприятельских войск. Партизан Денис Васильевич Давыдов и его отряд освободили из плена 467 рядовых, 14 раненых русских офицеров и захватил в плен 661 французского солдата.

Имена, связанные с Гродно

В 1807–1811 годах в Гродно проходила службу первая в России женщина-офицер **Надежда Андреевна Дурова**. В 23 года она покинула отчий дом в Елабуге и, переодевшись в мужскую одежду, тайком от родителей уехала в Гродно, выдав себя за помещицкого сына Александра Васильевича Соколова. В начале 1811 года она была определена корнетом в уланский литовский полк.

19 (30) сентября 1797 года в Гродно родился известный живописец-баталист **Януарий Иванович Суходольский**, который, несмотря на то что его братья и сын участвовали в польском восстании, был одним из любимых художников Николая I. Император поручил ему написать несколько картин об Отечественной войне 1812 года.

Я. Суходольский. Переправа через Березину

Переправа французских войск через Неман в районе Гродно

Современный Гродно

Карта взятия Вильны

Для обеих сторон было абсолютно ясно, что война неизбежно начнется, об этом еще в 1811 году писал государю М.М. Сперанский, об этом писал и сам государь своему старинному польскому другу Адаму Чарторыйскому. Об этом же твердили весь двор и генералитет.

Инспектор внутренней стражи граф Е.Ф. Комаровский в своих мемуарах пересказывает следующую реплику государя, произнесенную им перед отъездом из Петербурга в марте месяце: «Мы участвовали в двух войнах против французов как союзники, свой долг исполнили как должно; теперь пришло время защищать свои собственные права, а не посторонние...» Единственный вопрос, который вставал перед всем обществом в апреле-мае 1812 года: когда?

Хроника дня: Бой под Гродно

Утром войска Жерома Бонапарта вступили в Завеманский фортифидт (предместье на левом берегу Немана). Солдаты внутреннего гарнизона и казаки завязали перестрелку с французами, свалили мосты на реке Лососне, а поздно вечером, когда стала подходить польская пехота, уничтожили мост через Неман. Ночью корпус Платова отошел по Виленской дороге к местечку Щучин. Взамен разрушенного моста французы стали наводить два новых (погонный и на плотках).

Французы вступили в Вильну. Тем временем 1-я Западная армия Барклая-де-Толли начала движение на Свенцяны.

Станционный смотритель: литовская версия

К марту в Вильну стали стягиваться различные части русской армии. Фактически офицеры добирались до места сбора кто на чем мог: лошадей на почтовых станциях не хватало, приходилось забирать лошадей у местных крестьян, а на польско-литовских землях многие станционные смотрители сознательно препятствовали продвижению русских офицеров.

Показательно, каким способом добирались из Петербурга до своих виленских квартир гвардейские офицеры братья Александр, Николай и Михаил Муравьевы. Столкнувшись несколько раз с тем, что станционные смотрители лошадей не выдают, они прибегли к крайним мерам: схватили местного старосту и заставили его привезти лошадей. Однако уже на следующей станции братьев ожидала та же картина. Тогда младший Михаил (ему было всего 16 лет), отобрав у местного смотрителя его собственных лошадей, отправился в ближайшую усадьбу на поиски. Там он, представившись польскому пану полковником, а слугу своего назвав адъютантом, потребовал вызвать старосту. Последний нехотя выдал Михаилу четырех плохеньких лошадей, после чего 16-летний «полковник» стал активно размахивая нагайкой, выгонять всех селян с их дворов, пока нареченный «адъютант» выводил лошадей. Крестьяне пытались было побить молодого офицера палками, но под дулом пистолета смирились и нарядили к согнанным лошадям извозчиков, с которыми Михаил явился к ожидавшим его на станции братьям.

Где государь, там и двор

Государь вместе со своими адъютантами и генералами с марта находился в Вильне. Туда же стали перебираться и некоторые питерские высшие чины и члены свиты императора (конечно, те из них, кто не боялся войны и не нужен был для работы министерств), а также самое изысканное столичное общество. Фактически в Вильне вокруг Александра образовался некий аналог петербургского двора.

В те же дни к Александру Павловичу с личным письмом приехал адъютант Наполеона граф Нарбонн. О содержании данного письма нам ничего не известно, однако ж, можно было предположить о его тоне. По прочтении письма Александр пригласил графа понаблюдать за маневрами расположенной рядом с Вильной 3-й дивизии под руководством графа Коновницина. Но даже после столь наглядной

1807 год, улица в Вильне

демонстрации силы Нарбонн решил задержаться в Вильне, желая переговорить с поляками, к которым у него были письма. В ответ император, если верить запискам виленской дворянки и фрейлины императрицы Софии Шуазэль-Гуфье, прислал графу «с дворецким самые изысканные яства на дорогу» и сообщение, что почтовые лошади заказаны к шести часам вечера.

Светская жизнь в Вильне

Атмосфера, царившая в Вильне в ту пору, судя по мемуарам современников событий, по пышности и характеру празднеств схожа с картиной, которую рисует У. Теккерей в «Ярмарке тщеславия» перед битвой при Ватерлоо. В последние предвоенные месяцы с прибытием всех основных генералов, аристократов и офицеров светская жизнь в Вильне ожила с новой силой. Почти каждый день в городе давались спектакли, устраивалось сразу несколько балов, молодые офицеры собирались на дружеские симпозиумы. Правда, далеко не у всех были на это средства. Многие, как, например, те же братья Муравьевы, поиздержались в дороге и в первые дни радостного кутежа не могли себе иногда даже чая позволить, не говоря уж о каких-нибудь офицерских попойках, что, правда, не помешало старшему из них, Александру, приударить за дочерью виленского полицмейстера.

Для одного из балов, организованного по подписке генерал-адъютантами, состоявшими при императоре, был назначен старопольский замок Закрет, где по сему случаю местным казенным архитектором профессором Шульцем была построена деревянная галерея, которая, правда, обрушилась за день до праздника, по счастливой случайности никого не убив. От автора сего сооружения, по едкому замечанию графа Комаровского, осталась только шляпа, найденная на берегу реки Вилии. По всей видимости, несчастный решил утопиться, не надеясь на милость императора. Однако ж праздник, назначенный на 12 (24) июня, все же состоялся.

Государь прибыл в форме своего любимого Семеновского гвардейского полка, много танцевал, активно участвовал в светских беседах. Никто не мог и заподозрить, что прямо на этом празднике к государю явился граф Балашов с сообщением о переправе французов через Неман.

Посольство Балашова

Александр I перед отъездом из Вильны на свою квартиру решил отправить к Наполеону все того же А.Д. Балашова с ответом. Однако выяснилось, что последний уже успел выслать свой обоз и у него нет ни генеральского мундира, ни ленты. Спас положение друг Александра Дмитриевича — граф Комаровский, отдав ему свой мундир, который, правда, был Балашову мал, так что последний обещался догою не есть и похудеть.

История самого посольства довольно красочно и точно описывается в романе Л.Н. Толстого, взявшего ее, в свою очередь, из мемуаров графа Комаровского: после череды задержаний, недомолвок и пересылок Наполеон все же принимает русского посланца... в том же кабинете, откуда его несколько дней назад отправлял Александр.

О разговоре А.Д. Балашова с французским императором ходит множество легенд и слухов, многие из которых были сочинены и изложены самим генералом в мемуарах. Так, он вспоминает, что на вопрос Наполеона о том, как лучше добраться до Москвы, дал следующий остроумный ответ: «Карл XII шел через Полтаву». Также Балашов рассказывал, что Наполеон, чрезвычайно удивившись тем фактом, что русский император находится при войсках, спросил: «Что ему тут делать? Он природный государь, ему должно царствовать, а не воевать...»

Так или иначе, миссия Балашова потерпела неудачу: французский император заявил, что никак не может согласиться с требованиями Александра о возвращении к довоенному status quo, к чему недвусмысленно добавил: «Когда я что занял — считаю своим».

Александр Дмитриевич Балашов (1770–1837) являет пример чрезвычайно ловкого и вместе с тем умеренно либерального паредорца Александровской эпохи. Отец — екатерининский вельможа и сенатор — записал его с пяти лет в Преображенский полк, а в 11 лет отправил в Пажеский корпус, по окончании которого молодой офицер поступил сначала на службу в Измайловский полк, а потом перевелся в армию ввиду нехватки средств. В 1795 году Александр Дмитриевич был подполковником, через три года полковником, в 1799 году в звании генерал-майора стал комендантом Омской крепости, в 1800 году — Ревельским военным губернатором, в 1804-м — московским обер-полицмейстером, в 1808-м — петербургским. Пик карьеры Балашова пришелся на 1809–1812 годы, когда он был назначен петербургским военным губернатором, произведен в генерал-лейтенанты (1809), а позже, не покидая прежних постов, стал членом Государственного совета и министром полиции (1810).

С началом подготовки к войне А.Д. Балашов оставил все свои посты и отправился вместе с государем в Вильну. Он выполнял различные дипломатические поручения и активно участвовал в формировании народного ополчения. В частности, именно Балашов вместе с Аракчеевым и Шипковым сумели убедить Александра I покинуть армию, дабы дать свободу действующему главнокомандующему. Однако в ходе заграничного похода Александр охладил к Балашову, и до 1819 года он не играл никакой значительной роли при дворе. После смены государей в 1828 году Балашов ушел в отставку и сочинял мемуары, которые, по едкому замечанию историка Е. Тарле, полны «стилизаций» и красивостей, однако же заслуживают внимания.

Вхождение Великой армии в Вильну

Несмотря на отсутствие сопротивления, Наполеон вступал в Вильну встревоженный и недовольный. Император рассчитывал, что взятие города обойдется ему, по крайней мере, в 20 тысяч человек, однако русские без боя отступали в полном порядке по заранее подготовленным маршрутам. Верные Российской империи польские помещики отъезжали вместе с войсками. Провиантские склады, зернохранилища и мельницы в Вильне были уничтожены отступающими казаками.

Вступление французской армии, по словам находившейся в Вильне полячки Софии Фитценгауз, напротив, носило характер полнейшего хаоса, постоянного недостатка провианта и нескончаемого мародерства. Вот как она описывает происшедшее 19 июня (1 июля):

«...при виде беспорядка, царившего в этой громадной армии, и отсутствия в ней дисциплины, непредусмотрительности вождей ее, их фаталистической веры в то, что они называли "счастье императора"... при виде всего этого у моего отца появились роковые предчувствия относительно исхода этой войны. Шестьсот тысяч человек всех европейских национальностей... шли двумя линиями без провианта, без жизненных припасов... Вступавшая в Вильну французская армия в течение трех дней терпела недостаток в хлебе. Всех городских булочников тотчас взяли в армию; и... голод жестоко дал себя знать виленским жителям... Вильна, казалось, превратилась в театр войны. Беспредельно шли бесчисленные войска. Солдаты располагались на биваках среди улиц; раздавалось бряцание оружий, слышался звук труб, ржание лошадей и смесь различных наречий».

О тех веселых и милых праздниках, что проходили в присутствии российского императора в Вильне, не было и речи. Французы не испытывали того извиняющегося уважения к своим виленским друзьям, которое так было свойственно русскому двору. На долгие месяцы прекрасная Вильна приняла вид громадной почтовой станции, а польско-литовская шляхта понемногу стала равнять французов с русскими, окончательно потеряв надежду на национальное возрождение.

День 9
17 (29) июня
1812 года

Французская разведка

«...в правилах великого Наполеона было пред начатием войны с каким-либо государством впускать в него сперва легионы шпионов и зажигателей, которые приуговлялы и расчищали путь для его победоносного воинства» (из воспоминаний И.П. Радожицкого).

В первой половине 1810 года уже было ясно, что война неизбежна, и началась работа французской разведывательной службы в России под личным контролем императора Наполеона.

Хроника дня: Французы в Гродно

Около трех часов утра французы заняли Гродно, захватив 60 пленных. В этом месте начали переправу войска правого крыла наполеоновской армии. Арьергард 1-й Западной армии вступил в сражение с французами под Опшьянами.

Источники информации

С 1810 года Наполеон специально читал литературу о России. Больше всего интересовался Литвой, топографией приграничных провинций и войнами на русской территории, особенно подробно он изучал кампанию шведского короля Карла XII.

Руководство сбором информации было возложено на министра иностранных дел Маре и командующего французскими войсками в Северной Германии маршала Даву, в его штаб-квартиру в Гамбурге поступала информация о русской армии, полученная от войск. В декабре 1811 года был создан ее филиал в Данциге, который занимался военным шпионажем и сбором информации от путешественников и торговцев, вернувшихся из России. Особое внимание уделялось дислокации и передвижениям русских армий. Составлением военно-стратегических карт занималась особая комиссия в Дрездене под руководством полковника Пачковского, который еще в 1808 году совершил путешествие по западным губерниям России и сделал наброски (они использовались для составления карт).

Одним из основных поставщиков информации о России было французское посольство в Петербурге. Коленкур и Лористон, занимавшие по очереди посты посла, были не просто дипломатами, но и резидентами французской разведки. Помимо штатных агентов, Наполеон пользовался и услугами «приглашенных» лиц. Одним из таких агентов был крупный французский археолог Жан Лажар, который в 1807 году вел раскопки в Персии. В начале 1810 года император посоветовал ему возвратиться с очередных раскопок не обычным путем через Турцию — Балканы — Италию, а кружным — через Каспий, по Волге, через Москву, Петербург, Прибалтику и Варшаву. Лажар лично привез Наполеону массу ценных разведывательных сведений — о рекрутских наборах, системе управления армией, о местах основной дислокации войск.

Наполеон не жалел денег на разведку: только по секретной статье на «подкуп иностранцев» в бюджете МИД Франции с 1810 года отпускалось от трех до пяти миллионов франков. Все собранные разведкой данные резюмировались и систематизировались в специально для этого созданном в 1811 году при французском МИДе информационно-статистическом отделе, который возглавлял дипломат и разведчик Лелорнь д'Идевиль, ранее служивший во французском посольстве в Петербурге и знавший русский язык.

Уже непосредственно перед началом войны французская разведка старалась расширить диапазон своей деятельности и прибегала к массовой засылке агентов на всем протяжении русской границы. Контрразведка по главе с Барклаем-де-Толли обезвредила часть агентов, проникших в Россию. В начале 1811 года был раскрыт

Х.В. Фабер дю Фор. Около Ивы, 29 июня

разведчик Саван, которого даже удалось перевербовать, и в течение двух лет он доставлял дезинформацию.

В архивах сохранился документ, составленный одним из французских разведчиков той поры. В нем даны характеристики 60 русских генералов и четырех старших офицеров (в их числе Кутузов, Барклай-де-Толли, Витгенштейн, Милорадович, Дохтуров, Паскевич, Тучков). Его автора интересовали вопросы о «храбрости описываемого генерала, о его военных познаниях, о годах, богатстве, о любви к нему подчиненных и о том, наконец, пользуются ли его услугами или нет». Согласно этим характеристикам, большинство русских генералов предстает людьми храбрыми, имеющими значительный боевой и командный опыт и в то же время относительно молодыми (средний возраст 30–40 лет).

Бюро Биньона

В Варшаве было создано особое разведывательное бюро, которое заметно активизировало свою деятельность, когда его возглавил историк и дипломат Л.П. Биньон, сыгравший основную роль в руководстве агентурной работой в России. В его бюро входили три офицера, хорошо знавшие языки и имевшие опыт боевых действий. Первый возглавлял отдел, касающийся Украины, второй — Литвы и Белоруссии, а третий занимался Прибалтикой. В подчинении каждого находилось по 12 агентов. Одни следили на дорогах за передвижениями русских войск, другие наблюдали за строительством крепостей, третьи доставляли через границу собранные сведения. Также в обязанности бюро Биньона входили военный шпионаж, перлюстрация и перевод перехваченных бумаг, допрос дезертиров и военнопленных, сбор информации о настроениях в российском обществе, органах власти и хозяйстве.

Незадолго до войны французам удалось достать гравировальные доски «столистой» карты России. Ее надписи были переведены на французский язык, и именно ей пользовались во время войны. Однако, к сожалению для французских разведчиков, там были указаны только главные дороги и основные ориентиры, в результате чего в 1812 году французские отряды сбивались с пути, а иногда и гибли. Так исчез артиллерийский парк 5-й дивизии, о котором не сохранилось никаких сведений.

Провал французской разведки

С первых же дней кампании 1812 года военно-оперативную разведку Великой армии возглавил дивизионный генерал польской и французской службы М. Сокольницкий. Он входил в свиту Наполеона и именовался шефом «специальной службы». В его функции входило оперативное наблюдение за передвижением русских войск и их расположением, а также доставление ежедневных сведений о театре военных действий. В первую очередь Наполеон интересовала информация о дорогах, реках, населенных пунктах, позициях. Сообщения должны были поступать в течение 24 часов, и император был очень недоволен, если они не соответствовали реальности. И ему часто приходилось быть недовольным.

Французский император вскоре вовсе разочаровался в возможностях оперативной разведки и рекомендовал корпусным начальникам заменять собственными силами «свою неспособную секретную службу». Наполеон требовал от своих военачальников ежедневно докладывать не только о состоянии частей, но и данные о противнике. Сам император при первой же возможности стремился перед решающими моментами произвести рекогносцировку лично.

Накануне войны большая часть агентуры была сосредоточена на западных окраинах Российской империи. Наполеон предполагал выиграть кампанию 1812 года еще в приграничных сражениях, а когда ход событий увлек Великую армию вглубь России, было уже практически невозможно перебазирувать агентурную деятельность. По мнению агента Савана, Наполеону так и не удалось создать в России надежную шпионскую сеть, в первую очередь потому, что «патриотизм русских... делал случаи подкупа военных и гражданских лиц весьма редким». Так или иначе, в ходе наиболее важной части кампании Наполеон не имел под рукой надежных источников информации.

Луи-Пьер-Эдуард Биньон (1771–1841), французский историк и дипломат. После начала революционных войн Франции в 1792 году поступил добровольцем в армию в чине рядового солдата, однако очень скоро на него обратил внимание генерал Луи Пьер Юэ, назначивший Биньона своим личным секретарем. Позднее Биньон обращался в Директорию с просьбой назначить его секретарем посольской службы, где его незаурядные способности дипломата были замечены министром иностранных дел Талейраном. После этого карьера Биньона начинает стремительно идти вверх: в 1797 году он был назначен секретарем дипломатической миссии в Швейцарской Конфедерации, а в 1798 году — в Цизальпинской республике.

После поражения Пруссии в войне четвертой антифранцузской коалиции и вступления Наполеона в Берлин в 1806 году Биньон был назначен французским комиссаром при прусских властях, после чего до 1808 года заведовал государственными имуществами и финансами на подчиненных Франции немецких и австрийских землях. В 1809 году был переведен в Варшаву, в которой и находился до начала кампании 1812 года в России. Во время пребывания в Варшаве Биньон возглавлял особое разведывательное бюро, которое координировало агентурную деятельность в Российской империи.

После поражения Великой армии вернулся во Францию и поселился в деревне, позднее принимал участие в 100 днів Наполеона и второй Реставрации. После битвы под Ватерлоо в 1815 году возглавлял Министерство иностранных дел Франции.

День 10
18 (30) июня
1812 года

Военная разведка в Российской империи

Х.В. Фабер дю Фор. Между Киргаличками и Судервой, 30 июня

До 1810 года организованной службы военной разведки в России не было. Как правило, в тыл противника отправлялись различные дипломатические и частные лица, курьеры и т.п. Информация, которую они получали, была разрозненной и нередко попадала не в те руки. Ситуация существенно изменилась в 1810 году, когда на пост военного министра был назначен М.Б. Барклай-де-Толли. Именно он по праву может считаться родоначальником русской разведки.

Хроника дня: «Освободитель»
в Гродно

В Гродно вступил Жером Бонапарт, польское население встречало его как освободителя. Багратион получил от Александра I директиву двигаться на соединение с 1-й Западной армией Барклая-де-Толли. Арьергард 1-й Западной армии вступил в бой с неприятелем при Довиговах и Б. Солечниках.

Появление русской разведки

При военном министерстве был создан особый орган — Секретная экспедиция (в 1812 году ставшая Особенной канцелярией военного министра). Ни в каких отчетах эта организация не фигурировала, а ее штат был ограничен директором, несколькими экспедиторами и переводчиком. Пост директора был изначально предоставлен флигель-адъютанту А.В. Воейкову, участнику Швейцарского похода А.В. Суворова, Русско-турецкой войны 1806–1812 годов, Русско-шведской войны 1808–1809 годов. Он был фактическим руководителем разведки до марта 1812 года, когда его сменил на этом посту генерал-адъютант А.А. Закревский, также участник военных кампаний начала XIX века и будущий военный генерал-губернатор Москвы.

Разведывательная деятельность осуществлялась по трем основным направлениям. Первое — это стратегическая разведка. В это понятие входил сбор информации о политическом и военном состоянии противника. Второе — тактическая разведка: сбор данных о дислокации военных частей противника на его территории и территории сопредельных государств. Третье — контрразведка, которая занималась выявлением, слежкой и нейтрализацией французских агентов.

Для реализации стратегической разведки в Европу были направлены военные агенты, прикомандированные к русскому посольствам и обладавшие дипломатической неприкосновенностью. В конце 1810 года такие агенты были посланы в Париж, Варшаву, Мюнхен, Вену и другие города.

Деятельность А.И. Чернышева

Флигель-адъютант Александра I, полковник Александр Иванович Чернышев, прикомандированный к русскому посольству в Париже, получил поручение проследить за официальными докладами о состоянии всех вооруженных сил Французской империи. Каждое 1-е и 15-е число месяца военный министр Франции представлял императору так называемый Отчет о состоянии, в котором указывались все изменения в численности отдельных частей французской армии со всеми переменами в ее расквартировании. Конечно, эти доклады являлись строжайшим государственным секретом. Однако Чернышев познакомился с переплетчиком военного министер-

А. Адам. Переправа итальянского корпуса Богарне через Неман 30 июня 1812 года

ства Мишелем, уже давно контактирующим с русским посольством. Как только эти отчеты попадали к Мишелю, он быстро снимал с них копии и отправлял их Чернышеву за вознаграждение. У Мишеля были сообщники — Саже, Сальмон, Мозес, служившие в военном министерстве. Посредником между Мишелем и Чернышевым был швейцар отеля, где размещалось русское посольство, австриец Вустингер.

Их сотрудничество приносило свои плоды больше года. Но в феврале 1812 года императорская тайная полиция напала на след и, воспользовавшись отсутствием Чернышева, произвела обыск в его квартире, где нашла неопровержимые доказательства разведывательной работы. После этого неофициального домашнего обыска Чернышев предпочел покинуть Париж и сжег все бумаги, касающиеся этого дела. Однако уже после его отъезда под одним из ковров в его квартире было найдено письмо к Чернышеву от Мишеля, после чего Мишель был немедленно арестован, судим и публично гильотинирован как предатель 2 мая 1812 года.

Наполеон был очень огорчен случившимся. Министр иностранных дел герцог Бассано писал об этом русскому послу князю Куракину: «Его величество император жалуется, что под названием, вызывавшим доверие, к нему поместили шпионов, и еще в мирное время, что позволено только в военное время и только относительно врага».

Благодаря усилиям Чернышева Россия получила очень ценные сведения о численности, дислокации и вооружении французских войск. Хотя в начале войны русское командование обладало лишь сведениями от февраля 1812 года, но они еще не потеряли полностью своей актуальности, к тому же уточнялись из других источников.

Русская разведывательная сеть

Активную роль в развертывании русской разведывательной сети в захваченных Наполеоном германских государствах сыграл Штейн, бывший глава правительства Пруссии. Он был непримиримым врагом Наполеона, и прусский король должен был изгнать своего министра из страны. Благодаря деятельности Штейна русской разведке удалось наладить печатание в Германии подпольной антифранцузской газеты.

Агентом русской разведки также стал Юстас Груннер, бывший министр полиции Пруссии, который занимался координацией деятельности информаторов на территории германских княжеств. Его подопечные пытались помешать доставке военных грузов наполеоновской армии по дорогам Пруссии, организовать поджоги французских военных складов и дезертирство прусских солдат, входивших во вспомогательный корпус, двинутый по требованию Наполеона против России.

Высылка «сомнение наводящих»

Большое значение придавалось и контрразведке. В июле 1812 года появилось особое предписание «по поводу проверки всех иностранцев». Предполагалось в каждой губернии оставить только тех иностранцев, в благонадежности которых не было сомнений. Тех же, кто подозревался в «нарушении спокойствия и свращении с пути порядка российских подданных», нужно было вносить в особые списки, которые направлялись в министерство полиции. Всех «неблагонадежных и сомнение наводящих» надлежало выслать за границу. Русским агентам действительно удалось разоблачить немало французских шпионов.

Это была первая попытка русского военного министерства создать разведывательную службу. И русской разведке удалось добиться немалых успехов, несмотря на слабую организационную систему. В войне 1812 года она выполнила поставленные перед ней задачи, снабдив русское командование важной стратегической информацией.

Александр Иванович Чернышев (1785–1857), флигель-адъютант Александра I, полковник, прикомандированный к русскому посольству в Париже, был одним из главных агентов России. Происходил из старинного дворянского рода Чернышевых. Его отец, генерал-поручик Иван Львович Чернышев, был членом Сената, а мать, Евдокия Дмитриевна Лавская, являлась фрейлиной императрицы Екатерины II. Служил в кавалергардском полку, в 1805 году принимал участие в сражении при Аустерлице, а позднее — в боях кампании 1807 года. В 1808 году отправлялся в Париж и Байонну с поручениями к Наполеону Бонапарту. Во время австрийской кампании 1809 года находился при императоре Франца II, а после подписания Шенбрунского мира между Францией и Австрией остался в Париже в качестве доверенного лица русского императора и военно-дипломатического агента.

Пользовался личным доверием Наполеона Бонапарта. Кроме того, Чернышев имел репутацию дамского угодника, которую он использовал во время шпионской деятельности. В частности, современники приписывали ему связь с Полиной Бонапарт — средней и самой любимой из сестер французского императора. Парижская контрразведка неоднократно направляла Наполеону доклады, в которых подозревала Чернышева в шпионаже, однако французский император к этим предостережениям не прислушался. Кроме того, Чернышев провел ряд операций по дезинформации Парижа накануне войны, в частности, снабдив Наполеона ложными картами дорог Российской империи, что повлияло на передвижение Великой армии после начала боевых действий.

14 февраля 1812 года Чернышев из-за угрозы разоблачения покинул Париж. Во время Отечественной войны находился при императоре Александре I.

День 11
19 июня (1 июля)
1812 года

Гравюра неизвестного польского автора XVI века к истории Католины Медичи и Генриха III, король Генрих Валуа в польском costume

Ответ Наполеона на «польский вопрос»

В первые дни кампании Наполеон всерьез рассматривал проект остановки в Польше и Литве до весны 1813 года: по всей территории вводились специальные органы управления, солдатам запрещалось разорять польские земли, а на самих завоеванных территориях устанавливалось французское военное управление и расставлялись гарнизоны. Это была дань идее воссоздания польской государственности.

Хроника дня: Балашов у Наполеона

Балашов был принят Наполеоном в Вильне. На предложение отвести войска за Неман император ответил: «Будем договариваться сейчас же, здесь, в самом Вильно», то есть на российской территории. Это было неприемлемо для Александра I, и после неудачи миссии Балашова русский император прекратил все контакты с Наполеоном.

Войска Мюрата обнаружили 3-й кавалерийский корпус П.П. Палена, спешно отступавший на северо-восток. Южнее Вильны находился 4-й корпус Д.С. Дохтурова. К концу дня 1-я армия Баркля-де-Толли сосредоточилась в Свенянях. Против нее действовали французские войска: 2-й корпус Удино направлялся к Вилькомиру, 3-й корпус Нея — к Гедройцу, резервная кавалерия Мюрата — к Бойреню.

Вторая армия Багратиона сосредоточилась у Слонова, имея в арьергарде конницу И.В. Васильчикова. К Новогрудку подходила 27-я пехотная дивизия Д.П. Неверовского, идущая из Москвы на соединение с армией Багратиона. Корпус маршала Даву выдвинулся на два перехода от Вильны. Войска правого фланга армии Наполеона все еще оставались в Гродно.

«Вторая польская война»

В составе наступающей Великой армии Наполеона было довольно много поляков (как и других славян — хорватов, чехов): многие польские офицеры времени правления еще Станислава Понятовского вернулись на службу и теперь сражались за свою независимость. Это должно было способствовать более легкому проникновению на территорию Российской империи, по крайней мере, в первые дни наступления. Наполеон любил поиграть в полонофильство и регулярно устраивал для поляков небольшие костюмированные представления, представляя на парадах и публичных мероприятиях в польской форме — с целью поддержания боевого духа польской части армии и привлечения на свою сторону местного населения. Эту же цель преследовал император и во время своего визита в Вильне, где во время пышной службы двух епископов — греческого и латинского — было провозглашено присоединение Литвы к Польской федерации.

Лейтенант корпуса вице-короля Италии Ц. Ложье в своих воспоминаниях о начале войны 1812 года приводит цитату из наполеоновского приказа, где император, обращаясь к солдатам, провозглашает буквально следующее: «Вторая польская война началась!»

Первой польской войной Наполеон провозгласил прусский поход французской армии 1806–1807 годов, в ходе которого после сравнительно долгого сопротивления были разбиты основные русские силы. Следствием этой победы стало заключение Тильзитского мира (1807) и создание вассального герцогства Варшавского из обломков бывшей Речи Посполитой, находившихся после разделов в XVIII веке в составе побежденных Австрии и Пруссии.

Последствием Второй польской войны, по мысли официальной французской дипломатии, должно было стать закономерное восстановление Польши, хотя бы в границах до Третьего раздела (1795), что, однако, не помешало Бонапарту уже в Вильне (28 июня (10 июля) 1812 года) советовать полякам не компрометировать себя перед лицом русского императора, поскольку он мог со дня на день заключить с последним мир. Поляки должны были сами отвоевать свое государство, воспользовавшись ситуацией, но проливать кровь французов ради восстановления Королевства Польского Наполеон вовсе не собирался.

Французы и польская государственность

История польско-французских взаимоотношений началась задолго до Наполеона. Французские принцы неоднократно становились кандидатами на польский престол, но оказался на нем только Генрих III Валуа Анжуйский (1573–1574), обошедший на выборах таких маститых кандидатов, как Иван Грозный и Максимилиан II Габсбург, и сбежавший во Францию с польской казной, как только до него дошли сведения о смерти его «возлюбленного брата» Карла IX. Интересно, что именно Генриху мы обязаны созданием польской шляхетской монархии: он подписал артикулы и пакты, которые гарантировали польскому дворянству невиданные вольности.

Еще один сбежавший во Францию польский король — шведский ставленник Станислав Лещинский, войну против которого вели и Петр Первый, и Анна Иоанновна, — стал тестем Людовика XV и дедом Людовика XVI, казненного в годы Революции, а также Людовика XVIII, сменившего на посту главы Франции Наполеона.

Франция и Польша имеют не только династические, но и революционные связи. Так, Французская революция (1789–1797) стала косвенной причиной уничтожения польской государственности, поскольку одним из официальных мотивов для Третьего раздела Речи Посполитой (1795) стало восстание под руководством известного революционера польского происхождения, отличившегося и в американской Войне за независимость (1775–1777), и во Французской революционной истории — Тадеуша Костюшко. Это восстание было с одной стороны ответом возмущенных поляков на Второй раздел (1793), а с другой — проявлением борьбы за права и свободы всех поляков против дворянско-монархического режима Речи Посполитой. Это последнее и позволило ввести соседям войска в Польшу, дабы пресечь революционную заразу на корню. После поражения восстания Тадеуш некоторое время провел в Петропавловской крепости, но был отпущен Павлом I и доживал свой век во Франции. Наполеон предлагал ему возглавить герцогство Варшавское, а Александр I — правительство царства Польского, но упрямый Костюшко отказывался, требуя одного — «Польши от моря до моря в границах 1772 года».

Популизм Наполеона

Национальная политика Наполеона была столь же популистской, сколь и недальновидной. Создав целых два славянских государства в Европе (Иллирийские провинции на побережье Адриатики и герцогство Варшавское в Центральной Европе), хотя и зависимых от Франции, Наполеон фактически запустил процесс формирования представления о национальном государстве у западно- и южнославянских народов. Если русские, поляки и сербохорваты имеют право на собственное государство, то чем хуже словаки и чехи и почему должны мириться со своим зависимым положением болгары, сербы и черногорцы?

В ходе постепенного смещения на Восток границы этнокультурных ареалов этих народов сильно изменились, и здесь стали неизбежны пересечения. Спор о том, кому должны достаться те или иные земли, какие народы обязаны подчиняться, а какие управлять, не столь просто решается, как это кажется на первый взгляд. Восстанавливая польское государство в дораздельных границах, Франция ущемляла права русинов, чехов, белорусов, издавна проживавших на этих территориях, не говоря уж о литовцах, померанах и прочих неславянских народах. Заявляя об исконно польских землях на Волыни, в Галиции и Белоруссии, Бонапарт забывал о том, что многие из этих земель в прежние времена входили в состав Киевской Руси.

Сами того не ведая, французы подлили масла в огонь многолетнего незатухающего «семейного спора» двух славянских народов, вошедшего в историю под именем «польского вопроса».

Мария Вальевска (1786–1817).

Как и положено кумиру эпохи романтизма, Наполеон во внешнеполитические перипетии впускает личную историю. По одной из распространенных версий, французский император влюбился в прекрасную графиню Марию Вальевску, жену отпрыска известного польского рода, которая, по легенде, приехала просить Бонапарта от своего лица за всю Польшу. От этой связи у Наполеона родился первый сын — граф Александр Вальевски (1810), что дало повод императору подозревать в бесплодии первую жену Жозефину.

Согласно многим известиям, Наполеон поддерживал с Марией связь вплоть до своих последних дней в Европе. Мария Вальевска прожила до самой смерти во Франции, а ее сын впоследствии стал одним из видных дипломатов и политиков эпохи Второй империи.

Наполеон дарует конституцию герцогству Варшавскому (1811 год)

День 12
20 июня (2 июля)
1812 года

Первые впечатления французов от похода на Россию

Собираясь на войну с Россией, Великая армия Наполеона была уверена в «справедливости» своего похода, в необходимости борьбы с русскими «варварами». В ее рядах царил своеобразная эйфория. «Блестящая и приятная военная прогулка» — так солдаты Великой армии воспринимали грядущее столкновение с русскими. Они не задумывались над истинными причинами войны и о том, что может их ждать в этой малоизвестной части материка. Им достаточно было и того, что они выступили в защиту справедливости, а во главе их армии — великий император, за плечами которого немало громких побед и успехов.

Хроника дня: Задача — окружить армию Багратиона

Вторая Западная армия Багратиона вышла из Слоныма и направилась ускоренным маршем к Новогрудку. Чтобы ускорить движение войск и увеличить их маневренность, в войсках был оставлен только штатный обоз, а тяжелый был направлен из Слоныма через Несвиж к Бобруйску.

Наполеон решил приостановить действия против 1-й Западной армии Барклая и ограничиться задачей окружения армии Багратиона. Для этого группу маршала Даву Наполеон усилил дивизией Клапареда, входившей в состав Молодой гвардии. В этот день Наполеон впервые получил требование командиров корпусов дать войскам отдых и подтянуть отставшие обозы.

Итальянский офицер Ц. Ложье вспоминал: «Еще не будучи осведомлены о войне с Россией, мы думали, что цель нашего путешествия — поход в Азию!.. Предшествуемые шумной славой наших побед, мы вступим в эту богатую и обширную страну, полную славных предков. Мы видим перед собой всеобщий мир, покорение вселенной, богатые и славные награды, чудесную героическую славу». Первые дни похода оказались вполне сносными. Многие вспоминали об этом с искренним воодушевлением и удивлением: «Мы сразу попали на хорошую военную дорогу, и первые встретившиеся нам дома имели очень милый вид...»

Несчастливое знамение

На переходе через Неман произошло одно незначительное, но неприятное событие. 23 июня (5 июля) французский император Наполеон I верхом на лошади объезжал прибрежную полосу реки. Неожиданно для своей свиты он упал с седла и через мгновение очутился на земле. Как оказалось, под ногами его лошади пробежал заяц, лошадь испугалась и скинула своего всадника. Наполеон, конечно, никак не пострадал от этого падения, но распростертое на траве тело императора было воспринято окружающими как дурное предзнаменование. Кто-то даже воскликнул: «Плохое предвестие! Римляне не перешли бы через реку!»

Отсутствие провианта и дисциплины

Обеспечив себя фуражом и провизией на три недели, солдаты были необычайно рады осуществлению переправы: «Теперь мы на неприятельской земле! Наши офицеры не будут более наказывать нас, когда мы будем кормиться на счет жителей!» Но обнаружили они пустые земли: «Жители разбежались и разнесли ужас и уныние по окрестностям». Появились страхи, что армия идет «в бесплодные равнины, где нет других населенных пунктов, кроме плохеньких деревень, опустошаемых русскими».

«Во всех отношениях мы перебивались кое-как; уже мало было хлеба, а мука, молоко, вино и водка сделались большой редкостью... Офицеры должны были довольствоваться тем, что добывала воровством и грабежом их прислуга».

Еще на берегу Немана многим стало очевидно, что малопродуктивная почва делает эту страну «бедной и не позволяет ей достать средства для пропитания столь многочисленной армии». Местных жителей в оставленных деревнях и селах почти не было. Даже на подходе к Вильно не произошло ожидаемых всеми изменений: «Несколько евреев и несколько человек из простонародья — вот все, кого можно было встретить в этой так называемой дружелюбной стране (т.е. в восстановленной Наполеоном Польше. — Прим. авт.), с которой наши войска, изнуренные и не получающие пайков, обращались хуже, чем с неприятельской».

Солдаты получили предписание добывать пищу «с соблюдением человеческого отношения к жителям». Наполеон издал приказ, согласно которому воровство и грабеж оказывались под запретом, нарушителям же грозила смертная казнь. Подобные заявления не сразу были восприняты всерьез солдатами Великой армии: «и потому вскоре в Вильно и вокруг него начались расстрелы». Полковой врач Роос стал свидетелем одного жестокого случая, когда военный суд за насилие приговорил нескольких солдат к смертной казни. Их должны были расстрелять, перед смертью они должны были сами вырыть себе могилу.

Погода и болезни

Французы с ужасом вспоминали тяжелейшие погодные условия, в которых они оказались. То были ужасный мороз и ураган, от которого гибли солдаты и лошади, то «страшная пыль, от которой ничего не было видно в двух шагах». Пыль и жара возбуждали сильную жажду, но воды было очень немного. В таких условиях «люди бледнели, становились вялыми и худели; кони еле-еле тащились и тоже худели». У многих появились серьезные проблемы со здоровьем.

Военному медику Франсуа Мерсье по прибытии в Вильно было поручено устроить госпитали для многочисленных больных. По его мнению, развитие болезней стало прямым следствием переутомления солдат и недостатка в пище: «Уже тогда французские войска начинали чувствовать стеснения в самом необходимом, так как обозы, конечно, не могли поспевать за быстрыми передвижениями регулярного войска, а страна, опустошенная уже русской армией, была совершенно не в состоянии дать пропитание и следовавшим по их пятам французам».

Губительными для здоровья солдат оказались погода и быстрая смена температур: «В течение последних дней июня почти не прекращались обильные, но холодные дожди, наступившие вслед за удушливой жарой. Проезжие дороги и вообще-то плохо содержатся в России; после же периода дождей они оказались окончательно размытыми, а сообщение по ним почти совершенно немислимым». В связи с этим на пути от Ковно до Вильны у французской армии отстали до 30 тысяч человек, и большинство из них по прибытии в Вильно были сразу же размещены по госпиталям. Офицер Великой армии писал в своем дневнике: «...госпитали переполнены больными. Жестокие опустошения производит дизентерия, это роковое последствие запаздывания обозов, задерживаемых разливами рек и дождями».

А также дороги

Русские дороги также оказались настоящим препятствием для Великой армии: «Русские дороги втрое шире французских; они окаймлены канавами и деревьями, но ни одна дорога не вымощена камнем, и в распутицу они все непроходимы».

Дремучие сосновые леса, непроходимые болота, реки с дном «настолько вязким, что беспрестанно приходится наводить мосты», — все это затрудняло движение армии, ослабляло боевой дух солдат. Нередко случалось, что кавалеристы, обманутые мелководьем, пускались вброд и гибли вместе с лошадьми.

Некоторые офицеры даже упрекали Наполеона в том, что, полагаясь на свою удачу и боевую славу своих войска, он не обратил внимания на «особенности страны, столь отличной от тех стран, в которых ему приходилось воевать прежде».

Луи-Никола Даву (Давуст) (1770–1823) — маршал Франции, один из основных генералов Наполеона. Участвовал в походах 1793–1795 годов и в Египетском походе, был замечен Наполеоном и удостоен звания маршала империи. Единственный наполеоновский командир, который не потерпел ни одного поражения и не отрезал от императора в период его первой ссылки. Командовал корпусом, который выдержал основной удар русских при Аустерлице.

В ходе войны 1812 года Даву командовал 70-тысячной группировкой войска, главной задачей которой было отрезать армию Баграциона от основных русских сил. В Бородинском сражении был ранен и некоторое время считался погибшим. Во время пребывания французоз в Москве Даву устроил себе спальню и кабинет в алтаре Чудова монастыря, что было осознанным святотатством.

В ходе кампании 1813 года Даву занял Гамбург, который оборонял вплоть до отречения Наполеона от престола. По возвращении императора с Эльбы маршалу были поручены войска Парижа, что спасло его впоследствии от гнева Бурбонов.

О. Раффе. Инструктаж

День 13
21 июня (3 июля)
1812 года

Реакция русского народа на начало войны

Первые известия о вторжении армии Наполеона в Россию вызвали суматоху среди мирного населения, особенно в западных губерниях империи. Жители западных губерний торопливо собирали вещи, пытались спасти свои семьи и имущество. Паника и беспорядок поддерживались слухами о грандиозных размерах армии Наполеона. Некоторые видели угрозу новой «пугачевщины», кто-то винил в разразившейся войне политику Александра I, который не сумел предупредить ее. Однако постепенно, после этого первого шока, от которого нельзя было никуда деться, патриотическое воодушевление охватило русский народ.

Хроника дня: 2-я Западная армия в Новогрудках

Пройдя 80 километров, 2-я Западная армия вступила в Новогрудки. Инженеры начали наводить мосты через Неман. Ближе к вечеру к войскам Багратиона присоединилась 27-я пехотная дивизия Д.П. Неверовского, прибывшая из Москвы.

Паника...

Война, к которой вроде бы столько готовились и которую так ожидали, удивительным образом оказалась внезапной для русского общества. Многие дворяне и чиновники до последнего не верили в войну, а когда враг перешел рубежи, в панике и беспорядке бросились собирать все, что было необходимо. «Отправив из Гродно гарнизонный батальон здешний и всех земских чиновников, — доносит атаман М.И. Платов П.И. Багратиону, — равно и казенное имущество с великим затруднением, потому что ничего не было здесь приготовлено, а некоторые даже и повелений об отправлении отсель не имели, кроме что о приготовлении к тому, но и сего не исполнили, я приказал им следовать на Щучин, Балицу, Новогрудок и далее к Минску».

Известия о невероятных масштабах грабежей и мародерстве в соседних герцогстве Варшавском и Пруссии быстро разошлись по всем западным губерниям, и жители стали спешно посылать самое ценное вглубь страны, а все остальное прятать по укромным местам. Столбовые дороги заволокли обозы, которые двигались медленно, создавали заторы и мешали сообщению армий.

Информация о военных действиях поступала самая противоречивая: с одной стороны, в западных губерниях многие были уверены в том, что русские отступают из-за поражений и невозможности сдержать натиск врага, с другой — в Москве ходили слухи о том, что Наполеон бит и уже неоднократно. При этом и в Москве, и в Питере общество было в смятении и унынии, которые подкрепляли сообщения о сданных городах и отсутствие императора в столицах.

...и патриотическое воодушевление

Одновременно с нарастанием панических настроений намечается и другая тенденция: развитие сверхпатриотизма среди населения центральных и восточных губерний. На иностранцев на улицах Москвы и Петербурга совершаются нападения, во многих салонах стараются не говорить по-французски, а французские книги закладываются на дальние полки книжных шкафов. Слышится ропот против иностранцев в верховном командовании российской армией.

Манифест Александра I от 6 (18) июля 1812 года

Постепенно в обществе происходит осознание всего происходящего с совершенно иной стороны: если мир уже невозможен, то следует дать достойный отпор наглому врагу. Все чаще появляются предложения о пожертвованиях и формировании ополчения.

Один из современников тех событий (Н.П. Николев) вспоминал: «При объявлении войны с Бонапартом брат Яков поступил в казаки. Все, что мыслило, заколыхалось для борьбы на жизнь и смерть с завоевателем; все двинулось на битву, а кто того не мог, тот иначе принимал участие в обороне. Отец, будучи уже слеп, пек сухари для войска и бесплатно доставлял их в Комиссариат, а мои сестры принялись за корпию».

Перед самой войной государь еще отклоняет многие из предложений помощи людьми и деньгами на том основании, «что не таковы еще обстоятельства, чтобы нужно было употреблять все средства», но уже в начале июля Александр понимает, что силами одних регулярных войск справиться с французами совершенно не представляется возможным, в связи с чем начинается сбор ополчений и средств на содержание армии. Другой важнейшей задачей государя и его окружения становится поддержание в народе патриотического духа. Государь поручает государственному секретарю — известному литератору-архаисту А.С. Шишкову — составить ряд манифестов, которые должны воодушевить общество.

Однако ни Шишков, ни Александр не были до конца уверены во всесторонней поддержке правительства и его действий со стороны населения: новые экстренные сборы, тяготы войны и отступления во многом свели на нет воодушевляющее действие манифестов. Это взаимное недоверие продолжалось вплоть до приезда императора в Москву и взятия Смоленска, после которого в общественном мнении Центральной России война стала поистине народной.

К РОССИЙСКОМУ ДВОРЯНСТВУ

Сыны отчества избранны!
Се вашей славы час приспел;
Непримиримый, кроважный
Галл ныне в наш ступил предел.
Течет — и в ярости стремленья
Считает жертвы, расхищенья,
Грозит со скрежетом зубов
Омыть в крови российской длани.
К щитам, друзья! О братья, к брани!
За олтари, за прах отцов.
Уже МОНАРХ великодушный
Ударил в щит, несется гул...
Воспрянь, о Росс, царю послушный!
Вспомни Пультуск и Кагул,
И Гейльсберг, Гуттштад и Ейлаву,
Свою и предков вспомни славу!..
«Вот золото, дети, вот мы сами;
Готовы лечь в бою грядами!
Пожарский, Минин живы в нас».

Познай, о враг, вспоенный кровью,
На зыби основав мечты! —
Сонм, братской связанный любовью,
Во бранях с нами встретишь ты.
Изгибы тщетны здесь змеины;
Соблазна чужды исполины.
Повсюду встретишь медную грудь,
К тебе кипящую ярой мезью.
Ты златом побеждал иль лестью...
Теперь о чарах сих забудь.

Вспомни Карла в громкой славе;
Весь Норд руки его дрожал;
Но гордость завела к Полтаве,
И гордый с колесницы пал.
Стремись — стремись к подобной части;
Не лавры ждут тебя — напасти.
К знаменам Россы — ко щитам!
К царю, друзья! — с ним в ратном поле:
Что славу любим жизни боле,
Явим грядущим мы векам.

Федор Федорович Иванов (1777–1816) — поэт и драматург начала XIX века. Федор Федорович имел чрезвычайно печальную судьбу. Родился он в семье обедневшего екатерининского аристократа и всю свою короткую жизнь был вынужден служить, но не для статуса, а ради жалованья. По словам его московских друзей, Федор Федорович имел большой талант, но, будучи запрещен цензурой по политическим причинам, не мог публиковать большинство своих сатирических произведений. Только одна из сатир Иванова была поставлена — пьеса анти-французской направленности «Семейство Старичковых», она пользовалась большой популярностью. В московском пожаре 1812 года вместе со скромным имуществом Федора Федоровича погибли и рукописи неопубликованных его произведений (а таких было большинство). Война разорила Иванова окончательно, и последние годы жизни он провел в нищете.

Среди небольшого корпуса дошедших до нас стихов есть и столь популярные в 1812 году воззвания к Отечеству и дворянству, одно из которых мы и приводим на этой странице:

Ф.Я. Алексеев. Вид на Воскресенские и Никольские ворота и Неглинный мост от Тверской улицы в Москве, 1811 год

День 14
22 июня (4 июля)
1812 года

Э. Деталь. Польский улан
1812 года, открытка

Воззвания русского командования к армии Наполеона

Война 1812 года между французами и русскими велась не только на поле боя. Помимо военных и дипломатических столкновений, разведывательных и контрразведывательных операций была организована и агитационная деятельность в рядах противника.

Хроника дня: Багратион решил прорываться с боем

Войска 2-й Западной армии начали форсировать Неман, чтобы выйти к Николаеву. Часть войск уже переправилась, когда Багратион получил от Платова донесение о том, что корпус Даву занял Вишневу.

Отряд И.С. Дорохова, шедший на соединение с 1-й Западной армией Барклая-де-Толли, не смог прорваться и одолеть неприятеля, был вынужден остаться в Воложине, куда и должны были первоначально двигаться войска Багратиона. Корпус маршала Даву отрезал путь Багратиону на север. Но Багратион решил прорываться с боем и в связи с этим дал указание Платову задержать неприятеля в Вишневе, а Дорохову — удерживать Воложин до подхода главных сил 2-й армии. Тем временем Барклая-де-Толли начал отступление из Свеняцк к Дрисскому лагерю.

Походная типография Кайсарова

Великая армия, вторгшаяся в Россию, примерно наполовину состояла из французов. Остальная же ее часть была собрана из стран-союзников Наполеона и стран-сателлитов, включенных в состав Французской империи. В ней были представлены австрийские, прусские, немецкие, итальянские, испанские, польские корпуса. Русское правительство решило использовать противоречия между Наполеоном и его союзниками, так как насильно мобилизованные в ряды Великой армии солдаты и офицеры этих стран не должны были питать к Франции особенно теплых чувств. Подобные выводы подкреплялись сведениями о том, что после заключения союзных договоров Наполеона с Австрией и Пруссией многие офицеры армий этих стран покинули их и перешли на русскую военную службу.

В самом начале войны в Петербурге печатались обращения к немецкому народу. Однако нужно было вести более широкую антинаполеоновскую пропаганду непосредственно через армию. Очень к месту в это время пришла идея создать при Главной квартире свой пропагандистский центр — **походную типографию**. Правительство поддержало эту инициативу. Руководителем типографии был назначен **А.С. Кайсаров**. Он считал, что через печатание листовок и воззваний можно «управлять мнением народов, склонять его к желаемой правительством цели».

«Часто один печатный листок со стороны неприятеля наносит больше вреда, нежели сколько блистательная победа может принести нам пользы», — рассуждал Кайсаров. Французы активно пользовались этим способом воодушевления собственных солдат и устрашения противника. И, по мнению руководителя типографии, было просто необходимо создать нечто подобное при русской армии.

Русским офицерам было приказано оставлять по мере отступления различные листовки и прокламации, обращенные к армии Наполеона. Они представляли собой летучие издания, сравнительно небольшие по объему (от одной печатной страницы до брошюры в 15–18 страниц), выпускавшиеся командованием русской армии.

Призывы к созданию немецкого легиона

Одной из первых листовок Отечественной войны было воззвание М.Б. Барклая-де-Толли к немцам-солдатам, напечатанное в десяти тысячах экземпляров: *«Немцы! Зачем вы воюете с Россией, перешли ее границы, вражески относитесь к ее населению, тогда как в продолжение многих столетий она постоянно находилась в дружеских к вам отношениях, принимала к себе тысячи ваших соотечественников, вознаграждала их дарования и поощряла их занятия торговлею и промыслами?»*

Барклай-де-Толли призывает немцев вспомнить о своей национальной гордости: *«Вы угнетены, но не выродились и не унизились... Вы, которых завоеватель пригнал к границам России, оставьте знамена рабства и соберитесь под знаменами отечества, свободы, народной чести»*.

Пустыми словами эта прокламация не заканчивалась. Для тех, кто перешел на сторону России в этой войне, предлагалось создать немецкий легион, который должен был возглавить один из государей Германии. Цель этого легиона — «снова завоевать свободу Германии», которая в этот период была раздробленной и состояла из множества небольших государств. В качестве второго варианта (в случае неудачи этого плана) немцам предлагалось осесть в южных областях России, где им обещали обеспечить их существование.

Такой характер обращения к немецкому народу дал повод Наполеону распространять версию о том, что русское правительство «сеет смуту и революцию».

«Возвращайтесь к себе или примите убежище в России»

В конце июня русское командование распространяло еще одну листовку, обращенную уже к французским солдатам, с призывом прекратить военные действия и вернуться на родину:

«Возвращайтесь к себе или примите пока убежище в России, вы забудете здесь слова: "конскрипция", "лишения", "призыв под ружье", "призыв ополчения" — все то, что составляет военную тиранию, которая не дает вам никакой возможности сбросить иго».

Одновременно с этим было издано и воззвание к итальянским солдатам, которое уже 7 (19) июля 1812 года попало в распоряжение наполеоновской армии: *«Итальянские солдаты! Вас заставляют сражаться с нами; вас заставляют думать, что русские не отдадут должной справедливости вашему мужеству; нет, товарищи, они ценят его, и вы убедитесь в этом при сражении... Как добрые товарищи, советуем вам возвратиться к себе; не верьте уверениям тех, которые говорят вам, что вы сражаетесь во имя мира. Нет, вы сражаетесь во имя ненасытного честолюбия государя, не желающего мира»*.

По воспоминаниям младшего лейтенанта Ц. Ложке, подобная прокламация «возбудила только презрение, мы все смотрим на нее как на оскорбление национальной чести». Текст этой листовки почти полностью совпадает с воззванием, обращенным к французам: вероятно, не хватало времени для составления уникальных воззваний, и на основе какого-то одного текста, который служил образцом, создавались различные прокламации. Интересным кажется и тот факт, что во всех листовках русское правительство предлагает солдатам убежище на территории Российской империи.

Дезертирство как патриотический долг

В конце июля 1812 года была издана листовка, обращенная к испанским и португальским солдатам, с призывом покинуть армию Наполеона и вернуться на родину для борьбы за ее освобождение. В этом воззвании сообщались некоторые подробности об освободительном движении на Пиренейском полуострове, успехах английских войск и повстанческих отрядов в борьбе с французскими войсками.

Испанские и португальские участники похода в Россию представляли наиболее благодатную почву для русской агитации. В частности, дезертирство из Великой армии Наполеона они рассматривали как выполнение патриотического долга перед своей родиной. Это подтверждают слова Баркляя-де-Толли: *«По полученным мною сведениям, испанцы и португальцы, находящиеся во французской армии, единственно потому не передаются к нам, что сомневаются, получат ли от нас способы к возвращению в свое отечество»*.

Все эти и многие другие листовки были написаны на национальных языках тех солдат и офицеров, к которым они были обращены, и определенные плоды эта пропагандистская работа принесла. Из сдавшихся в плен испанцев и португальцев в конце 1812 года был сформирован испанский Александровский полк, из перешедших на русскую службу немцев создавался так называемый Русско-немецкий легион. Формировались также французские и итальянские части в Орле. Во многом благодаря умело поставленной агитационной деятельности русского командования часть войск противника не только сдалась в плен, но и повернула свое оружие против Наполеона.

Андрей Сергеевич Кайсаров (1782–1813) — историк, фольклорист, лингвист. Окончил Московский университет, служил в Семеновском полку, являлся одним из участников Дружеского литературного общества, был профессором кафедры русского языка и словесности Тартуского университета. Близкий друг Кайсарова А.И. Тургенев отмечал, что Кайсаров «в 1812 году закипел патриотизмом, пожелал издавать русские бюллетени при Главной квартире». В июне 1812 года возглавил походную типографию при русской армии. После смерти М.И. Кутузова перешел в партизанский отряд своего брата П.С. Кайсарова, где принимал участие в боевых действиях. Был убит в одном из сражений 13 (25) мая 1813 года.

А. Семенов, А. Соколов. Лагерь русской армии при селе Тарутино, где наиболее интенсивно работала военно-походная типография А. Кайсарова.

День 15
23 июня (5 июля)
1812 года

Русско-немецкий легион

Спротивление России завоевательной политике Наполеона вызывало симпатии к ней со стороны тех народов, которые были вынуждены находиться под управлением Франции и сражаться за нее. Как писал Х.А. Ливен в мае 1811 года из Берлина, в Германии «все взоры обращаются к России» и немалое количество прусских офицеров выразило «желание поступить на службу в нашу армию в случае войны с Францией».

Хроника дня: Бой под Довгелишками

В два часа утра бригада легкой кавалерии генерала Ж. Сюберви, двигавшаяся во главе дивизии О. Себастьяни, атаковала русский арьергард 1-й Западной армии у деревни Старые Довгелишки и после боя у корчмы Кочергишки вынудила его отступить.

Наступавший впереди бригады 3-й вюртембергский конноегерский полк в девять часов утра наткнулся на русский арьергард и атаковал его. Корф, получивший приказ не вступать в серьезное сражение, отступил к реке Десне. В полдень неприятель стал сильно теснить русские аванпосты. Началась артиллерийская канонада. По приказу Барклая-де-Толли на помощь Корфу отправился генерал Ф.О. Паулуччи и майор В.И. Левенштерн. Паулуччи приказал выдвинуть против неприятеля артиллерию, которая остановила натиск противника. В 18 часов неприятель вновь возобновил наступление, но был остановлен русской артиллерией. В это время генерал В.В. Орлов-Денисов во главе кавалерийской бригады, в которую входили лейб-гвардии Казачий, 1-й Бутурский, 1-й Тенгярский и Елисаветградский гусарские полки, при поддержке артиллерии атаковал неприятеля и принудил его в бегстве отступить, а после благополучно переправился через Дисау.

Русские разрушили мост через реку, однако неприятель

Создание Немецкого комитета: идейный конфликт

В мае 1811 года флигель-адъютант Александра I, собиравший секретную информацию при парижском дворе, А.И. Чернышев писал о возможности создания в России немецкого добровольческого корпуса: «С этою целью я предлагаю устроить у нас корпус немецких войск, не давая в то же время повода к жалобам на нас со стороны французского правительства. Этот разсадник, приготовленный заранее, может впоследствии послужить для важных политических и военных целей».

В 1812 году в Россию прибыл барон Карл Штейн, прусский государственный деятель (покинул Пруссию после требования Наполеона уволить его с поста главы правительства). В 1812 году он был назначен советником Александра I. По его инициативе в России был создан Комитет по делам Германии.

Первое заседание Комитета состоялось 28 июня (10 июля) 1812 года. Его главной задачей была организация немецких патриотических сил и привлечение их к активной вооруженной борьбе с наполеоновской Францией. На первых же заседаниях Комитета активно обсуждались вопросы, связанные с формированием добровольческого отряда из немцев-эмигрантов и военнопленных, в официальной переписке данный отряд именовался Русско-немецким легионом. В Комитет входили граф В.П. Кочубей, барон Карл Штейн, а с августа 1812 года и патриотически настроенный поэт Эрнст Мориц Арндт. Руководили Комитетом герцоги **Ольденбургские**: официальным председателем являлся герцог Петр Фридрих Ольденбургский, эмигрировавший в Россию после захвата его владений Наполеоном; фактически же работу комитета направлял его сын Георг Ольденбургский, женатый на сестре императора Екатерине Павловне.

Герцоги Ольденбургские считали, что русско-немецкий легион должен выступать под знаменем легитимизма и стать типично монархическим формированием. Штейн же стремился придать легиону общенациональный, всегерманский характер и превратить его впоследствии в народное ополчение. Его идеи, по мнению герцогов, были проникнуты «пагубным революционным духом». Этот конфликт Ольденбургских и Штейна значительно осложнял работу Комитета и вызывал споры между его членами и императором.

Манифест барона Штейна

6 (18) июня Штейн представил императору свой проект организации Немецкого легиона. Он предлагал воспользоваться силами Германии в пользу России. Это можно было осуществить через воззвание, «чтобы они оставляли войска Наполеона и стекались под знамена вашего величества, чтобы освободить отечество от позорного рабства, в котором они находятся». В своей записке он предлагал написать это воззвание, обращенное к немецким солдатам в составе армии Наполеона. Комитет постановил, чтобы «барон Штейн занялся... подготовкой манифеста, который должен быть распространен в Германии».

Александр I, ознакомившись с воззванием, зачеркнул и изменил все резкие и ругательные выражения в адрес Наполеона и велел напечатать и разослать его под подписью главнокомандующего Барклая-де-Толли. 7 (19) июня проект воззвания был отправлен в Петербург, где был отпечатан чрезвычайно большим тиражом для летучих изданий того времени — до десяти тысяч экземпляров (восемь тысяч на немецком языке и две тысячи на французском). Часть тиража распространялась через русских военачальников (М.Б. Барклай-де-Толли, П.И. Багратион, Д.С. Дохтуров, П.Х. Витгенштейн и др.) и предназначалась для наполеоновской армии. Другая же часть, рассчитанная на гражданское население Германии, должна была расходиться через разветвленную сеть агентов.

В ответной прокламации французы обвиняли русского главнокомандующего в стремлении низвергнуть немецкие феодальные династии: «Барклай-де-Толли, вы хотите делать революции». Но в рядах немецких войск воззвание Штейна встретило сочувственные отклики.

Задачи Русско-немецкого легиона

7 сентября Александр I предписал управляющему военным министерством А.И. Горчакову оказывать всяческое содействие этому легиону, формировавшемуся «из пленных и дезертиров союзных войск, состоящих при французской армии». Из Новгорода, Твери, Пскова, Смоленска и других русских городов двигались группы немецких добровольцев, желавших «добровольно определиться в сей легион».

Местом формирования легиона был город Ревель (Таллинн). Там происходила экипировка и вооружение частей. В легион также были зачислены находившиеся ранее при русской армии немецкие офицеры, эмигрировавшие еще до 1812 года, в их числе военный теоретик, подполковник Карл Клаузевиц, капитан Эрнст Фуль. В немецкие корпуса принимались и русские офицеры, а также «дворяне курляндские, лифляндские и эстляндские в качестве унтер-офицеров». Легион полностью подчинялся русским военным законам.

Командование русской армии уделяло большое внимание формированию легиона, его вооружению, экипировке и продовольственному снабжению. К концу декабря 1812 года формирование легиона было в основном закончено. Он имел в своем составе два гусарских полка, бригаду пехоты, две конные роты и одну егерскую роту. В марте 1813 года легион был снова переброшен в Ревель и отсюда выступил в Пруссию. К 1 апреля 1813 года он насчитывал 4254 человека.

Во время заграничного похода русской армии 1813 года Русско-немецкий легион принял участие в военных действиях против французских войск маршала Даву в Северной Германии. Позднее легион был отправлен в Данию и Нидерланды. В марте 1815 года легион был возвращен в Германию и подчинен прусскому верховному командованию. Практически сразу (18 апреля) король Фридрих Вильгельм III распустил его.

Создание Русско-немецкого легиона внесло брожение в ряды Великой армии: многие немцы оставляли свои отряды и переходили на сторону русских. Легион играл немаловажную роль в заграничном походе русской армии, целью которого было освобождение европейских стран от наполеоновского захвата. Но основную задачу, которую ставил перед собой барон фон Штейн при создании легиона, формирование не выполнило: освобождение Германии так и не завершилось воссоединением всех немецких земель.

удалось быстро восстановить его. Русские войска отошли на возвышенности за переправой и сильным артиллерийским огнем стали препятствовать движению неприятеля. Вюртембергцы попытались захватить русскую батарею, но прорвались слишком далеко и были атакованы русской кавалерией. Русские войска стали собираться позади леса, чтобы начать следующую атаку. К левому флангу, на котором находились вюртембергцы, подошли еще два полка 16-й бригады, и русские вынуждены были отступить.

Колонна Даву вышла к Виппену и Воложинку. Бригада Пажоля подошла к Минску, а дивизия Клапареда завяла Опимьян. Отряд Дорохова не мог сдержать неприятеля и оставил Воложин, отойдя на Ивенец. Тем временем корпус Платова отступил к селу Баксты. Флангу 2-й Западной армии угрожала кавалерия 1-го польского корпуса, подполешая с Запада к Белшце. Во второй половине дня к Волковыску выдвинулись части 7-го корпуса Великой армии.

Не зная о том, что французы заняли Минск, Багратион отдал приказ продвигаться в этом направлении. Чтобы дезориентировать Даву, он приказал Дорохову удерживать Ивенец и только в крайнем случае отходить на Кайдапов. Платову же предстояло произвести давление на фланг Даву, а затем вместе с отрядом Дорохова отступить к Николаеву, где их будет ждать основные силы Багратиона.

Барон Генрих-Фридрих-Карл фон Штейн (1757–1831) – прусский государственный деятель, который отменил в стране крепостное право и провел ряд реформ, обеспечивших экономическое процветание и социальную стабильность Пруссии после Наполеоновских войн, а в дальней перспективе — подготовивших объединение Германии при Бисмарке. В 1813–1814 годах был руководителем центральной комиссии по управлению освобожденными территориями Германии.

День 16
24 июня (6 июля)
1812 года

Отбытие государя из армии

Ф. Крюгер. Портрет Александра I (1777–1825) верхом на коне. 1837 г.

С первых дней войны Александр I заявил, что он хочет быть со своими воинами и твердо намерен оставаться при армии до того момента, пока последний неприятельский солдат не будет выдворен с территории вверенного ему царства. Рядовые солдаты и офицеры восприняли это известие с нескрываемой радостью — ведь если государь, помазанник Божий, при войске, то и победа должна ему сопутствовать. Однако генеральный штаб не был в этом так уверен...

Хроника дня: Багратион покинул Николаев

Все утро войска Багратиона простояли в Николаеве, ожидая вестей от Платова и Дорохова. В 16 часов, не дождавшись вестей, Багратион направил Платову запрос о принятом им решении, а Дорохову отдал приказ идти на Столбцы на соединение со 2-й армией. Покидая Николаев, Багратион оставил нетронутым мост через Неман, чтобы дать возможность переправиться казакам Платова.

К вечеру войска Багратиона были в Кареличах. Оттуда Багратион направил Александру I рапорт об отходе армии через Мир, Новый Свержень и Минск.

Государь, мешающий собственной армии

Уже в первые дни войны стало очевидно, что присутствие императора вносит беспорядок в дела штаба и всего воинского управления. Военный министр Барклай-де-Толли, планируя свое отступление, до последнего не знал о фулевском плане Дрисского лагеря, поскольку приказ о его сооружении отдал лично император. Так же обстояли дела и с планом соединения армий: Александр, будучи, как писал историк Е. Тарле, «от природы органически лишен понимания войны и военного дела», искренне негодовал на Багратиона за то, что тот, спасая свою небольшую армию, не предупредил вступление Даву в Минск. В те минуты, когда следовало действовать быстро, именно государь становился препоной на пути эффективного движения армии.

После выхода русской армии из Дриссы окружению императора было очевидно, что для спасения России нужно каким-то образом удалить Александра от военных дел. Но как это сделать деликатно и тактично, чтобы государь не обиделся и назло всем не остался при войсках? Государственный секретарь Шишков, которого более всего занимал этот вопрос, писал в своих записках: «Зная образ мыслей его, что присутствие свое в войсках он почитает необходимо нужным и не быть при них вменяет себе в бесславие, мог ли я на мои слова и представления столько понадеяться, что они преодолели в нем собственное его предубеждение и силу славолюбия?»

Деликатное выдворение

В итоге спустя сотни исписанных листов и множество мучительных совещаний три ближайших к императору человека — Аракчеев, Балашов и Шишков — представили ему коллективное письмо с просьбой «отбыть от войск» и «не ожидая решительной битвы, препоручить оные в полное распоряжение главнокомандующего».

Отъезду императора способствовала и любимейшая сестра его Екатерина Павловна. Император даже жаловался, что сестра гонит его из армии, на что герцогиня Ольденбургская отвечала: «...Вам нужно играть роль не только полководца, но и правителя. Если кто-нибудь из них дурно будет делать свое дело, его ждут наказание и порицание, а если Вы сделаете ошибку, все обрушится на Вас, будет уничтожена вера в того, кто, являясь единственным распорядителем судеб империи, должен быть опорой ей...»

Наконец Александр поддался на просьбы своих приближенных и приказал закладывать лошадей в Москву. Шишков потом признавался: «...радость моя была неописана, теплейшая молитва пролилась из уст моих к подателю всех благ, Творцу небесному...»

Екатерина Павловна (1788–1819) — великая княжна, младшая и любимейшая сестра императора Александра I. В 1808 году в Эрфурте Талейран предложил императору выдать его сестру замуж за Наполеона, но императрица-мать и сама Екатерина высказали твердое нет. В 1809 году великая княжна вышла замуж за принца Георга Ольденбургского. Вскоре после этого его наследные земли были заняты французскими войсками, что можно считать мезью Наполеона за неудачное сватовство. В России «Георгию Петровичу» (как принца Ольденбургского звали на русский манер) было предложено стать губернатором сразу трех губерний (Тверской, Ярославской и Новгородской). Супруги поселились в Твери, и там Екатерина Павловна устроила свой «кусочек Петербурга», с двором, приемами и аудиенциями. Именно во дворце великой княгини русский историк Н.М. Карамзин читал Александру свою знаменитую записку «О старой и новой России», созданную по предложению хозяйки дома.

В 1812 году великая княгиня активно поддержала идею создания народных ополчений, под ее покровительством был сформирован Егерский пехотный батальон, костяк которого составили удельные крестьяне Екатерины Павловны. После смерти супруга от лихорадки в конце 1812 года Екатерина Павловна три с лишним года не принимала никакие предложения о браке, однако в 1816 году все же вышла за принца Вюртембергского.

Екатерина Павловна умерла от лихорадки в 1819 году, что стало чрезвычайно сильным ударом для императора. Некоторые биографы Александра I считают, что именно гибель сестры стала причиной его увлечения мистицизмом.

День 17
25 июня (7 июля)
1812 года

Польские офицеры на службу Наполеона

Французская пропаганда: миссия — спасти Европу от «русских варваров»

Готовясь к войне, Наполеон большое внимание уделял идеологической подготовке вторжения. Он понимал, что правильные слова окажут сильное воздействие на боевой дух солдат и их преданность.

Хроника дня: Мюрат занял Видзы

Утром 2-я Западная армия Багратиона подошла к местечку Мир. Сам Багратион оставался в Кареличах. Под давлением противника войска Платова переправились у Николаева через Неман и, уничтожив мост, двинулись к Коледзину, чтобы вновь перейти через Неман и переправиться к Кайданову. Но здесь переправы оказались уже разрушены, и тогда Платов повернул на местечко Мир и стал продвигаться вслед за основными силами Багратиона.

К концу дня армия Багратиона сосредоточилась у Несвижа, где Багратион решил дать войскам кратковременный отдых.

Тем временем авангард Мюрата занял Видзы. Однако действуя слишком осторожно, Мюрат потерял соприкосновение с русскими войсками.

«Миссия» Великой армии

Весной 1812 года, накануне войны с Россией, в Париже была издана книга «О возрастании русского могущества с самого его начала и до XIX столетия». Ее авторство приписывается историку и публицисту Шарлю Луи Лезиору. Хотя есть исследователи, считающие, что сам Наполеон вносил в ее текст некоторые правки и изменения.

В этой книге получила новое рождение фальшивка, известная как «завещание Петра Великого». В ней утверждалось, что Петр I перед своей смертью составил секретный план, суть которого заключалась в том, чтобы русское правительство непрерывно вносило смуту и распри в международные отношения и «поддерживало русский народ в состоянии непрерывной войны», чтобы добиться гегемонии в Европе, а затем, захватив Константинополь, развивать свои устремления через Персидский залив на Индию. Говорилось о том, что оригинал этого завещания хранится где-то «в домашнем архиве русских императоров», однако до сих пор не найдено сведений, подтверждающих это заявление.

Разумеется, эта публикация, изданная накануне войны Франции с Россией, преследовала вполне конкретную политическую цель — Наполеону было необходимо выставить Российскую империю как агрессивную и опасную державу, стремящуюся к мировому господству: «пользоваться миром для войны и войной для мира в интересах расширения пределов и возрастающего благоденствия России». Что интересно, часть из указанных «планов Петра I» уже была реализована: разделенная и ослабленная Польша, расширение выхода к Черному морю, попытки заключить выгодные союзнические договоры с Англией, оформление династических браков с германскими принцессами. Все это вселяло в современников уверенность, что подобное завещание Петра I существовало.

Брошюры с отрывками из этого «завещания» активно распространялись среди солдат и офицеров Великой армии, которые воспринимали свой поход не захватническим, а правомерным, справедливым, можно даже сказать, спасительным.

В этой брошюре также был озвучен тезис о русских варварах: «Народ тем более опасный, что, закаленный варварством и дисциплинированный игмом рабства, он более годится для завоеваний и опустошений, чем для войн оборонительных, нечувствительный к смерти и к несчастью...»

«Под знаменем Ягеллонов, Казимиров, Собеских»

Наполеон вошел в Вильну без всякого сопротивления со стороны местного населения. Он был встречен местной польской знатью с подобострастным почтением.

В городе была создана комиссия для управления страной. Она обнародовала прокламацию, призванную убедить поляков перейти под знамена французов: *«Поляки! Вы служите под русскими знаменами.»*

Эта служба была вам дозволена, пока у вас не было отечества. Но теперь все изменилось. Польша воскресла, и теперь надо сражаться ради ее полного восстановления, ради того, чтобы заставить русских признать права, которые были у вас отняты несправедливо и силой. Генеральная конфедерация Польши и Литвы отзывает всех поляков с русской службы. Польские генералы, офицеры, солдаты! Повинуйтесь голосу отечества: покиньте знамена ваших притеснителей, спешите все к нам, чтобы стать под знаменем Ягеллонов, Казимиров, Собеских! Об этом просит вас Отечество, повелевают честь и религия!»

В июле 1812 года в Литве было создано Временное литовское правительство, сформированы национальная гвардия, жандармерия, гвардейский уланский полк, четыре пехотных и пять кавалерийских полков. В результате в армии Наполеона сражалось свыше 120 тысяч поляков.

Французский «Ответ немца»

Французы также уделяли особое внимание каждой русской листовке, обращенной к солдатам Великой армии, и обязательно составляли на нее свой ответ.

Первое воззвание русского командования к немцам произвело большое впечатление на жителей германских государств. Адьютант Наполеона граф Сежур назвал его «развращающим». Призывы к переходу под знамена русской армии и вступлению в Русско-немецкий легион, а также планы по освобождению германских земель и их объединению находили отклики в сердцах простых солдат и немецких патриотов.

По приказу Наполеона (а возможно, и им лично) был составлен «Ответ немца». Авторы «Ответа» стремились нейтрализовать провозглашенную в воззвании к немцам идею политической независимости германских государств, достижение которой связывалось с действиями русских войск. На первый план они выдвинули противоречия между этими государствами и Россией, союз с которой и породил якобы все беды на немецкой земле. Лишний раз обличались крепостнические порядки, в их поддержке Россию еще не раз будут попрекать. Авторам ответов мерещились «ужасы анархии», «факелы разбойников», «мечи палача» — и будто все это будет приведено в действие русским воззванием против европейских династий: «Барклай-де-Толли, вы хотите делать революции, создавать республики».

Продолжение полемики в прокламациях

Воззвание к французским солдатам также не осталось незамеченным Наполеоном. Русский историк Александр Иванович Михайловский-Данилевский отмечал: «Наполеон велел печатать в газетах наши прокламации и, как нетрудно догадаться, с прибавлением невыгодных на наш счет замечаний». Возражение на воззвание к французским солдатам было также составлено самим Наполеоном. 25 июля (6 августа) 1812 года вместе с разбираемым воззванием оно было помещено в *Journal de l'Empire* под названием «Ответ французского гренадера».

В своем «Ответе» Наполеон несколько раз подчеркнул, что солдат Франции — «свободный» и что «он повинует только чести и закону». Этому противостоит «крепостничество и рабство» России, «скотское существование» русских солдат, основой дисциплины которых является «страх», «но не честь». Солдаты Великой армии должны видеть свой долг в том, чтобы уничтожить «рабство в русской империи», «восстановить права ее подданных, когда каждый крестьянин станет субъектом и гражданином государства, станет господином своего труда и своего времени, и он не будет больше собственностью своего господина, подобно быку или лошади».

На листовку, обращенную к итальянским солдатам, также было решено написать ответную прокламацию. Вот как она звучала: *«Русские солдаты! Итальянские солдаты удивляются, как вы могли хотя бы на минуту подумать, что их можно соблазнить таким низким способом, тогда как они всегда неизменно слушались голоса чести. Они потеряли к вам прежнее уважение, уважение, которое даже в разгар войны храбрый солдат сохраняет по отношению к своему противнику...»*

Попытки Наполеона сокрушить дух русской армии не увенчались успехом. Даже европейцы слабо верили в ту спасительную миссию, которую, судя по пропагандистской деятельности Франции, представлял собой поход в Россию.

Александр Иванович Михайловский-Данилевский (1789–1848) — генерал-лейтенант, русский историк. Учился в Геттингенском университете, где увлекся идеями Просвещения. Война 1812 года сильно изменила его жизнь. Он записался в ряды петербургского ополчения, где его заметил М.И. Кутузов и назначил своим адъютантом. Принимал участие в Бородинском сражении, за что был награжден орденом Святой Анны 4-й степени. Получил ранение в руку в сражении при Тарутине. Участвовал в сражениях при Лютцене, где был контужен ядром. Император Александр I лично наградил его золотой шпагой.

При новом императоре в начале 1830-х гг. Михайловский-Данилевский выпускает мемуарно-исторические записки о кампаниях 1813–1815 годов. Через несколько лет выходят в свет его «Описания Отечественной войны», которые до сего дня остаются одними из самых подробных, с полным знанием дела составленных описаний войны 1812 года и последовавшего за ней Заграничного похода.

День 18
26 июня (8 июля)
1812 года

Последняя великая война кавалерии

Рядовой 5-го гусарского полка в летней форме (в одном доломане) и рядовой 9-го гусарского полка в полной форме (доломан и ментик на плече)

Одной из отличительных черт всех наполеоновских войн является высокая роль кавалерии в боевых действиях. В условиях непрерывного длительного отступления одного из противников, когда пехота и артиллерия оказывались не у дел, львиную долю стычек, сражений и операций проводили именно конные соединения обеих армий.

Хроника дня: «Вентерь» Платова

Атаман М.И. Платов получил приказ задержать авангард неприятеля (4-ю легкую кавалерийскую дивизию генерала А.А. Рожнецкого), двигавшийся от Новогрудка, чтобы дать основным силам кратковременный отдых в городе Несвиж Минской губернии. Под командой Платова находились Перекопский крымско-татарский, Ставропольский калмыцкий, 1-й башкирский полки, а также полки Н.В. Иловайского, В.А. Сысоева, половина атаманского полка и рота донской артиллерии. Платов собрался применить традиционный тактический прием «вентерь» («мешок») — заманить противника в ловушку и атаковать его с флангов. Для этого в местечке Мир у Новогрудка был оставлен полк Сысоева, а по сторонам дороги на Несвиж скрылось по сотне отборных казаков. Основные силы Платов расположил в деревне Симаково к югу от Мира.

Полковник 11-го кирасирского полка в парадной форме, маршал-де-ложи (сержант) 4-го кирасирского полка в походной форме

Состав кавалерии

К концу XVIII века в европейских армиях кавалерия была разделена на различные классы, каждый из которых служил своим особым целям. Традиционно с XVII века выделяли три класса: **тяжелая, легкая и средняя** кавалерия. Главным и принципиальным отличием между классами был вес коня, остальные факторы, такие как вооружение и экипировка, считались вторичными. В среднем вес коня в тяжелой кавалерии достигал 600–700 кг, в то время как в легкой колебался в пределах 150–500 кг, соответственно, вес коней в средней кавалерии находился в пределах 400–600 кг.

К **тяжелым кавалеристам** относились **кирасиры**, вооруженные палашом и пистолетом и защищенные шлемом и кирасой (от которой и получили свое название). Они были незаменимы при атаках на сомкнутый строй противника.

К **средней кавалерии** чаще всего относились **драгуны, карабинеры и конногренадеры**, т.е. те рода войск, которые использовали ружья, мушкеты и гранаты для атаки на противника, вступая с ним в рукопашный бой, только спешившись. Фактически они играли роль «конной пехоты», для которой лошади — это только способ добраться до места. Именно драгунские полки были в Европе долгое время одним из самых популярных видов кавалерии.

Наконец, **легкую конницу** составляли **гусары и уланы**, главная задача которых состояла в быстрых тревожащих ударах, разведке и охране основных сил. Они были вооружены пиками и саблями, хотя имели также и огнестрельное оружие.

Фридрих Великий: «второе дыхание» кавалерии

Однако все это разнообразие и многозадачность кавалерии появились довольно поздно. Еще до середины XVIII века конница в новоевропейских войсках использовалась несколько однообразно, была неповоротлива и медленна. За целое столетие господства огнестрельного оружия и медлительной тяжелой конницы европейские полководцы несколько отвыкли от стремительных и энергичных атак.

Первым, кто коренным образом пересмотрел место кавалерии в армии, стал прусский король **Фридрих Великий**, который сумел сделать большие массы конницы не только маневренными, но и чрезвычайно дисциплинированными и эффективными и в близком бою. Кавалерия этого великого полководца поражала современников своей слаженностью, активностью и быстротой: из 22 сражений, данных Фридрихом, 15 были выиграны именно благодаря коннице. С середины XVIII века начинается последний расцвет этого рода войск, пиком которого станут наполеоновские войны.

Кавалерия Наполеона и «иррегулярная лавина» казаков

Наполеон, как отмечает военный историк второй половины XIX века Дж. Денисон, несмотря на свое артиллерийское прошлое, чрезвычайно ценил кавалерию и прекрасно понимал ее возможные преимущества.

Развивая идеи Фридриха Великого, Наполеон одним из первых стал из рас-
сеянных по армии конных полков создавать отдельные кавалерийские брига-
ды, дивизии и даже корпуса — по родам конницы. В ходе военных действий
именно кавалерия (по преимуществу легкая) помогала Наполеону правильно
ориентироваться и принимать нужные решения, а на поле боя громадные мас-
сы тяжелой кавалерии, сведенные воедино, становились одной из основных
ударных сил.

Но уже в ходе австрийской и прусской кампаний Наполеон начал осознавать,
что все привычные для него тактики боя и управления армией оказываются недей-
ственными, если против европейской регулярной кавалерии выступает иррегуляр-
ная русская легкая конница — казаки. Эти русские степняки чрезвычайно усложняли
войну своими бесконечными грабежами, неожиданными нападениями, неупорядо-
ченной атакой «лавой». Пытаясь что-то противопоставить русским казакам, Наполе-
он в 1807 году в Варшаве возрождает польский уланский полк, а позже увеличивает
число уланов за счет драгун и гусар. К каждой кирасирской дивизии он прикреплял
по одному такому легкому подразделению для противодействия казакам, что, од-
нако, не помогало решить главную проблему: известную растерянность, которую
испытывают регулярные части, встречаясь с «иррегулярной лавиной».

То, что на протяжении многих десятилетий являлось одним из основных пре-
имущества европейской конницы, что было ее идеей фикс — отточенная упо-
рядоченность действия при маневре, сохранение строя, — при столкновении
с иррегулярной легкой кавалерией становилось одной из главных ее проблем.

К началу войны 1812 года с обеих сторон выступали огромные по численности
группы кавалерии разных родов и свойств. Однако уже в первые недели войны
именно кавалерия Великой армии пострадала больше всего: помимо постоянных
набегов казаков и стычек с гусарами и уланами, громадные массы наполеоновской
конницы страдали из-за недостатка воды и фуража, а также экстремальных погод-
ных условий. Многие кавалерийские офицеры с горечью вспоминают, что, даже
не вступая в вооруженное противостояние с противником, французская армия остав-
ляла позади себя сотни лошадиных трупов — это стало платой за любовь француз-
ского императора к устройению целых конных армий и дивизий.

Войны 1812–1815 годов стали переломным моментом в истории европей-
ской кавалерии: после них на протяжении всего XIX века роль конных войск
будет постепенно снижаться благодаря изобретению новых скорострельных
и дальнобойных орудий, появлению новых тактик ведения боя, изменению
принципа комплектования армий.

Последними войнами, где активно будет применяться кавалерия, станут Первая
мировая война и последующая за ней Гражданская война в России. Далее конные
войска все более будут становиться прекрасным анахронизмом, деятельность ко-
торого будет ограничиваться по большей части парадами.

Эммануэль де Груши (1768–1847) происходил из старинного нормандского рода маркизов де Груши. В течение революционных и Наполеоновских войн Груши возглавлял и гусар, и конных егерей, и драгун, дослужился до чина генерала и начальника дивизии, получил титул графа империи. В ходе войны 1812 года Груши возглавлял 3-й корпус кавалерийского резерва и особенно отличился в отражении рейда конницы Уварова и Платова, а также взятии Курганной батареи в ходе Бородинской битвы, тогда же был тяжело ранен в грудь и уже не мог возглавлять конницу. При вступлении союзных войск на территорию Франции был назначен командующим кавалерией Великой армии.

Во время 100 дней перешел на сторону Наполеона и был назначен командующим резервной кавалерии, однако именно его просчеты и нерасторопность, по мнению Наполеона, стали причиной поражения французов в битве при Ватерлоо.

Груши стал последним, кто устоялся звания маршала империи.

Рядовой 19-го драгунского полка в походной форме старого образца, рядовой элитной роты 5-го драгунского полка в парадной форме старого образца

День 19
27 июня (9 июля)
1812 года

Казак в сражении. Раскрашенная гравюра К.Ф. Леваше по оригиналу К. Верне. 1-я половина XIX века

Зловещие les cosaques

Для наступающей Великой армии казаки представлялись воплощением всего «азиатского» духа, царившего якобы в России. В сознании европейцев они были едва ли не прямыми потомками древних кочевников, и их тактика, образ жизни, одежда, а также неуловимость только подкрепляли самые зловещие слухи, которые распространялись о казаках. Ненависть и страх, которые выказывали эти «новые скифы», были связаны с тем, что именно эти рода войск в первую очередь прикрывали отступление русской армии, а следовательно, были повинны в бесконечных тревожащих ударах, вылазках, сожжении складов с провиантом и фуражом, без которых так тяжело приходилось солдатам Великой армии. Неслучайно и то, что первый сколь-нибудь серьезный бой Отечественной войны 1812 года — дело под Миром — происходил с участием все тех же зловещих les cosaques, равно как и то, что закончился он поражением польской кавалерии.

Хроника дня: Бой под Миром

Утром эскадрон 3-го польского уланского полка полковника А. Радзимицкого подошел к местечку Мир и атаковал казаков Платова. Завяв местечко, полковник Радзимицкий приказал бросить в преследование все три эскадрона полка. В это время от деревни Сямаково прибыли Платов с главными силами, а с тыла и фланга появились сотни, находившиеся в засаде. Окруженный со всех сторон, 3-й уланский полк был вынужден пробиваться к местечку Кареличи. Генерал Труно, получив известие о неудаче 3-го уланского полка, с 15-м и 16-м польскими уланскими полками занял долину реки Уши у местечка Пасечна, к северо-западу от Мира. Три эскадрона генерал Труно оставил для обороны плотины на реке, а сам перешел реку Ушу и встретил остатки 3-го уланского полка, преследуемые казаками Платова. Новой атакой казаки опрокинули неприятеля и заставили его поспешно отступить через плотину. Вечером к Миру подошла вся дивизия Рожнецкого, а Платов, оставив три полка в арьергарде под Миром, отошел к деревне Сямаково.

Положение казаков в армии

Казаки в составе армий российского государства находились еще с незапамятных времен, являя собой чрезвычайно своевольное и во многом бесконтрольное образование, призванное в первую очередь обеспечивать спокойствие на южных и восточных рубежах. К концу XVIII — началу XIX века казачьи войска представляли собой уже более организованные и надежные подразделения, которые, помимо постоянно действующих полков (в каждом из полков около полусотни всадников), могли по требованию выставить несколько десятков тысяч хорошо обученных наездников и еще несколько тысяч — в случае крайней необходимости.

В войне 1812 года участвовало порядка 120 тысяч казаков, большую часть из них (около 80 тысяч) составляли донцы, представители Донецкого казачьего войска, среди остальных, помимо собственно казачьих частей, числились также и татарские, башкирские, калмыцкие отряды.

Казаки относились к типу легкой иррегулярной конницы, принципиально отличавшейся от уланов, драгунов, кирасиров и гусар своей тактикой боя и вооружением. На службу казак являлся со своим обмундированием, снаряжением, обязательной пикой и двумя лошадьми (для боя и обоза), также ему полагалось иметь при себе пистолет (а иногда и два) и в редких случаях ружье. Казачьи подразделения состояли при многих воинских группировках, где выполняли разведывательные функции, входили в состав партизанских отрядов или же становились костяком особых кавалерийских корпусов.

Казачьи боевые порядки

В бою казаки использовали две излюбленные тактики: «лава», атака рассыпанным строем, и «вентерь», засада и окружение (на языке рыбаков «вентерь» — это специальная конусообразная ловушка для рыбы). Казачьи боевые порядки не

регулюровались никакими уставными правилами: казаки действовали согласно ситуации или по указаниям специальных «маяков» (небольших групп, двигавшихся немного позади основной массы). По положению этих групп определялось место встречи сотен после атаки. За счет этого казаки могли держать войска противника в постоянной тревоге и, даже находясь в непосредственной близости, совершать неожиданные нападения.

Вот как французский кавалерийский генерал Шарль Антуан Моран описывает подобные «тревожашие» набеги:

«Этим диким всадникам совершенно неизвестны наши подразделения, правильное равнение, сомкнутость строя, которой мы придаем столько значения... Но они умеют с места мчаться карьером и на карьере круто останавливаться. Лошади кажутся одним телом с ними.

Каждый день казаки появлялись длинными линиями на горизонте, а их смелые наездники подвезжали к самым нашим рядам. Мы строились и шли этим линиям навстречу. В ту минуту, как мы к ним подходили, они пропадали... Но час спустя, когда мы кормили лошадей, нападение возобновлялось, и опять появлялись эти черные линии, повторялись те же маневры и с теми же результатами.

Таким образом утомилась и растаяла храбрейшая конница в борьбе с людьми, которых она презирала, но которые сумели спасти родину, истинными защитниками которой они были...»

Не только Моран считает казачество одним из главных факторов победы в этой войне: в мемуарах участников похода Наполеона мы часто встречаем жалобы на бесконечные казачьи набеги и грабежи, которые не только лишали награбленного, но и не оставляли никаких шансов обозам с провиантом. Следует отметить, что обоз самих казаков, *кош*, был чрезвычайно мобилен, поскольку перемещался исключительно на выючных лошадях, поэтому очень сложно было заставить их врасплох.

Был у казачьих подразделений и серьезный недостаток — постоянный поиск добычи, *дувана*, которая представляется для казаков одним из самых важных составляющих любого похода. Показательно, что генерал М.И. Платов по окончании войны пожертвовал Казанскому собору невероятную сумму, накопленную им вследствие захвата нескольких французских обозов, вывозивших награбленное из московских храмов. Как мы видим, часть имущества была возвращена Церкви, но сколько еще «осело» в казачьих станицах, выяснить уже практически невозможно.

Вечером командир 4-го корпуса кавалерийского резерва генерал М.В. Лятур-Мобур приказал дивизии Рожнецкого на следующий день занять Мир и продвинуться к Несвижу. В то же время к Платову подошел армейский отряд И.В. Васильчикова, в состав которого входили 5-й егерский, Киевский драгунский, Ахтырский гусарский и Литовский уланские полки и донской полк Иловайского. К вечеру силы Платова возросли до одной тысячи пикетов, 2,5 тысячи сабель регулярной кавалерии и четырех тысяч казаков при 12 орудиях.

Поляки потеряли в этот день 300 человек, в том числе 250 — пленными. Платов потерял 25 человек убитыми и ранеными.

Тем временем отступавшие от Свенцины войска 1-й Западной армии Баркляя-де-Толли вступили в Дрисский лагерь.

В.В. Мазуровский. Дело казаков Платова под Миром 9 июля 1812 года

Казаки. Гравюра И.П. Жазе по рисунку А.И. Зауервейда. 1810-е годы

Матвей Иванович Платов (1751–1818) на своем веку успел поучаствовать в первой и второй Русско-турецких войнах при Екатерине Великой, в Персидском походе, в Прусской кампании Александра I, наконец, в войне 1812 года и Заграничном походе русской армии. Пройдя путь от есаула до генерала и войскового атамана Войска Донского, он повидал пол-Европы и провел три с лишним года в казематах Петропавловской крепости при Павле I, возглавлял донских казаков в их незаконном походе в Индию и осуществил ряд серьезных реформ в системе управления Войском Донским.

К началу войны 1812 года Матвей Иванович был одним из самых опытных генералов в русской армии. Неслучайно именно на него была возложена задача прикрывать отступающие русские войска, с которой он с блеском справился. Были, однако, и у этого знаменитого вояки свои дурные привычки: во время Бородинской битвы Матвей Иванович, командовавший 10 тысячами кавалерии, оказался мертвецки пьян и не смог предпринять ничего стоящего, а лишь временно отвлел фланговую атакой войска Наполеона от штурма батареи Раевского. Однако впоследствии атаман исправно выполнял все возложенные на него миссии и дошел до Парижа.

В 1814 году Платов при посещении Лондона в составе свиты императора Александра I получает звание почетного доктора права Оксфордского университета, став единственным в истории России донским атаманом с докторской степенью. Умер Матвей Иванович в 1818 году и был похоронен в основанной им новой столице Донского войска — Новочеркасске.

День 20
28 июня (10 июля)
1812 года

Х.В. Фабер дю Фор. Иоахим Мюрат в битве при Бородино. Литография, 1812 год

Мюрат: «генералиссимус всей кавалерии»

Подобно тому, как с именем М.И. Платова связано представление о действиях русской конницы в ходе войны 1812 года, образ Мюрата обычно ассоциируется с наполеоновской конницей. Мюрат был воплощением французского кавалериста со всеми его недостатками (гасконская горячность, самоуверенность, отсутствие трезвого расчета, неспособность мыслить стратегически) и достоинствами (беспрецедентная храбрость и боеиспособность, умение вовремя принимать решения в бою), разные его сослуживцы оставили о нем чрезвычайно противоречивые мнения.

Хроника дня: Бой под Миром

Утром полки дивизии Рожнецкого заняли Мир, а в полдень начали осторожно продвигаться по направлению к Несвижу. У деревни Симаково они остановились, встретив передовой отряд казаков. Убедившись, что вновь подготовленный «ветер» не сработает, Платов атаковал стоящий в авангарде 7-й польский уланский полк полковника Потоцкого, а затем и полки из бригады генерала Труно. Исход шестичасового боя решил внезапное появление на левом фланге противника отряда генерала Кутейникова, решительно ударившего по стоящим уступом полкам генерала Дзевановского (16-й, 11-й и 2-й уланские полки). Расстроенные польские уланы начали стремительное отступление. Преследование русскими войсками противника прекратилось лишь после того, как на поле боя появился 1-й конноегерский полк генерала Тышкевича и конная батарея.

Русские войска потеряли в бою 50 человек убитыми и 100 ранеными, потери неприятеля превысили 600 человек.

«Театральный король»

Вот что о Мюрате пишет артиллерийский офицер Гриуа, который входил в возглавляемый первым авангард Великой армии, преследовавшей отступающих русских: «Его театральный костюм сделал бы смешным всякого другого, но он необыкновенно шел к его фигуре и вполне гармонировал с блестящей доблестью, отличавшей его. Довольно длинные волосы прекрасного каштанового цвета падали ему на плечи. Он носил шляпу с откинутыми полями, украшенную перьями и султанами, или польскую шапочку с большим султаном, светло-желтый камзол, малиновые панталоны и желтые сапоги. На плечи его был накинут или короткий шитый золотом плащ зеленого бархата, или изящный мех, украшенный золотыми галунами и шнурами. У лошадей его была самая странная роскошная сбруя, но благодаря ловкости, с которой он правил, это только увеличивало их красоту. Его храбрость была настолько прославлена в армии, все настолько привыкли видеть его в самом жестоком огне, что адъютанты и ординарцы, которых посылали к нему с приказами или докладами, направлялись всегда в ту сторону, где шло сражение, где атаки казались наиболее сильными; они знали, что найдут его там. Это был идеал мужества».

Многие солдаты кавалерийских корпусов, находившихся под командованием неаполитанского короля, вспоминают, что он любил вставить бранное словцо во время атаки на противника. Согласно их свидетельствам, в атаку Мюрат бросался со словами «Атакуем эту сволочь!» или «Опрокинем эту сволочь!» и почти всегда выполнял намеченное. Неаполитанский король самолично формировал эскадроны для отражения неприятельских нападений и сам же вел их в бой и в самые тяжелые дни после пожара Москвы, и во время отступления.

«Третьего подобного не было в армиях!»

Не только французы и итальянцы были пленены харизмой короля Неаполя, но и сами русские солдаты и офицеры. По воспоминаниям многих современников, Мюрат обожал выезжать к вражеским аванпостам и гарцевать перед ними, за что почитался и с русской стороны храбрецом и славным малым. Наиболее дружественные отношения у неаполитанского короля завязались с героем Отечественной войны генералом М.А. Милорадовичем, который сумел добиться временного перемирия с французами при оставлении русскими Москвы. По воспоминаниям А.П. Ермолова, Мюрат и Милорадович друг друга стоили: «Генерал Милорадович не один раз имел свидание с Мюратом, королем неаполитанским... Мюрат являлся

то одетый по-гишпански, то в вымышленном преглутом наряде, с собольей шапкою, в глазетовых панталонах. Милорадович — на казачьей лошади, с плетью, с тремя шалами ярких цветов, не согласующихся между собою, которые, концами обернутые вокруг шеи, во всю длину развевались по воле ветра. Третьего подобного не было в армиях!»

Когда же король входил со своим корпусом в Москву, его здесь, по воспоминаниям бригадного генерала ван Дедема, встретили не успевшие еще выехать казачьи офицеры, один из которых даже сказал Мюрату: «Я давно узнаю Ваше Величество, Вы — неаполитанский король. Разница между нами в том, что я вижу Вас с самого Немана всегда впереди, во главе Вашей армии, между тем как я вот уже три месяца постоянно нахожусь позади нашей».

«Ему обязана своей гибелью кавалерия»

Нетерпеливость и легкомыслие Мюрата, дававшие такие чудесные результаты на поле боя, были вовсе не так хороши при организации передвижения огромных масс конницы, врученной ему. Один из офицеров 16-го конно-егерского полка жалуется: «...неаполитанский король, лично очень храбрый, был мало талантлив в военном отношении. Главным образом ему обязана своей гибелью кавалерия, так как он не только подвергал ее опасностям совершенно без всякой пользы, но также ставил ее на пункты, отдаленные от воды и фуража...»

«Кавалерия очень быстро растаяла — благодаря ежедневным битвам, которые приходилось ей выдерживать, благодаря чрезмерным переходам, которые она ежедневно должна была делать, и в особенности вследствие беззаботности и эгоизма начальников, которым поручили командовать ею и заботиться о ее нуждах...»

К концу сентября 1812 года король Неаполя лишился почти всей своей кавалерии, которая постепенно превратилась в пехоту, и, будучи ярким противником отступления, все время со злобой тащился за штабом Великой армии. Покидая войска, Наполеон именно Мюрату вручил главное командование, надеясь, что последний сможет воодушевить и увлечь солдат. Однако расчет императора оказался неверным: будучи неспособен организовать даже сносное функционирование собственного корпуса, неаполитанский король окончательно потерял управление над армией и в январе 1813 года, сославшись на тревожные вести из своего королевства, самовольно покинул ее, оставив командование Евгению Богарне.

По свидетельству Луи де Коленкура, Наполеон был в гневе:

«То, что спасла бы сотня отважных людей, погибло под носом у десятка тысяч храбрецов по вине Мюрата. Капитан вольтижеров лучше командовал бы армией, чем он... Нет более отважных людей на поле сражения, чем Мюрат и Ней, и нет менее решительных людей, чем они, когда надо принять какое-нибудь решение у себя в кабинете».

Ф. Жерар. Иоахим Мюрат, король Неаполя (1767–1815)

А.-Ж. Гросс. Конный портрет Иоахима Мюрата (1767–1815)

Монета королевства Обейх Сицилий 1813 года с изображением профиля короля Иоахима Наполеона

Иоахим Мюрат (1767–1815). Будущий король Неаполя родился в семье трактирщика Пьера Мюра. С Бонапартом он участвовал в подавлении парижского восстания, Итальянском и Египетском походах и дослужился до звания дивизионного генерала. В 1799 году именно Мюрат командовал грендерами, которые разогнали Совет Пятиисог. В 1800 году он породнился с Наполеоном, женившись на его младшей сестре. В 1804 году получил звание маршала империи. В кампаниях начала XIX века Мюрат командовал резервной кавалерией Великой армии и очень хорошо показал себя на этом поприще, за что получил титул великого герцога княжества Берг и Клеве. В 1808 году он вместо брата императора Жозефа стал королем Неаполя под именем Иоахима Наполеона.

В ходе кампании 1812 года Мюрат проявил себя как прекрасный тактик и командир, но бездарный организатор и стратег. В 1813 году бежал из армии. После поражения под Лейпцигом («Битва народов») Мюрат покинул Наполеона и заключил тайный договор с Австрией против соседнего королевства Италии, однако в итоге вновь вступил в тайные переговоры с Наполеоном. После отречения французского императора великие державы не признали легитимность Мюрата. Австрийцы готовили свержение короля Неаполя, поводом для которого стала кампания за освобождение всей Италии во время 100 дней Наполеона. Мюрат был вынужден бежать во Францию, но и там его не приняли, почтя его предателем. После второго отречения Наполеона он попытался поднять восстание в Неаполе, но был пойман и расстрелян военным судом.

День 21
29 июня (11 июля)
1812 года

Иностранцы на русской службе: введение

Хроника дня: Решение оставить Дрисский лагерь

В Дрисском лагере состоялся осмотр позиций и окружающей местности. Специально назначенные для этого офицеры (А.Ф. Мияо, Л. Вольцоген, К. Клаузевиц, К.Ф. Толь) пришли к выводу, что создать хорошую оборону в Дриссе войскам не удастся. Было решено оставить укрепленный лагерь.

Каждый пятый – иностранец

По данным профессора Доминика Ливена, авторитетного специалиста в истории Российской империи, почти «каждый пятый» штабной офицер в сражении при Бородино даже не был подданным российского императора». А если попытаться посчитать общий процент офицеров, имевших зарубежные корни, фамилию или почитавших русский язык неродным, число это вырастет неимоверно.

Советский историк Н.А. Троицкий, специалист по истории XIX века и в первую очередь по истории войны 1812 года, заметил однажды следующее: «*Российский генералитет в 12-м году был отягощен не столько доморощенными бездарностями из дворянской знати вроде Шувалова или Васильчикова, сколько иностранцами — и обрусевшими, и новоявленными; иные из них даже не знали русского языка, как, например, Фуль и Винцингероде. Высокие командные посты занимали Беннигсен и Виттенштейн, Паулуччи и Багговут, Эртель и Пален, Эссен и Эссен, Штейнгейль и фон дер Остен-Сакен, Ланжерон и Левенштерн, Корф и Крейц, Ламберт и Сен-При, Бухгольц и Сивере, Траверсе и Канкрин, Ферстер и Трузсон, принцы Евгений Вюртембургский и Карл Мекленбургский, не говоря уже о тех, кто был в меньших (но тоже генеральских) чинах, как Дибич, Опперман, Кнорринг, Бенкендорф, Берг, Гельфрейх, Ольдекоп, Фок и другие*».

Русская армия — «империя в миниатюре»

Просматривая списки погибших солдат и офицеров, вы можете увидеть там довольно много иностранных фамилий, также много их и среди выживших и получивших награды за свое участие в войне. В первую очередь иностранные офицеры требовались в штабе, инженерных и артиллерийских войсках, то есть на те специальности, где нужны были математическая точность и логика. Сама практика приглашения иностранных специалистов на службу в армии или управленческие посты не считалась чем-то чрезвычайно странным: будучи европейской державой, Россия использовала европейский опыт. К тому же в течение XVIII века к Российской империи были присоединены новые иноязычные территории, такие как Прибалтика и Польша, на территории которых с давних пор бок о бок жили представители разных неславянских языковых групп.

Когда мы смотрим на войско Российской империи в 1812 году, мы имеем дело с «империей в миниатюре», и совершенно неудивительно, что многие из офицеров носят совсем не русские фамилии. Вряд ли можно сказать, что они чувствовали себя здесь чужими: практически все русское дворянство и чиновничество могло изъясняться на двух или трех европейских языках.

О.К. Пархаев. Рядовой офицер 1-го пионерного полка (инженерные войска). Москва, 1987 год

Показательна здесь судьба отца министра иностранных дел Российской империи в 1816–1856 годах Карла Нессельроде. Отец министра Вильгельм-Карл, будучи

немцем по происхождению, успел за свою долгую жизнь послужить в Австрии, Пруссии, Голландии, Франции, России, даже сын его, будущий министр, был рожден в Лиссабоне, где Вильгельм Карл выполнял обязанности русского посланника (на английском корабле). Таких профессиональных военных, чиновников, дипломатов и инженеров, которые перемещались из страны в страну ради заработка и повышения авторитета по всей Европе, было немало.

До начала Отечественной войны наличие такого количества иностранных служащих в России никого и не удивляло. Откуда же в таком случае целая кампания против иностранцев в течение 1812 года? Похоже, что происхождение и иноязычие становились только предлогом для штабных интриг и борьбы. Вряд ли можно говорить о паразитирующем характере пребывания иностранцев в империи: война 1812 года — отличное доказательство их верной службы.

Карл Вильгельм Толь (1777–1842), или Карл Федорович, как его звали в России, воспитывался в 1-м кадетском корпусе, где был любимым учеником М.И. Кутузова. Участвовал в Итальянском и Швейцарском походах А.В. Суворова и других кампаниях против Наполеона, а также в Русско-турецкой войне (1806–1812). Проделал путь от поручика до генерала.

В войне 1812 года был прикомандирован к 1-й Западной армии на должность генерала-квартирмейстера. Будучи одним из образованнейших офицеров в штабе и ведущим специалистом в военной теории, первым заявил о полной несостоятельности Дрисского лагеря. После назначения М.И. Кутузова главнокомандующим Карл Федорович стал одним из его главных помощников. Именно Толь сыграл главную роль при выборе места для Бородинского сражения и размещения войск.

Памятник М.Б. Барклаю-де-Толли близ Казанского собора в Санкт-Петербурге, скульптор Б.И. Орловский

День 22
30 июня (12 июля)
1812 года

Наполеон и большой свет: дамский вопрос

Министр иностранных дел Австрийской империи, отец Венской системы международных отношений, Клеменс фон Меттерних в своих воспоминаниях о Наполеоне описывает поразительную его неловкость при появлениях в большом свете, огромные усилия, которые император прилагал, чтобы исправить свои природные недостатки, которые с возрастом все усугублялись (он полнел), а также недостатки воспитания. Обыкновенно Наполеон своей манерой одеваться старался контрастировать со всем обществом, выбирая либо чрезмерную простоту, либо чрезмерное великолепие. Он брал уроки у известного тогда актера «Комеди Франсез» Франсуа-Жозефа Тальма, чтобы отточить позы и жесты. Но даже эти уроки никак не могли исправить одно поистине трагическое обстоятельство: Наполеон совершенно не умел вести себя с дамами.

Хроника дня: Стычка 1-й Западной армии. В руках французов тракт Смоленск — Минск

Стычка при городе Друе. Арьергард генерал-майора Я.П. Кульнева был атакован французской кавалерией, наступавшей на Друе. В результате этого боя арьергард Кульнева отступил за Западную Двину и уничтожил мост через реку. Атака французов была остановлена огнем артиллерии генерала П.Х. Витгенштейна, и неприятель был вынужден отступить за высоту, расположенную на левом берегу реки.

Стычка у Динабургской крепости

Около полудня авангард французского корпуса маршала Н.Ш. Удино захватил местечко Езеросы и начал преследование находившихся там довских казаков. Командант Динабурга генерал Г.П. Уланов приказал сводно-гусарскому полку 9-й кавалерийской дивизии контратаковать неприятеля. Бой продолжался шесть часов, но контратака была остановлена французской пехотой.

Тем временем легкая кавалерия 1-го армейского корпуса маршала Даву завяла без боя город Борисов в Минской губернии. С взятием Борисова в руках французов оказался тракт Смоленск — Минск.

Меттерних пишет: «Никогда из его уст — в разговоре с женщинами — не выходило не только изысканной, но даже просто уместной фразы, хотя усилия найти ее часто выражались на его лице и в тоне голоса. Он говорил с дамами только об их туалетах, выказывая себя придирчивым и строгим судьей, или же о количестве их детей; и одним из его обычных вопросов было — кормят ли они сами, причем этот вопрос он предлагал обыкновенно в выражениях, совершенно не принятых в хорошем обществе. Иной раз он подвергал своего рода допросу относительно интимных связей в обществе, что придавало его беседам, скорее, характер поучений неуместных и бестактных, чем характер вежливого салонного разговора».

«Непостижимые странности и рассеянности»

При пристальном внимании Наполеона ко внешним эффектам чрезвычайно странным казалось его неумение обходиться с дамами. Е.Ф. Комаровский в своих мемуарах позволяет себе даже сомневаться, что Наполеон вообще стремился овладеть этим умением. Зачастую на приемах он «вital мыслию в облаках» и в рассеянности не мог заговорить даже с близко знакомыми женщинами.

Так, Комаровский описывает, как на маскараде, данном графом Морескальки, министром Итальянского королевства, Наполеон подошел к жене Н.Н. Демидова, которая знала его еще генералом Бонапарте, затем первым консулом и, наконец, императором, дружила с его первой женой и часто с ним виделась. Он неприлично долго смотрел ей в лицо, переминаясь с одной ноги на другую, потом понюхал табак, а затем не нашел ничего лучше, как спросить ее, кто она, и, не дождавшись ответа, удалиться, оставив Демидову в растерянности. Тем не менее она прокомментировала эту встречу максимально корректно: «Он имеет непостижимые странности и рассеянности, и оные еще более увеличились с тех пор, как он стал императором. Я уверена, что он сие сделал потому, что занят был другою какою-нибудь мыслию; можно ли ему было меня не узнать?» Тем более удивительным кажется это обстоятельство при том, что рассеянность не помешала Наполеону, по свидетельству все того же Комаровского, в течение маскарада несколько раз менять платье.

Даже вторая жена Наполеона, австрийская принцесса Мария-Луиза, описывает известную неловкость и даже робость императора в обращении с женщинами. Эрцгерцогиня так отзывалась о своем браке с Наполеоном вскоре после замужества: *«Я уверена, что в Вене много занимаются мной и что, по общему мнению, я терплю ежедневные муки. Вот как неправдоподобно часто бывает истина. Я не боюсь Наполеона, но я начинаю думать, что он боится меня».*

Мария-Луиза Австрийская (1791–1847) была одной из дочерей австрийского императора Франца Первого. В 1810 году после неудачного сватовства к сестрам российского императора Наполеон, покняв первую жену Жозефину, избрал ее в супруги. Она оказалась образцовой женой: в следующем году родила сына, назвала его Наполеоном, во время войны в отсутствие императора управляла внутренними делами государства, в 1813–1814 годах сохраняла регентство.

Со взятием Парижа начались скитания Марии-Луизы: она жила в Блуа, потом в Шенбрунне, в 1816 году получила в управление Парму, Пьяченцу и Гуасталлу. Причем управленцем она была, по-видимому, действительно хорошим: ее главенство для Пармы стало чуть ли не «золотым веком», она осталась в памяти места любимой правительницей. После отречения Наполеона Мария-Луиза еще дважды вступала вmorganaticкие браки — с австрийским генералом Адамом Альбертом фон Нейшергом, а после его смерти — с графом Карлом-Рене де Бомбелем.

Г. Виж. Жозефина представляет Александру I своих детей в Мальезоне

Женщины и политика

Ко всему прочему, император испытывал откровенную ненависть к женщинам, принимавшим участие в политической жизни. Например, известен случай с писательницей мадам де Сталь, главой одного из самых известных парижских салонов, которая из-за оппозиционных Наполеону взглядов была вынуждена покинуть страну в 1802 году. В 1810 году де Сталь направила императору свою книгу «О Германии», прося аудиенции и рассчитывая, что она сможет убедить Наполеона в своем возвращении в Париж. Но Бонапарт остался непреклонен, и вовсе не из-за оппозиционных взглядов писательницы: *«Если бы г-жа Сталь стремилась быть или была бы роялисткой или республиканкой, я ничего не имел бы против нее, но она — пружина, которая приводит в движение салоны. Только во Франции подобная женщина представляет опасность, и я этого не хочу».*

Обращение с польскими дамами в Вильне

В своих воспоминаниях о его пребывании в городе польско-литовская дворянка и вместе с тем фрейлина при дворе Александра I София Фитценгаузен (в замужестве Шуазель-Гуфье) рассказывает, что французский император однажды потребовал «посредством полиции», чтобы дамы явились к нему на прием, причем назначил его раньше полудня. Естественно, рано поднявшиеся дамы (София пишет, что ей пришлось встать в пять часов утра, чтобы подготовиться к приему) были несколько удивлены таким обращением. Юная фрейлина, очарованная ранее чрезвычайно деликатным обращением Александра, в пику Наполеону надела шифр (специальный отличительный знак фрейлин) российских императриц и так отправилась в замок, где обитал французский император. Государь оценил этот сильный жест и даже с некоторым уважением относился к Софии впоследствии.

Наполеон не произвел на общество особенного впечатления: все его императорские замашки, грубость в обращении, театральные костюмы не придавали встречам с ним того трепета, о котором постоянно пишут дамы, когда вспоминают визиты Александра, а полнота, отсутствие изящества, сутулость и привычка переминаться с ноги на ногу и вовсе разрушали миф о «сверкающем гении».

Бонапарт чувствовал это и оттого вел себя еще более нетактично: с выходящими для его встречи дамами он не раскланивался, разговаривал с ними жестко, по-военному, словно с офицерами на военном совете, чем в очередной раз вызывал всеобщее недоумение. При этом София замечает, что «в своих инструкциях архиепископу де Прадту он советовал ему, главным образом, бережно относиться к женщинам в Польше, ибо они — все в этой стране».

День 23
1 (13) июля
1812 года

Полупудовый единорог
образца 1805 года

Русская артиллерия в 1812 году

В начале XIX века русская артиллерия была на высоком техническом уровне, не уступала французской. Военный опыт, приобретенный Россией в кампаниях конца XVIII — начала XIX века, а также реформы, проводимые графом Аракчеевым с 1805 года, сделали русскую артиллерию грозной силой.

Вся артиллерия сухопутных войск подразделялась на полевую, осадную и крепостную. В войне 1812 года действовала преимущественно полевая артиллерия, которая состояла из армейской артиллерии и гвардейской артиллерии. Они, в свою очередь, подразделялись на конную и пешую.

Хроника дня: 1-я Западная армия: штурм Дянабургской крепости

Около четырех часов полудни часть французского корпуса маршала Удино начала штурм Дянабургской крепости. Бой продолжался 12 часов, французы предприняли два штурма, но оба оказались отбиты русскими войсками. Ружейная перестрелка с обеих сторон продолжалась всю ночь до рассвета.

Вторая Западная армия: Бригада Карпова отбила атаку Армия генерала Багратиона сосредоточилась у города Слуцка. Арьергард атамана Платова, находившийся в Несвиже, покинул город и направился к Романову. Последней отступала бригада генерал-майора Карпова. Французы, заметив отступление бригады, атаковали ее тремя эскадронами польских улан. Бригада Карпова отбила атаку неприятеля, полностью уничтожив один эскадрон в рукопашной схватке и обратив в бегство два других. После этой победы казаки Карпова направились к Романову для соединения с основными силами Платова.

Вооружение российской полевой артиллерии

На вооружении российской полевой артиллерии стояли пушки и единороги. Пушки могли вести огонь любыми типами снарядов, но только по видимым целям. Единорогом называлась артиллерийская система, сочетающая в себе характеристики пушки и гаубицы. Поэтому стрельба из единорога могла вестись как прямой наводкой, так и навесом из-за укрытия. Максимальная дальность стрельбы пушек достигала 2,2–2,5 тысячи метров. Дальность же стрельбы единорогов была несколько меньше — до двух тысяч метров. Пушки и единороги одного калибра, но имевшие разную длину ствола, назывались пушками/единорогами средней/малой пропорции.

Для стрельбы употреблялись ядра, гранаты, картечь и зажигательные ядра — брандкугель. Пушки вели огонь преимущественно ядрами и картечью, а единороги — гранатами. 12-фунтовые пушки и 20-фунтовые единороги обслуживали 13 человек, а при транспортировке использовались конные запряжки в шесть лошадей. Более легкие шестифунтовые пушки и десятифунтовые единороги перевозились запряжкой в четыре лошади и имели десять человек прислуги.

Таблица орудий, состоявших на вооружении российской полевой артиллерии в 1812 году

Название орудий	Калибр (мм)	Вес орудия (кг)	Число снарядов в зарядном ящике
12-фунтовая пушка средней пропорции	120	819	54
12-фунтовая пушка малой пропорции	120	485	54
6-фунтовая пушка	95	368	77
20-фунтовый единорог	150	688	40
10-фунтовый единорог средней пропорции	120	360	54
10-фунтовый единорог малой пропорции	120	316	54
3-фунтовый единорог	75	106	90

Организация российской полевой артиллерии

К началу 1812 года артиллерия Российской империи была объединена в бригады. Всего насчитывалось 27 армейских и одна гвардейская артиллерийские бригады. Каждая бригада состояла из шести рот: двух батарейных, двух легких, одной конной и одной «пионерной» (инженерной). Каждая рота имела 12 орудий. Таким образом, в одной артиллерийской бригаде было 60 орудий. Всего на вооружении российской армии в 1812 году состояло 1,6 тысячи орудий. Основной же тактической единицей в артиллерии считалась рота.

Деление рот на батарейные, легкие и конные объяснялось специальными тактическими задачами каждой из них, а также образцами артиллерийского вооружения.

- **Батарейные роты** предназначались для создания крупных батарей и массирования огня. Поэтому каждая батарейная рота вооружалась четырьмя полупудовыми единорогами, четырьмя 12-фунтовыми пушками средней пропорции и четырьмя 12-фунтовыми пушками малой пропорции. Кроме того, в каждой батарейной роте было по два трехфунтовых единорога, которые в случае необходимости придавались егерским полкам.
- **Легкие роты** использовались для поддержки пехотных полков. Для этого каждому полку обычно придавалось по полуроте (шесть орудий). Легкие роты имели на вооружении шесть 12-фунтовых и шесть шестифунтовых пушек.
- **Конные роты** предназначались для поддержки конных полков и имели на вооружении шесть десятифунтовых единорогов и шесть шестифунтовых пушек.

Тактика российской полевой артиллерии

В бою русская полевая артиллерия руководствовалась тактикой, предложенной талантливым русским артиллеристом А.И. Кутайсовым в «Общих правилах для артиллерии в полевом сражении». В этих «Правилах» был обобщен богатейший опыт, накопившийся Суворовым и Наполеоном за время многочисленных войн.

Располагать артиллерию на открытых возвышенных местах не рекомендовалось. Единороги перед сражением старались размещать за небольшими укреплениями, так как они могли вести стрельбу навесом. Для удобства ведения огня между орудиями соблюдалась дистанция в 15 шагов. Остовом оборонительной позиции считалась артиллерия первой линии. Она располагалась в 800–1000 метров от противника, причем тщательно маскировалась под цвет местности. За батареями первой линии на расстоянии 100 метров располагалась пехота первой линии в батальонных колоннах. Для предотвращения неожиданных атак неприятеля на огневые позиции артиллерии специально выделялось пехотное или кавалерийское подразделение — артиллерийское прикрытие.

При обороне позиций артиллерийский огонь сосредотачивали на наступающей неприятельской пехоте и кавалерии, а при поддержке собственных атакующих частей — на неприятельской артиллерии. Пехота и конница начинали наступление лишь после того, как противник был подавлен артиллерийским огнем. При преследовании отступающего неприятеля артиллерия держалась передних линий пехоты, чтобы не дать противнику контратаковать. При отступлении артиллерия должна была покровительствовать движению войска, а остальные части должны были защищать артиллерию. Наибольшая эффективность при стрельбе ядрами достигалась на дистанции 600 метров. Если противник приближался на 300 метров, орудие начинало стрельбу картечью. Огонь на поражение по цели, находившейся далее тысячи метров, практически не велся. В таком случае артиллерия вела редкий огонь, лишь препятствуя проведению маневров неприятеля. Конная артиллерия применялась в основном в качестве резерва.

Фейерверкер армейской и канонир гвардейской пешей артиллерий

Александр Иванович Кутайсов (1784–1812). Будучи сыном известного паредворца без рода и племени, который мальчиком был взят при штурме турецкой крепости, а стал одним из самых приближенных людей к императору Павлу I (шутка ли, император доверял ему брить себя!), Александр Кутайсов с рождения мог надеяться на успешную и скорую карьеру. И эти ожидания были вполне оправданы: в свои 15 лет он уже был полковником при А.А. Аракчееве, в 1806 году — генерал-майором.

В 1806–1807 годах молодой генерал участвовал в ряде крупных сражений, где стал известен как один из самых умелых и отважных артиллеристов. После завершения похода в Галицию А.И. Кутайсов решает отправиться в Европу для ликвидации пробелов в своем образовании. Накануне кампании 1812 года он разрабатывает «Общие правила для артиллерии в полевом сражении», что становится фактически первым артиллерийским уставом.

С началом войны 1812 года Кутайсов становится начальником всей артиллерии 1-й Западной армии, в ходе аррьергардных боев он был ранен, прославился своим героическим поведением, особенно при обороне Смоленска. Кстати, именно ему приписывается идея спасения Смоленской иконы Божией Матери при сдаче города. В Бородинском сражении он командовал всей артиллерией российской армии и перед началом битвы разослал приказ, в котором говорилось: «Артиллерия должна жертвовать собою; пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор, и батарея, которая таким образом будет взята, нанесет неприятелю вред, вполне искупающий потерю орудий».

Погиб Александр Кутайсов при попытке отбить батарею Раевского. Тело его так и не было найдено.

День 24
2 (14) июля
1812 года

Осада Динабургской крепости

Фотография крепости
Даугавпилса, 1990-е годы

Удобное расположение Динабурга на Даугаве стало причиной начала строительства здесь мощных укреплений, предназначенных для защиты переправы через реку и прикрытия дороги на Петербург. План строительства выполнялся плохо и не слишком быстро: фактически к началу активной фазы подготовки укреплений для обороны от предполагаемого нашествия Наполеона даже границы крепости не были еще обозначены.

Хроника дня: 1-я Западная армия: продолжается штурм Динабургской крепости

Войска маршала Удино возобновили штурм Динабургской крепости, вступая на левый фланг мостового укрепления. Весь день продолжалась ружейная перестрелка, французы предприняли один штурм, но он был отбит. К концу дня французам так и не удалось овладеть мостовым укреплением.

2-я Западная армия: Бой у Романово
Полученное накануне Багратионом известие о том, что передовые части войск маршала Даву появились в местечке Свислоче, заставило 2-ю Западную армию ускорить движение к Бобруйску. Корпус Н.Н. Раевского уже вступил к деревне Верхутино, и Багратион приказал атаману Платову удержать неприятеля в местечке Романово.

Часть отряда атамана Платова была атакована у местечка Романово семью кавалерийскими полками французов, но отбила атаку. В ходе сражения были уничтожены два лучших полка вестфальского короля Иеронима — 1-й конно-егерский и конно-гренадерский. Подоспевшие к французам подкрепления заставили казаков отступить к местечку Романово.

Позицию перед Романовым занимали отряд генерал-адъютанта И.В. Васильчикова и четыре Донских казачьих

Начало строительства

Замок Динабург (Динборк, или Динаборк) на Западной Двине (Даугаве), ныне являющийся частью латвийского города Даугавпилс, был известен еще с XVI века, являлся одним из ключевых пунктов в противостоянии между Россией и ее западными соседями — Польшей и Швецией — и не раз переходил из рук в руки, пока по Первому разделу Речи Посполитой (1772) не оказался вместе со всей Латталией в составе Российской империи. Понимая важность строительства мощного форпоста для отражения вероятного нападения на Петербург, военный министр Барклай-де-Толли поручает в марте 1810 года инженер-полковнику Гекелю в рамках плана по укреплению Западных рубежей выбрать место для строительства крепости, начать подготовительные работы, использовать остатки построек XVI века и построить крепость «без каменной одежды».

В октябре 1810 года в незаконченную Динабургскую крепость комендантом назначается опытный артиллерист генерал-майор Г.П. Уланов. Между комендантом и главным инженером начинаются конфликты по поводу порядка работы, что вкуче с дороговизной материалов, нехваткой времени и ранним наступлением зимы срывает планы строительства. Фактически к середине 1811 года была выполнена только треть работы. Однако, несмотря на незавершенность строительства крепости, 2 (14) июля 1811 года Динабургская крепость была объявлена крепостью первого класса, что, правда, не означало прекращения работ, которые продолжались вплоть до 28 июня (10 июля) 1812 года и были остановлены только тогда, когда войска второго армейского корпуса маршала Удино стали угрожать гарнизону крепости.

Поняв, что до лета 1812 года достроить всю крепость не удастся, командование принимает решение сосредоточиться на строительстве мостового укрепления, а также на перевозе части запасов из Динабурга вглубь страны. После начала военных действий крепость начинает готовиться к обороне.

Оборона недостроенной крепости

Оборона крепости началась 1 (13) и завершилась 4 (16) июля. Все три дня маршал Удино, разъяренный упорным сопротивлением русских, бросал на штурм все новые и новые войска, но Уланов умело руководил действиями 2,5 тысячи человек гарнизона. Артиллерийские расчеты под его руководством проявляли невероятную скорость и меткость стрельбы, несколько раз перетаскивали пушки с колесными лафетами для смены позиций ведения огня, чем создавали ощущение, что число орудийных стволов в крепости прибавилось. Когда же стало ясно, что удерживать крепость невозможно, отряд Уланова покинул Динабург и присоединился к Первому отдельному пехотному корпусу Витгенштейна.

Оборона Динабургской крепости была одним из первых победных сражений русской армии, которое позволило задержать войска маршала Удино на петербургском направлении.

Барклай-де-Толли в рапорте Александру I похвалил «храбрый гарнизон» Динабургской крепости, отдельно отметив заслугу ее коменданта. Однако были и некоторые досадные недоразумения: так, командующий артиллерией крепости полковник Тишин, неправильно поняв приказы штаба, прямо во время боев за мостовое укрепление снял с крепости все орудия, часть из которых вывез, а часть закопал, за что впоследствии был вызван «на ковер» к императору.

Уничтожение укреплений

При отступлении русские войска к ужасу полковника Гекеля уничтожили большую часть укреплений, поэтому, когда 20 июля (1 августа) к крепости подошел корпус маршала Макдональда, вот, что он увидел:

«Тогда-то мы и узнали, что укрепления этого мнимого города существовали только на плане, а в действительности были едва намечены; чуть-чуть лишь была взрыта земля; ни одного даже барака, а следовательно, и обитателей, только одна иезуитская церковь».

Захватив без особого сопротивления остатки крепости, Макдональд разместил там свой штаб, а с уходом приказал уничтожить оставшиеся укрепления. По окончании войны уже генерал-майор Гекель прибыл в Динабург для продолжения строительства крепости, которое будет окончательно завершено в правление Николая Павловича.

В течение всего XIX и первой половины XX века Динабургская, а затем Двинская крепость будет иметь важное стратегическое значение, но после Второй мировой войны придет в окончательный упадок.

полка с конно-артиллерийской ротой. Неприятельские эскадроны были встречены с фронта огнем батареи, а на флангах завязалась рукопашная схватка. В конце сражения неприятель отступил по дороге к местечку Тиможичам. Казачий отряд Платова отошел за реку Морочь.

Гаврила Петрович Уланов (1753–1819) прошел Русско-турецкую войну 1787–1791 годов под командованием Суворова, вместе с великим полководцем участвовал во взятии Измаила и был ранен. После окончания войны был назначен комендантом Тирасполя. В чине полковника Уланов участвовал в Итальянском и Швейцарском походах. По возвращении в Россию был произведен в генерал-майоры и назначен командиром 2-го артиллерийского полка. В 1806 году он был назначен командиром Рижского цитадельного артиллерийского гарнизона, а через два года стал управляющим Рижским провиантским депо.

В октябре 1810 года Уланов отправился в город Динабург Витебской губернии, чтобы принять командование над незаконченной Динабургской крепостью. Летом 1812 года в ходе обороны крепости Гаврила Петрович проявил себя как чрезвычайно эффективный офицер, заставив (в первый раз за кампанию!) превосходящие числом войска маршала Удино отступить.

Всю Отечественную войну 1812 года Уланов прошел в составе корпуса Витгенштейна, а после ее окончания еще в течение двух лет занимался восстановлением укреплений Динабургской крепости. В 1814 году он был назначен окружным начальником артиллерийских гарнизонов Санкт-Петербургского военного округа.

Уланов был награжден орденами Святого Георгия 4-го класса, Святого Владимира 3-й степени, Святой Анны 2-й степени с алмазами, а также крестом за взятие Очакова и золотой шпигой «За храбрость» с алмазами.

Генеральный план Динабургской крепости с мостовым прикрытием, 1814 год

Генеральный план Динабургской крепости с мостовым прикрытием, 1816 год

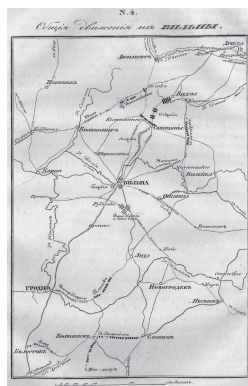

Схема движения армий в первый месяц военных действий (согласно А. И. Михайловскому-Данилевскому)

Фортификация: дорого и бесполезно

Крепость начала XIX века представляла собой сложный многослойный многоугольник с большим количеством выступов-бастионов, содержащих в себе специальные помещения для пушек и солдат. Ее главная задача — не допустить громадные массы противника непосредственно до укреплений, поскольку там начиналась «слепая зона» огнестрельного оружия.

Хроника дня: Кульнев атаковал неприятеля на высотах Западной Двины

1-я Западная армия
Ночью генерал-майор Кульнев по приказу генерала Витгенштейна навел мост через реку Западную Двину у местечка Придрусск и перешел на левый берег с Гродненским гусарским полком и полком донских казаков и атаковал неприятеля на высотах Западной Двины. В ходе этого столкновения в плен был взят генерал Сен-Жени. После этого Кульнев переправился обратно на правый берег Западной Двины.

Арьергард 1-й Западной армии под командованием генерала Д.С. Дохтурова участвовал в перестрелке с французскими разъездами у города Дисны.

В девять часов пополудни от неизвестной причины произошел взрыв 370 боевых артиллерийских зарядов, сложенных у батарей, защищавших Динабургскую крепость.

История оборонительных сооружений

В тот момент, когда европейская цивилизация стала активно использовать порох и создала артиллерию, начался процесс коренного изменения всей системы оборонительных укреплений. Одним из главных провозвестников этого изменения стал инженер рубежа XV–XVI веков **Альбрехт Дюрер**, в своих трудах обозначивший ряд чрезвычайно важных изменений в планировке оборонительных сооружений и способов их снабжения и обороны.

Главным достижением стало создание системы бастионов, которая позволяла концентрировать огонь крепостных орудий на конкретных участках боя, что было чрезвычайно сложно достигнуть при круглом плане. К тому же вместо высоченных крепостных стен отныне возводились насыпные земляные укрепления, которые куда лучше гасили ударную силу ядер и пуль, чем каменные или деревянные стены.

К началу XIX века вся Европа пользовалась фортификационной системой, опиравшейся на труды **Вобана** и **Монталамбера**, за каждым из которых стояла громадная фортификационная традиция.

Военная инженерия в России. Крепостная и осадная артиллерия

В России вся эта система прижилась на удивление рано, уже в первой половине XVII века строится первая крепость на европейский манер в Ростове Великом. Однако действительным рождением своим отечественная военная инженерия обязана Петру I. Крепостная и осадная артиллерии во время кампании 1812 года применялись не так широко, как полевая, но играли важную роль во время заграничных походов 1813–1815 годов.

На вооружении осадной артиллерии с 1805 года состояли 24-, 18- и 12-фунтовые пушки большой пропорции и пяти-, двухпудовые и шестифунтовые мортиры. Осадная артиллерия сводилась в батальоны по пять рот в каждом.

Крепостные орудия отличались от полевых четырехколесным лафетом с поворотными платформами. Как и в полевой артиллерии, на вооружении крепостной и осадной артиллерий находились пушки и единороги, а также мортиры. Мортиры применялись только в осадной и крепостной артиллериях. В боевом положении их стволы имели постоянный угол возвышения в 45°, поэтому они могли вести

стрельбу только по навесной траектории. Вместо прицела системы А.И. Маркевича, использовавшейся в пушках и единорогах, для стрельбы из мортир применяли квадранты. Артиллерист прислонял квадрант к дульной части мортиры и придавал стволу нужный угол возвышения по показаниям отвеса и градуированной шкалы, выполненной в виде сектора круга. Такая система требовала наводки после каждого выстрела, поэтому периодичность стрельбы из мортиры была гораздо реже, чем из пушки или единорога, — один выстрел за пять–семь минут. Однако мортиры являлись самой дальнобойной артиллерией. Дальность выстрела из пятипудовой мортиры могла достигать 2,6 тысячи метров.

Мортиры крепостной артиллерии размещались на артиллерийских *валгангах* (это верхняя часть крепостного вала, защищенная бруствером) крепости, а для осадных мортир перед стрельбой вырывали специальные окопы. Стреляли мортиры преимущественно бомбами и брандугелями (зажигательными снарядами). Перевозили мортиры на специальных двусосных роспусках.

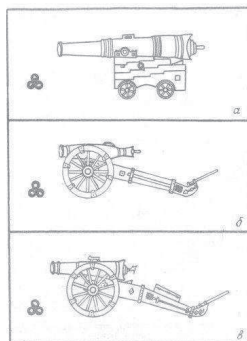
В войне 1812 года крепостные сооружения практически не были задействованы, поскольку стремительное отступление, а затем не менее стремительное наступление, а также незавершенность основных линий укреплений фактически не давали ни одной из сторон шансов на проведение последовательной и вдумчивой осады. Битва у Динабургской крепости являет тому пример.

Обер-офицер и бомбардир гарнизонной артиллерии

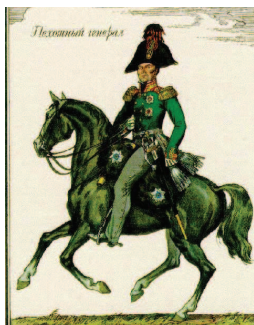
Егор Федорович (Георг Генрих) Гекель (1763–1832), саксонский дворянин, начал свою военную карьеру военным инженером на польской службе у Станислава Августа, после Третьего раздела Речи Посполитой перешел на службу русскую, а в 1798 году — на прусскую, продолжая заниматься фортификациями. В 1804 году Гекель возвращается на русскую службу и состоит при Беннигсене, с которым проходит австрийскую и прусскую кампании. Самый заметный проект Георга фон Гекеля — план Динабургской крепости, возведении которой он занимался с 1810 по 1814 год. После войны 1812 года и Заграничного похода остался в России, где стал комендантом сначала Одессы, а затем — Каменец-Подольского. За верную службу произведен в генерал-майоры Николаем Павловичем, очень ценившим Динабургские укрепления.

Не сумев взять предмостное укрепление сразу, маршал Удино пытается устроить нечто похожее на осаду, но натывается на чрезвычайно умело и активно обороняющийся гарнизон. После чего, лишенный артиллерии и инженерных войск, принимает решение отступить. Если представить себе, что таких крепостей могло быть на пути неприятеля много больше (если бы война началась на год позже, как и планировало русское командование), то ход этой войны был бы вовсе другим.

Орудия Динабургской крепости в период войны 1812 года. а - крепостная 24-фунтовая пушка образца 1805 года, вес около пяти тысяч килограммов

День 26
4 (16) июля
1812 года

Пехотный генерал

Русская армия в 1812 году: пехота

Русская армия в 1812 году состояла из нескольких родов войск. Основным и самым многочисленным из них была пехота. В России XIX века ее нередко называли инфантерией.

Хроника дня: Французы отступили от Динабургской крепости

1-я Западная армия Французы прекратили попытки овладеть мостовым укреплением Динабургской крепости. Разъезды сводного гусарского полка и команды полковника Донского казачьего полка Родионова перестреливались с отступавшим французским арьергардом.

3-я Обсервационная армия генерала Торماسова Командующий авангардом 3-й Обсервационной армии граф Ламберт решил провести рекогносцировку находившихся против него в герцогстве Варшавском войск. Для этой цели два эскадрона Александрийского гусарского полка переправились через реку Западный Буг и напали на селение Городок. Пока происходили эти демонстративные боевые действия, генерал Ламберт перешел Западный Буг у местечка Устилуг и занял город Грубешов. Из найденных в Грубешове документов Ламберт установил, что в Варшавском герцогстве находится мало неприятельских регулярных войск, и отошел к Брест-Литовску.

Виды пехоты

В XIX веке существовало несколько разновидностей пехотных войск. Основу сухопутной армии составляла **линейная пехота**, или, как ее называли в России до 1811 года, **мушкетерская**. Она должна была вести бой в сомкнутом строю, вооруженная гладкоствольными дульно-зарядными ружьями — фузеями. Существовала также и **легкая пехота**, которая в Российской империи была представлена егерями. Она вела действия в рассыпном строю и была оснащена лучшим стрелковым оружием. **Тяжелая пехота** — гренадеры — изначально включала в себя специально отобранных солдат, обученных метанию гранат.

Состав пехоты

Основной тактической единицей был полк. Каждый пехотный полк состоял из **трех батальонов** (исключение составлял Преображенский пехотный полк, в составе которого было четыре батальона), каждый батальон состоял из **четырех рот**.

- Пехотный (линейный) батальон состоял из роты гренадер и трех мушкетерских рот.
- Гренадерский батальон состоял из роты гренадер и трех фузилерных рот.
- Егерский батальон состоял из роты гренадер и трех егерских рот.

Каждая рота делилась на **два взвода**. В гренадерской роте — 1-й взвод был из гренадер, 2-й взвод — из стрелков. Два полка составляли **бригаду**: егерскую, гренадерскую или пехотную. Четыре бригады формировали **дивизию**. Пехотная дивизия состояла из различных родов войск. Она стала общевойсковым соединением постоянного состава, включающим определенное число частей, согласно штату. Две дивизии составляли **один пехотный корпус**.

Согласно Высочайшему рескрипту от 12 октября 1810 года русская пехота имела следующий состав: «Гвардейских: 4 полка и 2 батальона (лейб-гвардии Финляндский и гвардейский экипаж) — батальонов 15. Армейских: 141 полк и 2 учебных батальона — 425 батальонов». Всего батальонов было 440. В 1810 и 1811 годах вооруженные силы пополнялись вновь сформированными частями войск. Армейская пехота усилилась 23 полками.

пехотный корпус

дивизия x2

бригада x4

полк x2

батальон x3

рота x4

взвод x2

В начале 1812 года в составе русской армии было уже 514 пехотных батальонов. Среди них — 19 гвардейских батальонов, 492 армейских батальона в составе 164 полков, три учебных гренадерских батальона.

Обучение солдат

Большое значение придавалось обучению солдат. Все правила и уроки были прописаны в **Воинском уставе о пехотной службе**, изданном в 1811 году. Каждый солдат должен был уметь правильно стоять, владеть и действовать ружьем, владеть шпагой, маршировать и «делать обороты и вообще все движения». Постоянные уроки и тренировки должны были закреплять эти навыки.

Обучение касалось не только военных умений, но и состояния духа солдата: «Хладнокровие и спокойный вид начальника должны служить примером подчиненным; порядок в строю сохранен может быть только тогда, когда солдат действует хладнокровно и вольно», — прописывалось в Уставе.

Первоначально обучение солдат проходило в рекрутской школе. Оно разделялось на три части. В первую часть входило все то, «чему должно обучать рекрут без ружья». Солдат должен был учиться правильно стоять, совершенствовать выправку, делать обороты и учиться строевому шагу. Вторая часть содержала ружейные приемы и шаржирование. Третья же часть заключала «правила марша фронтом и рядами, правила равнения и захождений».

Отдельное внимание уделялось стрельбе: «Для успешнейшего обучения целью стрелять, предписывается в каждом батальоне иметь по несколько деревянных щитов, выкрашенных черною краскою, вышиною в два аршина и три четверти, шириною в аршин, по середине коих проводить поперек белую полосу шириною в четыре вершка и такую же полосу по верхнему концу щитов». Поставив таковой щит, солдаты должны были учиться стрелять на 40 сажнях (около 85 метров), потом на 80 сажнях (около 170 метров) и, наконец, на 120 сажнях (около 256 метров).

Тактика русской пехоты

Во время войны 1812 года пехота отходила от привычного до тех пор построения на поле боя развернутым строем — «линией», заменяя его на батальонную «колонну из середины», или «колонну в атаке» (этот термин был заимствован из французской военной лексики). Эта новая тактика ведения боя имела много преимуществ. Прежде всего, она имела более узкий фронт (в сравнении с обычным, «развернутым», строем), что позволяло «колонне» легче сохранять порядок при движении батальона по полю боя и быстрее маневрировать. Также она могла почти свободно принимать другие формы построения: развернуться в линию или свернуться в каре. И наконец, глубокий сомкнутый строй, который образовывала эта «колонна», увеличивал чувство взаимной поддержки для составлявших его людей.

Рядовой одесского и унтер-офицер симбирского пехотных полков

Обер-офицер и рядовой бутырского пехотного полка

Обер-офицер белозерского пехотного полка

Карл Осипович Ламберт (1773–1843) — граф, один из самых выдающихся кавалерийских генералов Александровской эпохи. Карл Осипович принадлежал к старинному французскому аристократическому роду, который сама Екатерина II пригласила в Россию. Ламберт принимал активное участие в военной кампании против Наполеона в 1806–1807 годах, был награжден орденами Святого Георгия 3-й степени, Святого Владимира 3-й степени и Святой Анны 1-й степени.

В 1812 году Ламберт командовал кавалерийским корпусом в составе 3-й резервной observationalной армии Тормасова. Он проявил себя в бою под Кобринем, за что был удостоен золотой сабли с алмазами, которой награждались военные в знак особых отличий, за проявленную личную храбрость и самоотверженность. После сражения под Городечно Ламберт был произведен в генерал-лейтенанты. Он был неприятеля из Несвижа, Новосерженя и Минска, взял с бою Борисов. В этом бою он был тяжело ранен, однако отказался покинуть поле сражения: «Я остаюсь с ваги и здесь, или умру, или дождусь, пока вы для меня отведете в Борисове квартиру». Он вернулся в армию в начале марта 1814 года и за участие во взятии Парижа был награжден орденом Святого Александра Невского.

18 (30) мая 1843 года Карл Осипович Ламберт умер «изнурением пуль и старостью», как гласит его эпитафия.

День 27
5 (17) июля
1812 года

Русская армия в 1812 году: егеря

Егеря представляли в русской армии легкую пехоту. Впервые этот род войск встречается в 1674 году в бранденбургской армии, где так называли отличных стрелков. Слово происходит от немецкого Jäger — «охотник, стрелок». Егерские соединения имели для русской армии очень большое значение: поскольку огнестрельное оружие было далеко не совершенным, войско нуждалось в метких стрелках.

Хроника дня: Отряды Куницкого и Цыбульского вынуждены отступить

Французский рекогносцировочный отряд из корпуса маршала Макдональда был остановлен у города Бауска передовым отрядом подполковника Польского уланского полка Куницкого. После упорной перестрелки отряд Куницкого был вынужден отступить к мызе Гросс-Экау, в трех милях от города Бауска.

Генерал-майор Запольский, получив известие о занятии неприятельским отрядом города Пинска, приказал отряду поручика Цыбульского провести разведку в местечках Турове, Петрикове и Давид-городке. Два французских эскадрона атаковали отряд Цыбульского у деревни Вуичи и заставили его отступить.

История егерской службы

В России первые егеря появились при П.А. Румянцеве. Заметив во время битвы под Кольбергом в 1761 году в период Семилетней войны (1756–1763) пользу егерских соединений прусской армии, Румянцев сформировал из охотников особый батальон. Хотя он и не назывался егерским, но по своей деятельности вполне ему соответствовал. Этот батальон был разделен на пять рот по 100 человек в каждой. Снаряжение было облегченное: вместо шпаги в портупее были вложены штыки, гренадерские сумки были заменены мушкетерскими (которые были менее тяжелыми).

Первый егерский отряд был создан в 1763 году графом П.И. Паниным, командовавшим Финляндской дивизией. Этот отряд из 300 человек принес такую пользу, что в 1765 году по докладу военной коллегии было приказано сформировать при 25 пехотных полках Финляндской, Лифляндской, Эстляндской и Смоленской дивизий по одной егерской команде из одного офицера, четырех унтер-офицеров, одного барабанщика и 60 рядовых. В бою егеря действовали рассыпным строем, отличались меткой стрельбой.

В 1769 году егерские команды были учреждены и при остальных пехотных полках, а в 1770 году и при полках лейб-гвардии Семеновском и Измайловском. В 1775 году впервые были учреждены два егерских батальона: 1-й и 2-й Сибирские. Из бывших егерских команд вскоре начинают формироваться отдельные егерские батальоны. В 1785 году все егерские батальоны, кроме Сибирских, были упразднены, а из их числа были сформированы шесть егерских корпусов: Кавказский, Таврический, Бугский, Белорусский, Финляндский, Лифляндский.

При вступлении на престол Александра I в России был лейб-гвардии егерский батальон и 19 егерских полков. В 1802 году полки были приведены в трехбатальонный состав, по четыре роты в каждом батальоне. В 1812 году в русской армии было два гвардейских и 50 армейских егерских полков. Все армейские полки назывались по номерам.

Один из участников сражения под Смоленском, майор французской артиллерии художник Фабр дю Фор, отметил выдающуюся храбрость и мужество неизвестного русского унтер-офицера егерского полка: «Поместившийся как раз против нас, на самом берегу за ивами, и которого мы не могли заставить молчать ни сосредоточенным против него ружейным огнем, ни даже действием одного специально против него назначенного орудия, разбившего все деревья, из-за которых он действовал, он все не унимался и замолчал только к ночи.

А когда на другой день на переходе на правый берег мы заглянули из любопытства на эту достопамятную позицию русского стрелка, то в груди искалеченных и расщепленных деревьев увидели распостертого ниц и убитого ядром нашего противника унтер-офицера егерского полка, мужественно павшего здесь на своем посту».

Лейб-гвардии Егерский полк

9 (20) ноября 1796 года из егерских команд в составе Семеновского и Измайловского лейб-гвардии полков, а также из егерской роты гатчинских войск был образован лейб-гвардии егерский батальон. Первым командиром егерского батальона был А.М. Рачинский, а в 1800 году его место занял П.И. Багратион. Боевым крещением егерей было сражение при Аустерлице. В мае 1806 года батальон удвоился в своем составе и стал именоваться лейб-гвардии Егерским полком. В 1812 году лейб-гвардии Егерский полк состоял в 1-й Западной армии, в гвардейской пехотной дивизии. Командиром полка назначен полковник К.И. Бистром. Полк отметился героической обороной Смоленска 5 (17) августа 1812 года.

Во время Бородинского сражения егеря охраняли мост через р. Колочу и с. Бородино. 26 августа (7 сентября) на рассвете французы внезапно атаковали егерей. За мост разгорелся ожесточенный бой, в котором егеря показали чудеса храбрости. Один молодой егерь, бросившись в толпу французов, выхватил офицера и прямо из боя понес его к главнокомандующему: Кутузов сразу же пожаловал ему Георгиевский крест. Бой вырвал из рядов полка 27 офицеров и 693 нижних чина. Командир 2-го батальона Б. Рихтер за проявленное мужество получил орден Св. Георгия 4-го класса. В сражении под Красным лейб-егеря пленили 31 офицера, 700 нижних чинов, захватили два знамени и девять пушек. Преследуя неприятеля, захватили еще 15 офицеров, 100 нижних чинов и три пушки. За эту операцию К.И. Бистром получил орден Св. Георгия 4-го класса.

Полк имел следующие знаки отличия: серебряные трубы с надписью «За отличие, оказанное в сражении при Кульме 18 августа 1813 г.», Георгиевские знамена с надписью «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России в 1812 г.».

1-й Егерский полк

Во время Отечественной войны 1812 года оба действующих батальона 1-го Егерского полка состояли в 1-й Западной армии, 4-м корпусе генерал-лейтенанта А.И. Остермана-Толстого, в 11-й пехотной дивизии. Запасной батальон был отправлен в корпус генерал-лейтенанта П.Х. Виттенштейна. Командовал полком полковник М.И. Карпенков.

Впервые 1-й Егерский полк проявил себя в контратаке против 13-й дивизии Дельфона, потеснившей гвардейских егерей и захватившей мост через реку Колочу. Полк также сражался под Тарутином, гнал неприятеля до Вязьмы, освобождал Дорогобуж, одержал победу у Соловьевой переправы. В период заграничных походов участвовал во многих сражениях. В марте 1814 года вступил в Париж. За военные действия 1812–1814 годов полку были пожалованы знаки на кивера с надписью «За отличие» и звание гренадерского.

В следующую эпоху правления Николая I заслуги егерей не были забыты. Сам император благоволил егерским полкам, особенно лейб-гвардии Егерскому полку. На собственные средства он построил для егерей полковой храм во имя святого мученика Мирония в Петербурге. Проект храма был предложен А.К. Тоном, и в 1849–1854 годах в память о победе соединенных сил русской и прусской армий над Наполеоном под Кульмом 17 августа 1813 года был построен этот храм — в день памяти святого Мирония. (Церковь была закрыта в марте 1930 года и взорвана в 1934 году.)

Карл Иванович Бистром (1770–1838) — русский военачальник, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Во время войны 1806–1807 годов Бистром заявил себя одним из храбрейших полковых командиров, участвовал почти во всех боях. Во время Отечественной войны 1812 года Бистром участвовал в сражении под Смоленском, защищал переправы через Днепр, первым открыл Бородинское сражение, где героически оборонялся против дивизии генерала Дельфона. Сражался в боях при Тарутине, под Малоярославцем. Особенно отличился у деревни Доброй, близ Красного, где во главе егерской бригады разбил стоявшие против него неприятельские войска, забрал множество пленных, девять орудий, два знамени и маршальский жезл Даву. За свой подвиг был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени.

Скончался Карл Иванович Бистром 16 (28) июня 1838 года на курорте Киссинген в Баварии, где лечился от ран.

Рядовой 20-го и унтер-офицер 21-го егерских полков

План генерала Фуля и Дрисский лагерь

Среди 20 различных планов ведения войны с Наполеоном был предложенный Александру I генералом Карлом Людвиговичем Фулем. За основу он взял опыт применения укрепленных линий Торрес — Ведрас, созданных Артуром Веллингтоном в Португалии в 1810 году, и стратегические идеи прусского военного теоретика Д.Г. Бюлова, считавшего, что лучший способ остановить наступление противника — расположить войска в стороне от прикрываемого пути, заняв фланговую позицию. Александр I неофициально утвердил этот план в 1811 году и поручил найти место между Двиной, Днепром, Бугом и Неманом для сооружения укрепленного лагеря. Лагерь решено было создать в районе города Дрисса Витебской губернии, между дорогами на Санкт-Петербург и Москву, в излучине реки Западной Двины. Местоположение лагеря между двумя столбовыми дорогами должно было воспрепятствовать Наполеону идти как на Петербург, так и на Москву.

Хроника дня: Арьергард Палена атакован французами

1-я Западная армия Около семи часов пополудни арьергард генерал-майора Палена, находившегося неподалеку от города Дисны, был атакован французским отрядом, шедшим по дороге из Дриссы в деревню Чересы. Из-за густого леса, по которому двигались французы, русский арьергард не мог точно определить численность неприятеля. Передовые патрули французов приблизились к Дисне и вступили в перестрелку с казаками 1-го Бугского полка. В результате этой стычки французам удалось переправиться на правый берег Западной Двины, а русские войска отошли к деревне Барнухи.

Кавалерийский отряд, высланный из 1-го отдельного корпуса генерала Виттенштейна, выполнявший рекогносцировку между городом Друи и деревней Узман, неожиданно наткнулся на французский авангард.

Ловушка для русской армии

Когда Наполеон, перейдя Неман, вступил на территорию Российской империи, русской армии было приказано отступить на Свеняны, а оттуда к Дрисскому лагерю. 10 июля в лагерь вступили войска 1-й Западной армии Михаила Богдановича Баркляя-де-Толли. По предложению Фуля 1-я армия должна была закрепиться в лагере и держать оборону, в то время как 2-я армия Багратиона будет атаковать французов с левого фланга.

Практически все очевидцы войны 1812 года оказались едины во мнении, что Дрисский лагерь превратится в ловушку для русской армии. Во-первых, сам лагерь был устроен не очень удачно: с тыла и флангов его опоясывала река, что создавало очень большие проблемы в случае вынужденного оставления лагеря войсками, особенно для артиллерии, которую невозможно было бы переправить через реку.

Во-вторых, в 250 метрах перед люнетами левого фланга находился лесной массив, который затруднял фронтальный обзор и способствовал скрытому подходу неприятеля к русским позициям. В-третьих, лагерю на Дриссе не хватало очень существенного стратегического элемента, который сделал неприступными позиции Веллингтона на линии Торрес — Ведрас: моря как опорного пункта и находившегося на море флота как резерва.

Провал оборонного плана

После осмотра местности специально назначенной группой офицеров, куда входили А.Ф. Мишо, К.Ф. Толь, К. Клаузевиц и его основатель Л. Вольцген, стало ясно, что держать оборону в Дрисском лагере нельзя. Тогда же стало известно о попытках французов обойти левый фланг 1-й Западной армии и попытках корпуса маршала Даву преградить путь Багратиону к отступлению.

План Фуля держать оборону в Дрисском лагере не только терял свою актуальность, но и становился просто опасным для армии. Как отметил Клаузевиц, если бы русские добровольно не покинули лагерь, они оказались бы атакованы с тыла и были бы загнаны в полукруг окопов и принуждены к капитуляции.

Русские войска вошли в Дрисский лагерь 10 июля, а уже 16 июля 120-тысячная армия Баркляя-де-Толли со всеми войсками, бывшими в Дриссе, со всеми обозами и самим Александром I покинула лагерь и направилась к Витебску.

Дрисский лагерь глазами французов

Вечером 6 (18) июля к Дрисскому лагерю приблизились основные части Великой армии. Вот как описывает увиденное полковой доктор пруссак Роос: «При непрерывном приближении к главным окопам, необычайно высоким и снабженным большим количеством бойниц, у многих, вероятно, сердце забилось удвоенным или утроенным темпом. Чем больше мы подходили, тем тише становились все; не слышно были ни звяканья оружия, ни покашливания; ни одна лошадь не заржала; казалось, что и лошади умеют ходить на цыпочках. В любое мгновение мы ждали громового приветствия из этих окопов и их жерл и тихо подвигались к ним. Вдруг туман, застилавший нам глаза, рассеялся; тишина сменилась шепотом и затем хохотом; за огромными окопами не было ни одной пушки, ни одного солдата. Наверху бродил мужичок, которого раньше приняли за солдата, а посланные патрули скоро принесли известие, что русские на заре покинули свой лагерь и эти окопы». Армия продолжила свое продвижение и уже 10 (22) июля оказалась на Дисне.

История с Дрисским лагерем произвела двойное впечатление на командующих и солдат французской армии. Одни убеждались таким образом в трусости русских, другие удивлялись беспечности, третьи видели в самом объекте свидетельство мощи противника. Так или иначе, все сводилось к одному: Великая армия продолжала наступать, а русские продолжали уходить вглубь страны, что все более беспокоило рядовых солдат обеих войск.

Карл Людвиг Фуль (нем. Pfull или Pful) (1757–1826) после поражения Пруссии в 1806 году был принят в русскую армию, служил в чине генерал-майора, в 1808 году был произведен в генерал-лейтенанты. За шесть лет службы в России Фуль не выучил ни единого русского слова. По выражению злоязычного шведа Армефельда, Фуль являл собой помесь «рака с зайцем». Тем не менее в 1811 году Фуль являлся главным военным советником императора Александра.

После решения покинуть Дрисский лагерь, согласно рассказам Е. Ф. Комаровского, Фуль лишился не только поддержки императора, но и стал объектом постоянных насмешек. В октябре Фуль бежал в Англию через Швецию, где и находился до окончания войны. Однако после успешной реализации некоторых идей плана Фуля в ходе отступления русской армии его доброе имя было восстановлено. После окончания войны Фуль был возвращен на русскую службу и вскоре получил назначение посланцем в Гаагу, в каком-то звании и оставался до 1821 года. Умер генерал в 1826 году в Штутгарте.

День 29
7 (19) июля
1812 года

Рядовой павловского
гренадерского полка

Гренадеры: отборные части пехоты

Гренадами, или «гренадками», раньше называли ручные гранаты. Они представляли собой небольшое ядро с фитилем, и их вручную метали во вражеские укрепления. От этого приспособления и пошло целое название воинской части.

Чтобы попасть в противника такой гренадой, необходимо было подобраться к нему как можно ближе, поэтому в гренадеры отбирали самых смелых и мужественных бойцов. В Уставе 1811 года об этом говорилось: «В гренадеры и стрелки выбираются люди, невзирая на рост. Отлично доброе поведение, постоянство и терпение в трудах, мужество и храбрость в опасностях — суть единые права к сему выбору».

Хроника дня: Отряд Левиза сражается при мызе Гросс-Экау

Прaporщик запасного эскадрона Ямбургского драгунского полка Мартынов, направленный с разездом по Риге-Бауской дороге, встретился с передовым неприятельским отрядом и обнаружил, что главные силы неприятеля наступают от Бауска по дороге на деревню Зорген. После продолжительной перестрелки разезд прaporщика Мартынова отошел к мызе Гросс-Экау, чтобы сообщить генералу Левизу из Рижского корпуса генерал-лейтенанта Эссена о перемещениях неприятеля.

Чтобы не дать 10-му французскому корпусу маршала Макдональда занять Ригу, генерал-лейтенант Эссен выслал из Риги отряд генерала Левиза, который занял позицию при мызе Гросс-Экау. Утром пять батальонов прусской дивизии генерала Граверта атаковали позицию Левиза с фронта, наступая через деревню Зорген. В это время прусский генерал Клейст с тремя батальонами и шестью эскадронами стал обходить левый фланг Левиза со стороны деревни Дракен. Отряд генерала Левиза был окружен, но упорно сражался, используя дома, заборы, а также экаускую кирху

История гренадер: от Петра I до Николая I

В России первые гренадеры появились при Петре I — отдельными ротами в пехотных полках и в виде целых гренадерских частей. К середине XVIII века в российской армии были представлены целиком гренадерские части — батальоны и полки гренадер. Российские гренадеры были вооружены гранатами и фузеями (гладкоствольными ружьями с кремневым замком). При бросании бомб такие ружья легко можно было нести за спиной.

В 1763 году в России было уже четыре армейских гренадерских полка. Постепенно их число увеличивалось за счет переформирования мушкетерских полков в гренадерские и формирования новых частей. К началу 1812 года гренадерские полки были сведены в гренадерские дивизии, в 1814 году — в корпус.

Функции гренадер также менялись со временем: из метальщиков гранат они к 1812 году превратились в отборные части пехоты, и теперь по вооружению (гладкоствольные ружья) и по способам боевых действий гренадеры почти ничем не отличались от остальной пехоты.

Гренадеры в войну 1812 года

К началу Отечественной войны 1812 года в русской армии было 14 гренадерских полков: Лейб-гренадерский, Киевский, Сибирский, Таврический, Екатеринославский, Малороссийский, Московский, Фанагорийский, Астраханский, Санкт-Петербургский, Херсонский, Грузинский, Павловский, графа Аракчеева гренадерские полки. Также было три учебных гренадерских батальона, готовивших унтер-офицерские кадры полков.

Каждый гренадерский полк состоял из трех батальонов. Первый и третий батальоны являлись действующими, а второй — запасным. Каждый батальон состоял из четырех рот: гренадерской и трех фузилерных (пехотных). Нумерация рот была следующая:

- 1-й батальон: 1-я гренадерская, 1, 2, 3-я фузилерные;
- 2-й батальон: 2-я гренадерская, 4, 5, 6-я фузилерные;
- 3-й батальон: 3-я гренадерская, 7, 8, 9-я фузилерные.

В Лейб-гренадерском полку все роты были гренадерскими. Рота делилась на два взвода (гренадерский и стрелковый). В развернутом строю гренадерский взвод гренадерской роты стоял на правом фланге батальона, а стрелковый — на левом.

Лейб-гренадерский полк

В 1756 году в Риге был сформирован Гренадерский полк. В 1765 году императрица Екатерина II «в честь пехоты российской армии и в доказательство своего к ней уважения повелела именовать полк, как 1-й по его степени и как отличавшийся всегда воинскою дисциплиною и храбростью, своим Лейб-гренадерским полком». Тогда же она приняла в нем звание полковника.

В Отечественную войну два действующих батальона полка находились в 1-й Западной армии, 3-м корпусе генерал-лейтенанта Н.А. Тучкова, в 1-й гренадерской дивизии; запасной батальон — в корпусе генерал-лейтенанта П.Х. Витгенштейна. Командовал полком полковник П.Ф. Желтухин. В августе 1812 года полк участвовал в бою у Валутиной горы (около деревни Лубино). Это оборонительное сражение было важным этапом отступления русской армии после Смоленска, в результате которого ей удалось переправиться через Днепр. По оценкам историков, русская сторона потеряла в бою около пяти тысяч человек убитыми и ранеными, а французская — порядка восьми тысяч.

Оба батальона полка участвовали в Бородинском сражении: они находились на крайнем левом фланге (у деревни Утица) и отразили все атаки корпуса Понятовского. Затем полк участвовал в сражениях при Тарутине, под Малоярославцем и Красным. 2-й батальон также сражался при Якубове, Клястицах, у Полоцка, при Чашниках, на Березине.

В 1813 году за отличие в Отечественную войну, храбрость и мужество Лейб-гренадерский полк был причислен к гвардии под названием лейб-гвардии Гренадерского полка. Офицерам полка были присвоены права «молодой гвардии», т.е. со старшинством одного чина перед армейскими, а не двух (как было у «старой гвардии»). Полку были также пожалованы Георгиевские знамена с надписью «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России в 1812 г.».

Павловский гренадерский полк

Павловский гренадерский полк был сформирован в 1796 году. Он был особо отличен 20 января 1808 года, в этот день по высочайшему повелению провозглашалось: «За отличное мужество, храбрость и неустранимость в сражениях с французами 1806 и 7 г., в почесть полка, состоящие в нем шапки оставить в том виде, в каком он сошел с поля сражения, хотя бы некоторые из них были повреждены; да будут они всегдашним памятником отменной храбрости полка и монаршего к нему благоволения». Привычная высокая гренадерская шапка — «митра» — в начале XIX века была заменена кивером, для Павловского гренадерского полка было сделано исключение, он по-прежнему носил митры.

В 1812 году два действующих батальона Павловского полка состояли в 1-й Западной армии, 3-м корпусе генерал-лейтенанта Н.А. Тучкова, в 1-й гренадерской дивизии; запасной батальон — в корпусе генерал-лейтенанта П.Х. Витгенштейна. Полк участвовал в Бородинском сражении, боях при Тарутине, за Малоярославец, под Красным, при Клястицах, под Полоцком, при Чашниках и Березине.

В 1813 году за мужество и храбрость он был назван лейб-гвардии Павловский полк и получил права «молодой гвардии». Ему были пожалованы Георгиевские знамена с надписью «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России в 1812 г.».

в качестве укреплений. Проложив себе путь к отступлению через прусский отряд генерала Клейста, остатки русских войск отошли к мызе Далекирхен, а 8 (20) июля вернулись в Ригу.

2-я Западная армия
Отряд полицмейстера Литвинова, высланный из Могилева, совершил нападение на французские аванпосты у города.

Павел Александрович Строганов (1772–1817) — граф, русский государственный и военный деятель, генерал-лейтенант. К 1802 году Строганов уже получил чин тайного советника, звание сенатора и должность товарища министра внутренних дел. Он был одним из инициаторов создания и членом Негласного комитета при Александре I, сторонником либеральных реформ.

В 1812 году граф Строганов командовал 1-й гренадерской дивизией. В Бородинском сражении ему пришлось заменить раненого генерала Н.А. Тучкова на посту командира 3-го пехотного корпуса. Он проявил себя как смелый и талантливый командир, за что был награжден чином генерал-лейтенанта. Во главе корпуса находился в сражениях при Тарутине, под Малоярославцем и под Красным. Во время заграничных походов русской армии он был награжден орденом Святого Александра Невского, орденом Святого Георгия 2-го класса. 22 августа (3 сентября) 1814 года назначен командиром 2-й гвардейской пехотной дивизии.

День 30
8 (20) июля
1812 года

Ловушка Даву и Багратион

Дж. Доу. Портрет П.И. Багратиона. 1822-1823 гг.

С первых дней войны Наполеон пытался разгромить русские войска, навязав им генеральное сражение. Это был его классический прием — одним ударом уничтожить всю армию, в одной битве решить исход кампании. Однако уже при занятии французами Вильны выяснилось, что русские войска отступают и делают это не хаотично, а организованно. В таком отступлении виделся далеко идущий стратегический расчет, и это сильно беспокоило Наполеона.

Хроника дня: Отрезан путь Багратиону на соединение с армией Барклая

2-я Западная армия
В четыре часа утра авангард маршала Даву подошел к Виленской заставе Могилева. Заставу обороняли запасные батальоны 1, 5, 3 и 42-го егерских полков под общим командованием полковника Грессера. После ожесточенного боя французам удалось овладеть Могилевом. Отряд полковника Грессера отступил по дороге к деревне Салтановке. С потерей Могилева путь армии Багратиона на соединение с армией Барклая-де-Толли оказался отрезан.

1-я Западная армия
Четыре французских кавалерийских полка были направлены из Друи к местечку Похаиновцы, где находилась главная квартира корпуса Витгенштейна, для проведения разведки. Русские егеря остановили кавалерию французоз, захватив в плен нескольких нижних чинов 5-го французского гусарского полка.

«Насилу выпутался из аду, дураки меня выпустили»

Французам необходимо было одновременно предпринять две операции: против Барклая-де-Толли, 120-тысячная армия которого отходила к Дрисскому укрепленному лагерю, и против Багратиона, стремительно отступавшего к Несвижу. Численность 2-й Западной армии была всего 45 тысяч человек, поэтому Наполеон не сомневался в успехе.

Следовало лишь провести успешный маневр, отрезать Багратиону путь на соединение с армией Барклая-де-Толли, и 2-я Западная армия будет уничтожена. Эту задачу французский император поручил маршалу Н. Даву, который вышел из Вильны с 50 тысячами человек. Отрезая Багратиону отступление, Даву шел через Ошмяны на Минск. Тем временем вестфальский король Жером Бонапарт отправился к Новогрудкам, чтобы предупредить движение Багратиона, который 29 июня был еще у Немана.

Чтобы выпутаться из ловушки, Багратион был вынужден ускоренным маршем пойти из Бреженца на Гродно, а затем двинуться мимо Вильны к Свенцянам. Положение его войск стало критическим: за ним гнались войска маршала Даву, теперь насчитывавшие уже не 50 тысяч, а 70, а также 35-тысячный корпус Понятовского, 16-тысячный отряд Жерома Бонапарта, а также Груши с семью тысячами человек и восемь тысячами солдат Латур-Мобура. Чтобы избежать окружения войсками Даву, заходившего с севера, Багратион свернул к югу, направляясь на Несвиж.

К Несвижу Наполеон отправил Жерома Бонапарта, но легкомысленный и празднотлюбивый вестфальский король продвигался очень медленно, четыре дня проведя в Гродно. За семь дней его отряд прошел всего 20 миль. В итоге Жером, хоть и имел перед Багратионом преимущество в два перехода, к Несвижу опоздал. Багратиону удалось отступить прежде, чем французские клещи успели сомкнуться.

Наполеон был разгневан нерасторопностью своего брата, поэтому подчинил вестфальского короля маршалу Даву. Все плоды маневров Даву оказались бесплодными из-за нерасторопности Жерома Бонапарта. Этой нерасторопности удивлялся и сам Багратион, писавший в письме к Ермолову: «Насилу выпутался из аду, дураки меня выпустили». Это была настоящая удача для 2-й Западной армии: если бы не ошибка противника, она была бы уничтожена.

Прорыв Багратиона

Однако и после этого положение Багратиона оставалось очень опасным. Его армия шла через Несвиж и Бобруйск к Могилеву ускоренным маршем, преодолевая в сутки по 50, а иногда и по 70 километров. С тыла Багратиона настойчиво теснил корпус Латур-Мобура, авангард которого достиг русских у Мира 9 (27)–10 (28) июля, 14 июля (1 августа) у местечка Романова. Оба раза Багратиону удалось отбиться, но не это было сейчас самое главное. Принципиально было выйти к Могилеву раньше, чем город займет Даву. Как ни старался Багратион, эту главную задачу ему не удалось выполнить. 8 (20) июля французы заняли город. Положение 2-й Западной армии опять стало критическим. Узнав от разведчиков, что в Могилеве находится часть корпуса Даву, Багратион решился на прорыв.

Прорвать французскую оборону надлежало корпусу генерала Раевского. У местечка Салтановка под Могилевом 11 (23) июля произошло одно из самых кровопролитных сражений начального этапа войны. Войска Раевского несколько раз атаковали французов, но пробиться к городу так и не смогли. Маршал Даву, видя отчаянные атаки русских под Салтановкой, не стал контратаковать, ожидая на следующий день наступления всей 2-й Западной армии.

Этого одного дня Багратиону хватило, чтобы перейти Днепр и продолжить отступление. Две русские армии смогли благополучно встретиться у Смоленска 3 (15) августа.

Таким образом, Наполеон не смог выполнить одну из важнейших стратегических задач — уничтожить 2-ю Западную армию, что заставило французского императора внести существенные корректировки в план кампании 1812 года.

Мари Виктор Николаи де Фэ Латур-Мобур (1768–1850) был направлен в 1800 году в Египет, где и познакомился с Бонапартом. Участвовал в битве при Абукире, в сражении при Каире и при Александрии. Во время кампании 1805 года отличился при Аустерлице, за что был произведен в бригадные генералы. В 1807 году командовал 1-й драгунской дивизией, с которой сражался при Гейльсберге. В сражении при Фридрихсвальде 2 (14) июня 1807 года был тяжело ранен, через год вновь возглавил дивизию и был направлен в Испанию. В 1811 году сменил маршала Мортье на посту командира 5-го корпуса армии Испании и одержал победу в бою при Эльвасе.

С марта 1812 года в чине дивизионного генерала Латур-Мобур командовал 4-м кавалерийским корпусом. Участвовал в сражениях при Мире и Романове, преследовал 2-ю Западную армию Багратиона. В ходе Бородинского сражения вместе с кавалерией Груши участвовал в кровопролитных боях у Курганной высоты и был ранен. В бою под Лейпцигом потерял ногу. В 1817 году был удостоен титула маркиза, а с 1819 по 1821 год занимал пост военного министра Франции.

Маршал Даву

День 31
9 (21) июля
1812 года

Ратуша в Могилеве.
Начало 1900-х годов

Могилев: «инвалидная команда»

«Подходя к комендантскому дому, мы увидели на площадке человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных шляпах. Они выстроены были во фронт. Впереди стоял комендант, старик бодрый и высокого роста, в колпаке и в китайчатом халате».

А.С. Пушкин. Капитанская дочка

Хроника дня: Казаки Сысоева отбросили французов

2-я Западная армия Князь Багратион отдал приказ полковнику Сысоеву выйти на большую Могилевскую дорогу и двигаться по ней к Могилеву. 3-й французский конно-егерский полк, преследовавший отряд полковника Грессера, отступавший из Могилева, у деревни Новоселки наткнулся на казаков Сысоева. Завязался бой, в результате которого 3-й французский конно-егерский полк был отброшен назад к Могилеву, а отряд Грессера смог присоединиться к авангарду 2-й Западной армии.

Могилевская губерния

Могилевская губерния появилась на карте Российской империи в 1772 году после первого раздела Речи Посполитой. С 1777 года «всемилостивейшим указом» было закреплено количество уездов в Могилевской губернии — 12. Первым губернатором стал Михаил Васильевич Каховский. В 1802 году Могилевская и другие близлежащие губернии были объединены в Белорусское генерал-губернаторство.

Гарнизон из «инвалидов»

В 1812 году Могилев представлял собой важный оборонительный центр, поскольку здесь были сосредоточены большие запасы продовольствия и фуража, амуниции и перевязочных материалов, плотов, лодок и барж для эвакуации на юг раненых и больных. Но наиболее важным объектом представлялся постоянный мост в городе, который мог обеспечить быстрый переход армии на противоположный берег. Ясно, что взятие Могилева давало ряд известных преимуществ и отступающему Багратиону, и преследовавшему его маршалу Даву; теперь речь шла о том, кому из них удастся первым занять город.

Еще 3 (15) июля Багратион уверял могилевского губернатора Дмитрия Толстого в том, что для эвакуации нет причин и вскоре для обороны города прибудет корпус генерала Раевского. В связи с чем губернатор не делал никаких приготовлений и даже чиновникам приказал оставаться на местах. Однако маршал Даву выслал к городу довольно сильный отряд, который в разы превосходил защиту города и числом, и боеспособностью. На защиту города прибыли только батальон полковника Колена в 300 человек и отряд полковника Грессера, укомплектованный по большей части рекрутами, егерями и минерами, а сам гарнизон города состоял из «инвалидов», то есть старослужащих.

Общая численность защитников города, таким образом, едва превышала тысячу человек, что никак не обнадеживало горожан относительно исхода столкновения с Великой армией. Когда 7 (19) июля стало понятно, что больше ждать подмоги неоткуда, а неприятель находится в 15 верстах от города, эвакуировать склады и жителей было уже поздно, поэтому пришлось готовить Могилев к обороне.

Вид города Могилева. Из книги Годунов В., Королев А. История 3-го Уланского Смоленского Императора Александра III полка, 1908 год

Оборона Могилева

Рано утром 8 (20) июля на Виленском поле защитники города выстроились в два кара с пушками на флангах. В четыре часа утра к заставам вернулись городские драгуны, возвестившие о приближении неприятеля. Вскоре показался французский авангард — 3-й конно-егерский эскадрон Дежана. После небольшой стычки он отступил, но вслед за ним прибыли и основные силы, после чего участь города была определена. Колену и Гессену оставалось только отступить.

Интересным представляется описание обороны Могилева, опубликованное в 1851 году в «Губернских ведомостях» (№ 21), в котором представлен подвиг инвалидной команды в несколько десятков человек, встретивших французов залпом из единственной заржавевшей пушки:

«В городе остались только мещане, бедные чиновники, инвалидные солдаты и духовенство. Капитан, начальник инвалидной команды, по долгу службы встретил врагов с оружием в руках. Он, мысля так: «Хоть одним врагом меньше», привел в возможный порядок свою команду и выстроил ее при входе с Бульварной площади на Виленскую улицу, а некоторые более сильные солдаты, откопав где-то в грязи пушку заржавевшую, вытащили ее на окоп... В виду неприятеля защитники Могилева зарядили пушку всем имевшимся у них запасом и выстрелили самым ужасным образом. Этот выстрел был большой задачей для французов, узнавших наперед, что в Могилеве вовсе нет русского войска. Он принудил неприятеля стать в боевой порядок».

Город захвачен в несколько часов

В несколько часов город был захвачен, спасти удалось только раненых и больных, отправив их вниз по течению Днепра в Черниговскую губернию. Губернатор едва сумел спастись, в последний момент выехав из города и скрывшись от преследования в болотах. Из Могилева Наполеону был отправлен следующий донос: *«Здесь было взято в плен 200 человек, из которых 18 офицеров; кроме того, 40–50 человек было убито или ранено... было взято также около 40 тысяч русских хлебных рационов..., несколько тысяч ружей, большинство которых в плохом состоянии, а также десять тысяч пик и несколько тысяч фунтов пороха».*

С пленными защитниками города французы поступили вполне благородно: солдат распределили по полкам, а офицерам сохранили награды, холодное оружие и предоставили возможность расконвоированным свободно перемещаться по городу.

Василий Алексеевич Сисоев (1772/1774–1839) начал службу в 14 лет рядовым казаком и прошел через все основные войны со шведами, поляками, турками, французами и австрийцами, получая за каждую не только новые повышения, но и множество орденов, был награжден орденами Георгия 3-й и 4-й степеней.

В войне 1812 года участвовал в ряде арьергардных боев, всегда с успехом отражая натиск противника и даже переходя в контрнаступление. Под Могилевом именно Василий Алексеевич прикрыл отступающий отряд Грессера и Колена. Особенную известность Сисоев получил за свои действия в ходе Тарутинского и Малоярославского сражений, но самой успешной в кампании 1812 года можно считать его операцию в ходе боя под селом Марково, когда полковник захватил 64 орудия, за что был произведен в генерал-майоры.

В начале 1813 года был уволен для лечения на Кавказе, после чего остался на Кавказе и участвовал в ряде операций Кавказской войны. С отличием действовал в Русско-турецкой войне (1828–1829), за что был произведен в генерал-лейтенанты. За полученные ранения в ходе подавления восстания в Польше (1830–1831) получил три тысячи десятин в Ставропольской губернии. С 1804 года имя Василия Алексеевича Сисоева носил 2-й Донской казачий полк.

День 32
10 (22) июля
1812 года

Дж. Доу. Портрет императора Александра I. 1826 г.

Хроника дня: Даву отступил за Салтановку

2-я Западная армия
Авангард 2-й Западной армии под командованием генерал-адъютанта Васильчикова атаковал авангард французского корпуса маршала Даву и заставил его отступить за деревню Салтановку.

1-я Западная армия
По приказу Баркляя-де-Толли два эскадрона Сумского гусарского полка во главе с полковником Самариным отправились из Полоцка к местечку Бешенковичи, чтобы задержать авангард французов, пока будет проводиться перевозка продовольственных запасов на правый берег Западной Двины. Эскадроны Самарина атаковали эскадрон французских конных егерей из 4-го корпуса Евгения Богарне и практически полностью его уничтожили. Поздно вечером отряд Самарина перешел на левый берег Западной Двины, а для его прикрытия к Бешенковичам прибыли егеря из 3-й пехотной дивизии, батальон Бутырского пехотного полка и два орудия легкой роты 24-й артиллерийской бригады.

3-я Обсервационная армия
Отдельный отряд генерал-майора Меллиссино подошел к участку реки Пины между деревней Залужье и Пянском для рекогносцировки саксонской позиции.

Приезд императора в Москву

Воззвание государя к Первопрестольной и паника

6 (18) июля 1812 года, в день отъезда Александра из Полоцка, государственный секретарь А.С. Шишков по приказу императора подготовил два царских манифеста: «Первопрестольной столице нашей Москве» и «О сборе внутри Государства земского ополчения», которые были отправлены вперед государя с генерал-адъютантом Трубецким.

Император обращается к Первопрестольной столице, которая «всегда была главою прочих городов российских; она изливала всегда из недр своих смертоносную на врагов силу; по примеру ее, из всех прочих окрестностей текли к ней, на подобие крови к сердцу, сыны Отечества для защиты оного». Именно поэтому обращается он к древней столице, чтобы собрать «новые внутренние силы» для «надежнейшей обороны».

Первые известия о манифесте вызвали в Москве испуг. «Мы пропали, мы пропали!» — повторяла хозяйка московской квартиры С.Н. Глинки; другого современника, М.И. Маракуева, при беглом прочтении манифеста «пронял холодный пот», по его словам, «вся Москва пришла в ужас» от подобных прокламаций. Но вскоре информация о предстоящем прибытии императора в Первопрестольную столицу внесла успокоение в ряды московских граждан.

По воспоминаниям сопровождавшего государя графа Е.Ф. Комаровского, Александр I по своей всегдашней скрытности и скромности повелел главнокомандующему города графу Ф.В. Ростопчину, чтобы «никакой встречи его величества делано не было, и нарочно приехал в Москву ночью...». Однако же горожане собрались за Драгомиловской заставой и на Поклонной горе, и «от последней станции к Москве вся дорога был наполнена таким множеством народа, что от бывших у сих желающих видеть своего государя фонарей было так почти светло, как днем».

Приезд императора: небывалый подъем духа

На следующий день после приезда в Москву император приказал назначить молебен в Успенском соборе Московского Кремля. Но, когда государь взошел на Красное крыльцо, его взгляду предстала громадная, радостно взволнованная толпа. По рассказу вездесущего графа Комаровского, чтобы довести Александра I до собора, «генерал-адъютанты принуждены были составить из себя род оплота», а «громогласное "ура" заглушало почти колокольный звон». С трудом император и свита добрались до церкви чрез то «бушующее море», что представляла собой толпа на Соборной площади.

15 (27) июля состоялось собрание московского дворянства и купечества в Кремле. Сначала император посетил дворянское собрание, где произнес пламенную речь, в которой говорил о том, что «настало время для России показать свету ее могущество и силу», и призывал не робеть пред грозным врагом. В ответ звучали не